**И. А. Масленицына**

# По рыцарским законам

Минск
«Полымя»
2001

УДК 882 (476)-32
ББК 84 (4Беи-Рус) 6 М 31

Серия основана в 1999 году

**Масленицына И. А.**

По рыцарским законам/И. А. Масленицына. Мн.: Полымя, 2001.— 208 с,.: ил,— (Двое в истории)

ISBN 985-07-0383-0

Отвага и трусость, доблесть и коварство, любовь и ненависть переплелись в судьбах реально существовавших людей. О тайнах чувств закованных в броню суровых воинов, о жизни, посвященной борьбе за идеи, за власть, за любовь, — повествует эта книга.

УДК 882 (476)-32
ББК 84 (4 Беи-Рус) 6

ISBN 985-07-0383-0

# ПО РЫЦАРСКИМ ЗАКОНАМ

*Как нравится людям читать о далеких, в нашем восприятии уже почти сказочных, рыцарских временах! С самого раннего детства и до глубокой старости среди наших любимых героев, невидимых друзей, помогающих легче переносить тяжкие периоды жизненных неудач, достойнее вести себя в годину испытаний, отличать добро и благородство от хитрости и коварства — они, рыцари, существовавшие реально или родившиеся на свет благодаря фантазии писателя, его таланту.*

*Король Артур и рыцари «Круглого стола», Айвенго, Ричард Львиное Сердце, Квентин Дорвард, Неистовый Роланд, Робин Гуд, Жанна Д'Арк и даже смешной и благородный Дон Кихот... Мы любим их, мы нуждаемся в них. Бард Владимир Высоцкий писал:*

*... Только в грезы нельзя насовсем убежать:*
*краткий миг у забав — столько боли вокруг!*
*Попытайся ладони у мертвых разжать*
*и оружье принять из натруженных рук.*
*Испытай, завладев еще теплым мечом*
*и доспехи надев, что почем, что почем!*
*Разберись, кто ты — трус иль избранник судьбы,*
*и попробуй на вкус настоящей борьбы...*

*И это желание «попробовать на вкус настоящей борьбы» настолько сильно в нас, детях иной эпохи, запрещающей вызвать на честный поединок своего злейшего врага, силой оружия заставить негодяя, оскорбившего даму, на коленях вымаливать у нее прощение, объявить вопреки всему единственными законами для себя законы чести, что в этом неромантическом мире, окружающем нас, мы создаем для себя и своих единомышленников рыцарские клубы, продолжая в их пределах свои детские игры в рыцарей, правда, уже на более серьезном уровне. Только в Беларуси таких клубов сегодня более десятка. Их члены куют себе боевое оружие, носят тяжкие доспехи, упражняются в искусстве менезанга, учатся старинным танцам, регулярно устраивают для себя турниры. Каждый из них мнит себя в душе рыцарем периода столетней войны или противостояния Алой и Белой роз, участником освобождения Иерусалима или героем событий, воспетых в прославленной «Песне о Роланде».*

*Действительно, рыцарство — красивое старинное понятие, введенное в обиход наш благодаря средневековой истории стран Западной Европы. Но мало кому еще даже сегодня известно, что и в истории Беларуси был свой рыцарский период, свои рыцари, борцы за честь, справедливость и любовь и свои прекрасные дамы, достойные рыцарственного поклонения.*

*Им-то и посвящается эта книга.*

## РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

*О том, как роковая страсть превратила героя в злодея*

Впервые благородным словом «рыцарь» мужчин соответствующего сословия на наших землях стали называть в XIII столетии, во времена Миндовга, первого и единственного короля Литвы и Беларуси.

Миндовг был личностью удивительной. Некоторые исследователи склонны относить его к плеяде наших великих земляков. Другие, наоборот, развенчивают короля, считая его скорее авантюристом на престоле, чем монархом, не боящимся рисковать всем ради достижения поставленной цели.

Не будем спорить ни с теми, ни с другими. Просто расскажем о роковой страсти, уподобившей Миндовга шекспировскому злодею Макбету.

Впрочем, начало биографии Миндовга (во всяком случае то, что нам о нем известно) было довольно героическим. Он вошел в белорусскую историю в один из самых драматичных и сложных ее периодов. С Запада грозили мечом крестоносцы, с Востока — монголо-татары. Династия властителей и защитников Белой Руси, полоцких князей, угасала, и не было никакой реальной силы для того, чтобы сплотить разъединенные белорусские города, хоть как-то обезопасив их этим от смертельной угрозы со стороны воинственных соседей. Именно в это время жители Новогрудка по неизвестным нам причинам сместили своего князя Изяслава и приняли решение посадить на его место Миндовга, который пришел однажды сюда со своими верными боярами искать спасения и защиты от врагов.

Миндовг был представителем одного из самых знатных литовских родов. С гордостью он перечислял своих предков: отца Рынгольда, деда Альгимонта, прадеда Тройната, прапрадеда Скирмунта, прапрапрадеда Мингайло и так до самого первого предка, родоначальника, полумифического Кунаса, основателя Ковно.

Новогрудку правитель с такой древней родословной мог принести только честь. Но это было не главным. Главным было то, что Миндовг имел выдающиеся дипломатические способности и к тому же был умелым военачальником.

Дату вокняжения литовца Миндовга в древнем славянском городе летописцы не сохранили для нас. Но известно, что это произошло между 1219 годом, когда наш герой в числе князей литовских да жмудских присутствовал на заключении мирного договора с князем Данилой в Галиче, и 1235-м, когда в качестве союзника Данилы

выступал против мазовецкого князя Конрада уже с новогрудской дружиной и воинами «Литвы Миндовга» .

Новый правитель был удачлив. Он снискал уважения подданных тем, что практически без крови и жестоких политических стычек ему удалось очень скоро объединить вокруг Новогрудка многие белорусские города, превратить скромное княжество в сильную «страну Миндовга» (так называли ее немецкие хроники) . Миндовг укрепил свою столицу и сумел создать надежное, хорошо вооруженное и обученное войско. Он заключил договор с ближайшим соседом, галицко-волынским князем Данилой, и заручился поддержкой сильного Тверского княжества, вступив в брак с тверской княжной. Поспешил также наладить дружественные связи с Новгородом, где княжил Александр Невский.

Авторитет новогрудского правителя год от года возрастал. С ним начинали считаться в Европе. Силу его оружия неоднократно испытали на себе крестоносцы и именно они, вначале видевшие в Миндовге только «хитрого и жестокого варвара», в 40-х годах XIII столетия уже именуют его «князем-рыцарем». В такой бы ипостаси и остаться ему в памяти людской, если бы не вспыхнувшая внезапно роковая страсть к женщине.

Её звали Марта. Была она дочерью лифляндского дворянина Фляндра и женой литовского князя Висмонта. Скупые летописные строки не дают нам возможности узнать, когда и как зародились чувства новогрудского правителя и супруги одного из самых верных его соратников. Быть может, сначала они полагали, что это кратковременное увлечение. Но каждая новая встреча привязывала женатого мужчину и замужнюю женщину друг к другу все больше и сильнее.

Миндовг и не заметил, как попал под влияние умной и расчетливой Марты. Она стала уже не просто любовницей новогрудского князя, а его советчицей.

Есть женщины, которые, привлекая к себе достойных мужчин, делают все возможное, чтобы еще больше возвысить и облагородить своих избранников. Марта была иной. Она прекрасно понимала, что вызывая в своем возлюбленном только плотские желания, она рискует потерять его со временем, когда он пресытится тайными любовными ласками. Для того чтобы удержать Миндовга около себя навсегда, ей надо сделать все возможное, чтобы оказаться единственным человеком, кому князь мог бы довериться. Сначала Марта, стала разжигать в сердце своего рыцаря огонь недоверия к его родственникам. Ближе всех Миндовгу был князь Выкинт. Этот смелый, веселый, добродушный человек выдал свою сестру замуж за младшего брата Миндовга

Эрдзивилла. А когда Эрдзивилл умер, то Выкинт постарался заменить Миндовгу брата.

Поистине надо было обладать изощренным умом и дьявольской изобретательностью для того, чтобы посеять вражду между ними. И у Марты все это было.

В 1252 году Миндовг вдруг посылает Выкинта вместе с молодыми сыновьями Эрдзивилла завоевывать земли Смоленского княжества, а в их отсутствие захватывает принадлежащие им владения. Мало того — отправляет вслед за племянниками и Выкинтом наемных убийц! Вовремя предупрежденные о готовящейся над ними расправе князья кинулись искать спасения и помощь у Данилы Галицкого, который вторым браком был женат на дочери Эрдзивилла. Возмущенный неслыханным коварством Миндовга, который, узнав о провале затеи с убийством, даже не постеснялся послать в письме Даниле просьбу умертвить беглецов, галицкий князь обещал Выкинту содействие и защиту. Данила договорился с ливонскими рыцарями, а Выкинт — со жмудинами и ятвягами. И началась отвратительная усобица.

Со всех сторон окруженный врагами, Миндовг обратился за советом к Марте. И она, трезво оценив обстановку, нашла единственно правильный выход. Миндовг должен стать католиком, тогда ливонцев можно привлечь на свою сторону. Сама Марта была католичка. И ей хотелось видеть любимого человека единоверцем.

И вот Миндовг пишет тайное послание магистру Ливонского ордена Андрею Стирланду. Он предлагает предводителю «божьих дворян» золото, серебро, драгоценности и намекает на согласие обратиться в католичество. Впрочем, видимо, тоже по совету Марты, новогрудский князь заодно начинает через Стирланда переговоры с Римом о возможности короноваться.

Какая же польза Марте от короны Миндовга? Скорее наоборот. Ведь тогда король Литвы станет для нее еще более недоступным. Но жена Висмонта идет ва-банк. У нее есть на то причины.

Это только царь Соломон в своих притчах утверждал, что «так же, как нельзя смертному увидеть след змеи на камне, след птицы в небе, след рыбы в воде, нельзя различить и след мужчины в женщине». Страсть человеческая не может слишком долго оставаться не видимой для чужих глаз. И тогда перед соучастниками греха встает выбор — позор или преступление. Они не желали позора. Они боялись его.

Так князь Миндовг, ради Марты, которая уже ждала от него ребенка, совершил второе свое преступление. Он сделал ее вдовой.

Несчастный Висмонт, обманутый и преданный своей женой, погиб во время осады войском Миндовга города Выкинта Твирамета.

Большинство летописей просто и без комментариев констатируют этот факт. Но холмский летописец прямо обличает новогрудского властителя: «его же (Висмонта,— И. М.) убил Миндовг и жену его взял». Видимо, подосланные к Висмонту наемные убийцы выбрали во время боя удобный момент и нанесли роковой удар в спину.

Эта смерть повлекла за собой целую цепочку других. Очень скоро при таинственных обстоятельствах погибли на охоте и два брата Висмонта, Эдзивилл и Спрудейко. Быть может, они о чем-то догадывались? Не менее таинственно и внезапно уходит из жизни супруга Миндовга.

Путь к любимому мужчине и короне для Марты теперь свободен. Она успевает сделаться его женой как раз вовремя, чтобы рожденного ею ребенка Миндовг мог во всеуслышание назвать сыном, а значит, наследником и, кто знает, может, и будущим королем. Впрочем, в любом случае ни у кого не возникли бы сомнения в том, что отец маленького Рупека — не Висмонт. Ведь за годы супружеской жизни с ним Марта так и не смогла зачать.

И вот, наконец, долгожданный ответ от папы римского Иннокентия IV, который торжественно объявляет о том, что берет Миндовга «с женой, сыновьями и всем двором под протекцию и опеку апостольской столицы».

Провести коронацию поручено холмскому епископу Генриху. После того как корона украсила голову Миндовга, под такое же вожделенное украшение склоняет свою головку счастливая Марта. Она добилась того, чего хотела. Она короновала своего возлюбленного и сама стала королевой.

Ей кажется, что ничего не было упущено, что самое трудное — уже позади. Эта лифляндская леди Макбет в упоении собой не хочет замечать, что государство, созданное Миндовгом, держалось в основном на искреннем уважении к нему его подданных. И потерю этого уважения навряд ли возместит корона.

Не настораживало новоиспеченную королеву даже то, что от Миндовга по ее вине отвернулся его старший сын и наследник Войшелк, рожденный в браке с тверской княжной.

Казалось бы, принятие католичества и королевского титула должно было стать для Миндовга и его жены началом триумфа, а стало началом конца.

Первый удар наносит королю Литвы князь Данила Галицкий, в том же 1253 году, в декабре, разгромив его войско. На униженные просьбы начать мирные переговоры князь Данила отвечает отказом. И недовольные Миндовгом новогрудские бояре смещают его, выбирая

своим князем Войшелка. Ценою огромных жертв Войшелку удается примириться с галицким князем. Он выдает замуж свою сестру за сына Данилы, Шварна, а сам, опасаясь за свою жизнь, уходит в монахи. Новогрудок становится владением сына Данилы Галицкого, Романа.

Еще подчиняются Миндовгу иные города его «страны», но реальная власть ускользает из рук. Неужели останется только громкий титул? Напрасно Марта, подарившая в 1254 году ему второго сына, Руклю, с воодушевлением занимается составлением родовода короля Миндовга по всем европейским канонам. Напрасно хронисты старательно производят знаменитого предка Миндовга Кунаса от римского патриция Палемона, который во времена Аттилы, якобы спасая свою жизнь, покинул родину и поселился на привольных берегах Немана. Напрасно измышляют исторические доказательства наследственных прав рода Миндовга на Новогрудок и Полоцк, Волковыск, Слоним и Пинск. Сам Миндовг уже начинает прозревать. Он хочет вернуть себе уважение и любовь подданных. А они требуют разорвать все отношения с Ливонским орденом, который опустошает теперь жмудские земли. Жмудины, предводительствуемые сыном Миндовговой сестры, Тройнатом, обращаются к тому, кто всегда был их союзником, с требованием вспомнить о вере праотцов.

— Забудь Христа, которым тебя обманули, — призывают они,— Все ложь, что тебе рассказывают орденские братья, когда отговаривают от твоих богов. Твой отец был знатный князь, и в то время не было ему равных. Неужели ты желаешь принять ярмо сам и навязать его своим детям, если можешь быть вольным? Когда крестоносцы покорят жмудинов, слава твоя погибнет, а с нею и все твое королевство...

Видимо, слова эти задевают Миндовга до глубины души. Потому что в 1260 году он демонстративно отрекается от католичества и отказывается от короны.

Ошеломленная Марта, которая до самого конца пыталась удержать мужа от этого губительного, по ее разумению, шага, впервые услышала от супруга резкое слово.

— Нравится тебе или нет, но я отрекся от христианства, порвал с магистром и снова пришел к вере отцов наших. Поздно теперь что-либо менять. Поэтому, жена, молчи. Что будет, то и будет...

Но пытаясь изо всех сил вернуть прошлое, Миндовг утрачивает и настоящее.

Лишившись титула королевы, с которым она так много связывала, надеясь стать родоначальницей королевской династии, потрясенная Марта серьезно заболела. А когда в своей державе Миндовг, подстре-

каемый жмудинами, начал настоящую охоту на католиков, закрывая глаза на то, что воины его стали приносить в жертву языческим богам захваченных в плен ливонцев, когда в священных рощах запылали костры, на которых корчились в муках сжигаемые заживо рыцари, разум Марты не выдержал. Медленно, но неуклонно она начала погружаться в бездну безумия. Миндовг пытался лечить ее, но все было безрезультатно.

В 1262 году, окончательно потерявшая рассудок, Марта скончалась. Перед смертью она завещала Миндовгу жениться на ее родной и единственной сестре, потому что, ей казалось, другие женщины будут обижать ее малолетних сыновей. Потрясенный Миндовг поклялся, что сделает это. И вновь поставил себя перед необходимостью совершить преступление, потому что сестра Марты была уже замужем за нальшанским князем Довмонтом. Решение пришло такое же неожиданное и необъяснимое, как и завещание утратившей разум женщины — отнять чужую жену.

Волею судьбы это стало последним из преступлений Миндовга — Макбета белорусской истории.

## РАССКАЗ ВТОРОЙ

*О том, как нальшанскнй князь мстил за попуганную честь*

На северо-западе нынешних белорусских земель в XIII столетии находилось Нальшанское княжество. Главным его городом был Крево. В Кревском замке жила счастливая семья — князь Довмонт, его жена и маленький княжич Полюш. Князь был храбр и гостеприимен, княгиня молода и красива, их сын беспечен и резв. Тихому семейному счастью Довмонта по-доброму завидовали соседи. Сам же князь благодарил языческих богов за посланные ему покой и уют домашнего очага.

Кто бы мог подумать, что найдется человек, у которого поднимется рука причинить зло Довмонтовой семье.

Но однажды к воротам замка прискакал на взмыленном коне гонец. Он привез скорбное известие — умерла сестра княгини — Марта, которая была замужем за Миндовгом. Безутешный вдовец просил супругу Довмонта приехать, чтобы проводить покойную в последний путь. Надо ли говорить, что опечаленная княгиня нальшанская тут же собралась в дорогу. Сожалея о том, что из-за нездоровья сам не может сопровождать ее в замок Миндовга, Довмонт подобрал для сопровождения и охраны жены лучших своих воинов. Очень расстроенный кончиной близкой родственницы, он просил княгиню передать Миндовгу искренние его соболезнования и, если это только можно, попытаться утешить.

Каково же было удивление Довмонта, когда спустя несколько дней его воины вернулись в Крево без своей госпожи. Вслед за удивлением нальшанского князя охватило негодование. Ему рассказали, что едва только Миндовг увидел княгиню, то, взяв ее за руки, произнес: «Мне надо было бы жену искать, а то боги дали мне жену». И тут же разъяснил: «Сестра твоя, умирая, наказала мне, чтобы я тебя замуж за себя взял. Сказала: это чтобы другая чужих детей не обижала».

И, не обращая внимания на протесты ошеломленной и перепуганной женщины, тут же приказал языческим жрецам провести над ним и женой Довмонта брачный обряд.

Охранники нальшанской княгини не посмели вмешаться. Их было так мало, да и как можно было не подчиниться властителю Литвы и Беларуси?

Довмонт, конечно, слышал, что демонстративно отказавшийся несколько лет тому назад от Христа и вернувшийся к язычеству Миндовг стремится во всем соблюдать древние литовские законы и обычаи. Согласно одному из них, мужчина должен немедленно после сме-

рти супруги вновь вступить в брак, ибо боги говорят, что человек должен не плакать об утратах, а радоваться жизни. Но ведь существует у литовцев и другой закон, согласно которому тот человек, который посягнет на честь чужой жены, должен как злодей умереть на костре. Но кто посмеет в лицо назвать государя злодеем?

Довмонт призвал на семейный совет братьев Гольшу, Гедруса, Тройденя, а также тестя Фляндра. Все были возмущены, но, реально проанализировав свои возможности, вынуждены были признать — против Миндовга они открыто выступить не смогут. Впрочем, от мести за честь женщины и всего рода мужчинам отказываться не пристало. Довмонт предложил заручиться поддержкой жмудского князя Тройната, который по матери своей приходился Миндовгу племянником. Будучи официально союзником Миндовга, Тройнат на самом деле дядю терпеть не мог. И втайне мечтал он, отобрав у него власть, присоединить земли Миндовговой державы к жмудским землям, где его почитали за единого повелителя.

Довмонт и его братья вступили с Тройнатом в сговор. Несколько месяцев они терпеливо выжидали подходящего случая. Чтобы усыпить бдительность Миндовга, Довмонт прикинулся человеком, смирившимся с обстоятельствами и не помышляющим о мести. Ему удалось обмануть своего врага.

И вот долгожданный час настал. Осенью 1263 года Миндовг отправил все свои войска в поход на князя Романа Брянского. Довмонт пошел с ними, но с полпути вернулся, заявив: «Ворожба показывает, что мне це следует идти вместе с вами».

Довмонт, видимо, вместе братьями пробрался в замок Миндовга, который, отправив войска в поход, сам с ними не пошел. Подкупленные слуги открыли ворота также и отряду Тройната. Заговорщики проникли в спальню Миндовга и там закололи его вместе с сыновьями мечами...

Месть свершилась. Нальшанский князь вернул себе супругу. Но нерадостной стала их встреча после почти годовой разлуки. Измученная мыслями о своем мнимом грехе, несчастная женщина не хотела больше жить. Она не перенесла позора и вскоре умерла. Овдовевший Довмонт вступать в новый брак не спешил — слишком сильна была боль утраты. Он затворился в Нальшанах и погрузился в печаль.

А в это время его сообщник Тройнат, заняв престол Миндовга, так же, как и его предшественник, занялся устранением влиятельных политических противников. Он вызвал к себе из Полоцка двоюродного брата князя Товтивилла и убил его. Хотел также расправиться и с другим своим кузеном, старшим сыном Миндовга монахом Войшелком,

но не успел. Верные Войшелку люди, служившие еще Миндовгу, подстерегли Тройната, когда он безоружный направлялся в баню, напали на него и зарезали.

На отцовский престол вернулся Войшелк. Тем, кто удивлялся, зачем княжение монаху, он отвечал, что снял с себя схиму лишь на время, чтобы покарать убийц отца.

Н. Карамзин пишет: «...собрав полки, Войшелк явился в Литве как зверь свирепый, и признанный там единодушно Государем, истребил множество людей, называя их предателями. Триста семейств Литовских искали убежища во Пскове, крестились и нашли великодушного заступника в Ярославе (Великий князь, младший брат покойного Александра Невского. — И. М.). Ибо новгородцы хотели было умертвить сих несчастных».

Довмонту тоже ничего иного не оставалось, как покинув родину, бежать во Псков со своей дружиной, верными боярами и сыном Полюшем. По свидетельству хроник, «мужи псковские, увидев его, мужа достойного и разумного, взяли его себе за господина и назвали великим князем псковским».

Приняв псковское княжение, Довмонт крестился в православие и получил новое имя Тимофей. Он попытался, забыв обо всех бедах и горестях своих, начать жизнь сначала. В какой-то мере ему это удалось.

## РАССКАЗ ТРЕТИЙ

*О том, как муж и жена пытались победить родовое проклятие*

В летописных преданиях очень часто упоминается о том, какой страшной, разрушительной силой обладают слова проклятия, невзначай или с умыслом кинутые в лицо человеку. Говорят, даже сам Господь Бог не в силах бывает облегчить участь того, кто был проклят своим ближним. Тем более трогательна эта история о мужчине и женщине, которые много лет пытались противостоять родовому проклятию, черпая силы лишь из своей любви. Этой истории предшествовали события, которые будут небезынтересны нашему читателю.

На протяжении столетий земли юго-запада нынешней Беларуси входили в состав Галицко-Волынского княжества. В XIII веке ими владели два брата, князья Данила и Василько. Будучи с самого раннего детства очень дружными, они не видели причин для раздоров и в зрелые годы. К дружбе и взаимопомощи призывали и своих сыновей, которых у старшего, Данилы, было четверо — Лев, Роман, Мстислав и Шварн, а у младшего, Васильки — один Владимир. Когда сыновья повзрослели, держась все вместе, они стали представлять для соседних князей, погрязших в распрях и усобицах, серьезную опасность. С галицкими ссориться не хотели. С ними заключали мир на любых условиях.

Остерегались дружных братьев также правители Литвы и Беларуси. Желая обезопасить себя, старались породниться с галицкими князьями. Данила, овдовев, получил в супруги племянницу Миндовга, а Мнндовгова дочь чуть позже стала женой молодого Шварна. Но все равно между Галичем Данилы и «Литвой Миндовга» существовала некая натянутость, готовая вот-вот оборваться и вспыхнуть пламенем войны.

В 1263 году князь Василько сосватал для своего единственного сына Владимира у Романа Брянского дочь Ольгу. Уже в Брянске царили предсвадебная суета и возбуждение, уже обряжали молодую в подвенечный убор, уже ожидали прибытия жениха и его отца. Как вдруг пришла тревожная весть. К городу приближается войско Миндовга. Князь Роман тут же призвал своих верных дружинников защитить Брянск и юную невесту. Он вывел воинов из города в поле и там встретился с неприятелем. Летописец пишет: «...И в то время рать пошла на Романа литовская. Он же бился и победил ее, сам же ранен был и немало показал мужество свое и приехал в Брянск с победою. И, не помня раны своей от радости, отдал дочь свою (замуж.

— И. М.). Были ибо у него иные три, а эта четвертая. Она же была ему всех милее»...

Впрочем, за свадебным столом звучали не только здравицы в честь молодых и похвалы одержавшему победу Роману. Жених и тесть Ольги Брянской, возмущенные предательством литовского родственничка, грозились жестоко отомстить. И галицкие сдержали бы слово, если б через несколько дней не дошло до них удивительное известие. Оказывается, в то время, как литовская рать сражалась под Брянском, сам Миндовг стал жертвой заговора обиженных им литовских князей. Престол Миндовга занял один из его убийц, Тройнат.

Чувствуя, что узурпатор недолго продержится у власти, галицкие князья стали присматриваться к сыну Миндовга, монашествующему Войшелку. Опасаясь, что Тройнат расправится и с ним, подослав своих людей, Войшелк клялся в искренних родственных чувствах к сыновьям Данилы и Васильки, но галицкие князья не верили ему. Даже когда в результате нового «литовского» заговора был убит Тройнат, и получивший престол отца Войшелк довольно скоро и добровольно уступил власть Шварну Даниловичу, его искренность не оценили. Особенно недоверчив был князь Лев Данилович. Как старший брат Шварна он рассчитывал, что Войшелк отдаст ему «Литву Миндовга». Но когда вместо этого новогрудский престол занял бездетный и болезненный Шварн, Лев почуял подвох. Он решил, не дожидаясь, когда «гром грянет», убить Войшелка. В декабре 1267 года Лев пригласил князя-монаха в гости в город своего дяди Васильки, Владимир-Волынский. Что-то предчувствовавший Войшелк попросил Васильку быть поручителем его безопасности. И Василько поклялся, что гостю не причинят вреда. Действительно, встреча князей, казалось, не сулила никаких неприятностей. Вместе с Войшелком галицкие князья беззаботно пировали и веселились. С наступлением же ночи гостя проводили на отдых во Владимирский мужской монастырь святого Михаила. Но не успел он отойти ко сну, как в монастырские ворота постучали. Хмельной Лев Данилович ломился в святую обитель, громко призывая Войшелка: «Открой, куме, напьемся!»

Войшелк попросил брата-привратника впустить князя Льва. Они еще немного пображничали, а потом, изобразив пьяную ссору, Лев внезапно напал с саблею на Войшелка. Умирающий князь-монах успел произнести проклятие коварному городу Владимиру-Волынскому и его правителю, слову которого доверился. Проклят был и весь род князя Васильки. Узнав об этом, совершенно непричастный к злодеянию Василько был в отчаянии. Желая отвратить от себя, а главное от своих родных грядущую Божью кару, он вскоре постригся в

монахи и, отрастив бороду по пояс, отшельником жил в дикой, заросшей кустами ежевики пещере, довольствуясь лишь хлебом, водой да молитвами. Впрочем, ничто не спасло несчастного. Всего через полтора года после гибели Войшелка он скончался в своем убогом убежище.

Всю тяжесть родового проклятия приготовился принять на свои плечи единственный сын Васильки, Владимир. Вот тут, собственно, и начинается наше повествование.

Читатель видел уже князя Владимира женихом юной Ольги Брянской. Из них получилась хорошая супружеская пара, о чем свидетельствует летописец: «Се благоверный князь Володимир ростом был высок, плечами велик, лицом красив, волосы имел желты, кудрявы, бороду стриг, руки имел красивые и ноги. Глаголил ясно от книг, зане был философ велик и ловец хитр, кроток, смирен, правдив, не мздоимец, нелжив, татьбы ненавидел. Пития же не пил от младенчества своего... В крестном же целовании стоял... паче же милостынею был милостив». Княгиня в летописях именуется и «милой», и «доброй», и «разумной». Будучи таковой, она не могла не ценить достоинств своего супруга и «поклонялася имени его». Они любили друг друга любовью тихой и светлой.

Увидев, что и обращение отца к Богу, и смиренное покаяние не спасли его от последствий рокового проклятия, князь-философ решил посвятить себя деятельному добру. Если это не лишит проклятье силы, то хотя бы даст князю право на жизнь вечную в раю после смерти. Княгиня же Ольга поклялась во всем помогать мужу. Пусть люди полюбят Владимира так же, как любит его она! И пусть людская любовь отвратит от супруга неминуемую смерть.

Первое, к чему обратился взгляд жаждущего творить добро князя, были храмы Волынской земли, доставшейся ему в наследство от отца. Летописец с восхищением пишет о том, как Владимир «в Бельске обустроил церковь иконами и книгами. Во Владимире же переписал святого Дмитрия всего и сосуды серебряные сковал... и завесы дал золотом шитые, а другие бархатные с дробницею... В Епископию Перемышльскую дал Евангелие, окованное серебром с жемчугом, сам же переписал его. А в Чернигов послал Евангелие, золотом писаное и окованное серебром с жемчугом, и среди него Спаса с финифтью. В Луцкую Епископию дал крест велик серебрян с позолотой с Честным древом (кипарис. — И. М.).»

Вместе с женою князь также построил несколько новых храмов. Особенно красивой получилась каменная церковь святого Георгия в Любомли. Княжеская чета «изукрасила ее иконами коваными и

сосудами серебряными». Все хоругви церковные были бархатные с золотым и жемчужным шитьем. Вышивала их своими руками княгиня Ольга, а князь Владимир для возведенного храма собственноручно переписал несколько фолиантов, среди которых были «Служебник святому Георгию» и «Четьи-Менеи» (сборник житий святых в 12 томах — на каждый месяц по тому). Но самым замечательным подарком церкви святого Георгия стали «колокола дивны слышанием, таких же не бывало во всей земле».

Одновременно с обустройством храмов Владимир занимался и укреплением своих городов. Старые крепости Владимира-Волынского и Бреста давно нуждались в этом, тем более, что западные соседи, мазуры и поляки, не дремали, все время норовя воспользоваться случаем и захватить их. Беспокоила и Литва. После скоропостижной смерти Швариа Даниловича престол в Новогрудке занял младший брат мятежного Довмонта, князь Тройдень. В 1274 и 1276 годах у галицких князей были с ним вооруженные территориальные конфликты. По призыву двоюродного брата Льва Владимир участвовал в них, но без злобы и особого рвения. Гораздо больше беспокойства, чем противник Тройдень, вызывал у Владимира сам Лев. В походах против соседей он проявил себя не с лучшей стороны: гонялся за наживой, обманывал соратников, дав клятву, не считал за правило сдерживать ее, постоянно интриговал.

Впрочем, Владимир заставлял себя быть к кузену терпимее. Он полагал, что его внутреннее неприязненное чувство ко Льву связано с тем, что именно из-за него был проклят его отец и он сам. И как хороший христианин пытался полюбить своего ближнего. Это удавалось с трудом. Проклятие уже давало о себе знать. Владимир мечтал о наследнике, но княгиня Ольга все никак не могла забеременеть, хотя знахари не находили ни у нее, ни у князя болезней. Не иначе, думалось мнительным супругам, виновато в этом роковое проклятие.

Чтобы любимый муж не чувствовал себя ущербным от того, что не смог стать отцом, Ольга нашла одну очень бедную многодетную женщину, которая сокрушалась от того, что у нее появится еще один ребенок. Княгиня попросила отдать ей дитя, которое должно родиться, чтобы воспитать как свое. За эту неоценимую услугу беднячка получила столько денег, что уже больше никогда не задумывалась над тем, как прокормить свою семью. Ребенок родился в положенный срок. Это оказалась здоровая красивая девочка. Счастливый Владимир назвал малышку Изяславой и любил ее так, как будто была она ему родной дочерью.

Однажды женщины рассказали княгине, что нужно сделать для того, чтобы загаданное желание непременно сбылось. Для этого стоит лишь открыть наугад Библию, прочитать первый попавшийся стих и действовать в соответствии с тем, что там будет написано. Ольга поделилась этим с мужем. Владимир тут же взял священную книгу в руки. Он вопрошал Бога о том, как избавиться от проклятия, которое пало не только на его семью, но и на весь Владимир-Волынский. Библия раскрылась на пророчестве Исайи: «Дух Господень на мне... Воздвигнута городы пусты»...

И Владимир загорелся строить новый город на пустых землях. Больше всего подходили для такой затеи обширные пустоши на запад от Бреста. Возведя крепость почти на границе с землями Мазовии, можно было бы обезопасить людный торговый Брест от внезапного нападения.

Шел 1276 год. Владимир послал «мужа хитра Олексу, который и при отце его многие города рубил, с туземцами в челнах в верх реки Лесны... Он же, найдя место таковое, вернулся к князю»... Князь скоро собрался с боярами и слугами посмотреть найденное Олексой место над берегом Лесны. Оно ему понравилось. Так возник город Каменец, получивший свое название из-за того, что земля вокруг была тверда и камениста. Молодой город действительно стал волынским форпостом. С высокой башни, которую в летописях называют «столпом каменным», дозорному было далеко видно окрест. И когда он замечал вражье войско, ему навстречу из ворот каменецких выезжала сильная, хорошо вооруженная и обученная дружина. Спокойнее стало волынцам после возведения Каменца. Впервые со дня смерти своего отца спокойно вздохнул и князь Владимир. Все его дурные предчувствия, тревоги, опасения вдруг развеялись как дым. Некий монах из той самой обители, где когда-то произошло убийство Войшелка, пожелал встретиться с князем и поведал ему о дивном своем сне. А снилось иноку, будто бы город Владимир-Волынский покидает, рассеиваясь в полях и лесах, похожая на морок зловещая тьма. И светлеют дома и улицы города, его терема и златоглавые церкви. Решил инок, что это Бог снял с города Войшелково проклятие.

Ровно десять лет после таинственного видения не ощущал себя проклятым и князь. Это были самые счастливые годы его жизни. Владимир, Ольга и маленькая княяша Изяслава наслаждались счастьем и как могли делились им с ближними. И добро княжьей семьи простиралось не только на волынцев.

В 1279 году на западных землях Руси, в Литве, Польше и Мазовии вдруг начался голод. Хуже всего довелось лесному народу — ятвягам.

И послали они своих людей к Владимиру, подданные которого, имея большие запасы зерна, не голодали. « Не помори нас, — взмолились ятвяжские послы. — Пошли к нам жито свое». Взамен предлагали волынцам ятвяги воск, серебро и меха бобров, лис и черных куниц.

Неравным был обмен. В голодный год житу нет цены, а серебро и меха — кому нужны они перед лицом смерти? Не за богатства ятвягов, а из одного только человеколюбия велел нагрузить Владимир жита на ладьи и отправить их из Бреста по Бугу к голодающим. Не рассчитал только добрый князь, что путь каравана пройдет через мазовские земли, где тот же голод толкнет людей на лихое, недоброе дело. Подданные Конрада Мазовецкого напали на брестские ладьи ночью и, перебив людей Владимира, захватили бесценный груз. Из-за этого пришлось выяснять Владимиру отношения с князем Конрадом, который, заполучив в свои закрома то, что должны были получить ятвяги, занялся бойкой торговлей житом среди измученных голодом Мазуров.

Возмущенный поступком соседа волынский князь стал готовиться к войне. Конрад испугался и возместил стоимость захваченного. А голодающим ятвягам довелось вновь посылать помощь. И в благодарность те потом не раз приходили волынцам на помощь, когда надо было отстаивать им свою землю с оружием в руках.

— Володимир — добрый княже! Можем за него головы свои сложить, — восторженно говорили эти благодарные «дикари Полесья». И так же хорошо относились к Владимиру жмудины, которые поддерживали его во время вынужденных военных разборок с поляками и мазурами.

Все было хорошо до 1285 года. В один из погожих летних дней заметил у себя на нижней губе Владимир маленькую язвочку. Он не обратил на это особого внимания, думая, что она скоро заживет. Но язвочка стала увеличиваться, все больше нарывать и загнивать. Обеспокоенная княгиня позвала к мужу лекаря и знахарок. Те что-то шептали над больным местом, окуривали его, делали примочки из отвара целебных трав. Но, несмотря на все их старания, гнилостная рана не затягивалась. Через"несколько месяцев она уже сильно беспокоила князя. Ему было больно есть и даже разговаривать. Поиски действенного средства, способного хотя бы уменьшить боль, были безрезультатными. Весь следующий 1286 год Владимир провел, как в страшном сне. К нему приезжали лекари из соседних княжеств, от ляхов, от немцев, даже какие-то арабы. Он принимал каждого из них с большой надеждой. Но ничто не помогало. Удрученные неудачей целители беспомощно разводили руками и уезжали. Сплошной гнойный

нарыв покрыл теперь всю нижнюю губу и стал распространяться на подбородок. Князь еще ездил верхом, осматривал, хорошо ли укреплены его города, судил и рядил во Владимире-Волынском, но с каждым днем это требовало от него все больших и больших сил.

В 1287 году они с княгиней поняли — болезнь неизлечима. Проклятие Войшелка, снятое усилиями князя Владимира с его столицы, продолжало действовать в отношении его самого. Князь прогнал от себя лекарей и призвал священников.

Болезнь уложила Владимира в постель. Теперь он вставал только для того, чтобы пойти на причастие в храм. Но и там до конца службы достоять уже не мог. Сострадательный волынский летописец свидетельствует о состоянии своего князя: «Отпало у него все мясо с брады и зубы нижние выгнили все, и челюсть перегнила. Он был как второй Иов. И едва мог пить, не то что есть».

Но дух умирающего князя еще был силен. И это по-прежнему был дух добра. Озабоченный тем, чтобы после его смерти городами княжества не завладел хитрый и мстительный Лев Данилович, Владимир позвал к себе княгиню на совет.

— Хочу послать за Мстиславом, — сказал он ей, — чтобы с ним ряд учинить о земле и о городах, и о тебе, княгиня моя милая Ольга, и об этом дитяте, об Изяславе, которую миловал как дочь свою родимую...

Ольга согласилась, что из родичей лучшего преемника, чем младший брат Льва, Мстислав Данилович, найти нельзя. Она поддержала решение мужа.

Когда Мстислав приехал на встречу с двоюродным братом, тот ознакомил его со своей волей. Все города и земли Волыни Владимир отдавал под власть Мстислава, с которого взял слово править по чести и совести. И только город Кобрин «с людьми и данью» и село Городло «с мытом» завещал князь своей супруге, чтобы не пришлось овдовевшей Ольге жить при Мстиславском дворе из милости.

— Даю есмь княгине своей и монастырь Апостолы, — распорядился князь Владимир. — И село даю к Апостолам. А княгиня моя, когда я умру, ежели захочет в черницы пойти, пусть пойдет, ежели не захочет — как ей любо, пусть так и живет. Мне не встать и не увидеть, что кто чинить будет после смерти моей.

И удивились, услышав такие слова те, кто не знал, как сильно любит Владимир свою Ольгу. А те, кто знал, умилились. Сама же княгиня заплакала.

— Целуй крест, — потребовал Владимир у Мстислава, — что ты не отберешь ничего у княгини моей и у дочери нашей Изяславы. И клянись, что не отдашь ее неволею замуж.

Князь Мстислав торжественно обещал все это. Владимир, промучившись еще год, окончил свой земной путь 10 декабря 1288 года, ровно через 20 лет после того, как зловещее проклятие пало на род правителей Волыни, слетев с уст умирающего Войшелка.

Княгиня Ольга приняла постриг еще до начала погребальной церемонии и явилась на нее уже в черном монашеском облачении как сестра Елена. Она сама омыла тело мужа и «увила его бархатом и кружевом, как достойно царям».

Проститься со своим князем пришли все жители спасенного им Владимира-Волынского от мала и до велика. Мужи владимирские плакали и причитали как дети: «Добро бы нам, господине наш, умереть с тобою, сотворившим нам свободу... освободившим ото всех бед... Солнце наше зайде нам, и в обиде все останется».

Летописец свидетельствует, что плакали в тот день «и владимирцы, и немцы, и сурожцы, и новгородцы, и жиды плакали, аки во взятье Иерусалима».

Гроб с телом умершего от проклятья доброго князя положили во Владимиро-Волынской церкви святой Богородицы. Сокрушенная своей утратой княгиня Ольга в монастыре стала отказываться принимать пищу. Мир виделся ей несправедливым и злым, если ей не удалось любовью своей спасти мужа от страшной смерти. Узнав об этом, владимирский епископ пришел к ней и долго укорял, убеждая, что сестра Елена совершает тяжкий грех. Бог — силен, велик и справедлив. Смерть Владимира была, увы, неизбежна. Но ведь кроме этой, кратковременной и полной скорбей жизни есть и иная, вечная. Княгиня должна верить, что ее муж сейчас на небесах, среди святых и праведников. И сам Иисус Христос улыбается ему.

И княгиня поверила. А через несколько месяцев «в среду страстное недели» и удостоверилась в сказанном мудрым епископом.

6 апреля 1289 года княгиня с епископом открыла гроб мужа «и видела тело его и бело, и благоуханно от гроба бысть и запах подобен ароматам многоценным. И прославила Бога»...

Проклятый князь уподобился святым...

## РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

*О том, как великого князя учили вежлнвости*

Точно так же, как летописцы уважали доброго князя Владимира и сопереживали ему, недолюбливали они правителя Литвы и Беларуси Тройденя. Ни одного лестного слова о нем не оставили сии просвещенные мужи в своих трудах для нас.

Может, и действительно младший брат мятежного Довмонта был «окаянным и беззаконным, проклятым, немилостевым и сочетал в одном лице все грехи печально прославившихся древних государей: Ирода, Нерона и Антиоха Сирийского?

Впрочем, могли это быть и просто яркие метафоры добрых христиан в адрес правителя-язычника, старающегося досконально соблюдать все принципы своей непонятной для православных монахов (коими и были летописцы) веры. Потому что столь же нелестные отзывы находим мы в летописях и о Войшелке, который якобы до принятия христианства был настолько кровожаден, что если он в какой-либо день не убивал человека, то ходил от этого злым и мрачным, и о яром язычнике Тройнате.

И все-таки чувствуется, что за обидными для великого князя Тройденя сравнениями с коронованными злодеями древности есть что-то конкретное. Попробуем разобраться?

Вступая на новогрудский престол в 1270 году, Тройдень отнюдь не был узурпатором. Он имел право на великокняжеский венец Миндовга, а если бы тот не отказался в свое время от королевской короны, то и на нее. Со смертью Войшелка род Миндовга пресекся. И даже «по кудели» (по женской линии) наследников у бывшего короля не оказалось. Потому что единственная его дочь, супруга Шварна Даниловича, детей от мужа не имела. Родные братья Миндовга Довспрунг и Эрдзивилл давно умерли. Двоюродный Гердень погиб вскоре после Миндовговой смерти. Оставалась троюродная родня. И это как раз были Тройдень и его братья. На тот момент, когда престол в Новогрудке после смерти Шварна Даниловича очередной раз освободился, из пяти братьев Тройденя оставалось в живых только двое — изгнанник Довмонт, который прочно обосновался во Пскове, и Серпутий, самый младший в семье. Конечно же, властителем Литвы и Беларуси стал Тройдень.

Но к этому своему вокняжению новый правитель все-таки серьезно приложил руку. Ведь он участвовал вместе с Довмонтом и Тройнатом в заговоре против Миндовга. И если о Тройнате и Довмонте

хроники говорят как об убийцах своего государя, Тройденя они живописно сравнивают с царем Иродом. Не значит ли это, что именно Тройдень в тот кровавый вечер взял на себя грех детоубийства и лишил жизни сыновей врага, десятилетнего Рупека и восьмилетнего Руклю? Очень похоже на правду.

Что же касается Нерона, то самым мерзким из его многочисленных грехов, говорят, было убийство собственной матери.

Убить свою мать Тройдень не мог. Если бы он только посмел почему-то поднять на нее руку, гнев его старших братьев испепелил бы его. Да и литовские языческие законы, провозглашаемые верховным жрецом, криве-кривейто, жестоко карали тех, кто посягал на жизнь родителей. Но вместе с тем по тем же законам зять, терпящий постоянные унижения от своей тещи, не только имел право, но и поощрялся за то, что торжественно приносил сварливую старуху в жертву богам. А так как теща тоже в некотором роде может считаться матерью, то, видимо, неронов грех Тройденя состоял в том, что он умертвил родительницу своей первой жены, литовки.

Параллель с Антиохом Сирийским разгадать еще легче. Антиох, настроивший своими жестокостями против себя подданных, погиб от рук заговорщиков.

В 1282 году, через двадцать лет после своего вокняжения в Новогрудке, Тройдень тоже стал жертвой заговорщиков. Его убийцы, Стуманд и Гирдело, подосланные повзрослевшим сыном Довмонта, Полющем, который связавшись с крестоносцами, пытался отобрать у дяди престол, скрылись.

Ирод... Нерон... Антиох Сирийский... Три образа. Три гипотезы. Неужели о Тройдене больше нечего сказать? Нельзя же, в самом деле, представить, что это был за человек, имея под рукой только несколько скупых летописных сообщений о том, когда и с кем он воевал! К счастью, сохранилось уникальное свидетельство — красивое предание. О любви великого князя Тройденя.

«Литве Миндовга» не однажды доводилось обнажать мечи, глядя в сторону Мазовии. Рыцари обеих сторон нападали на замки друг друга, грабили, жгли, убивали, захватывали в плен.

В 1279 году Тройдень овладел мазовецким замком Бабин. Это оказалось не так уж и трудно, поскольку хозяин, князь Конрад Мазовецкий, в это время был на охоте вместе со своими воинами. В замке оставались лишь женщины и слуги, которые, конечно же, не могли оказать должного сопротивления. Занимаясь разграблением Бабина, Тройдень добрался до одной из верхних комнат. И вдруг дорогу ему преградила разгневанная красавица с мечом в руках.

Женщины Мазовии наравне со своими братьями и мужьями обучались военному искусству. Многие из них были великолепными наездницами, метко стреляли из лука. И мечи в их руках тоже не были игрушками. Поэтому угрожающая поза прекрасной незнакомки заставила Тройденя прикрыться щитом.

— Не приближайся к этой комнате, — сказала девушка, — иначе, клянусь всем святым, ты не уйдешь отсюда живым.

— Что же за сокровище хранится за этими дверями, если красавица так отчаянно его защищает? — спросил Тройдень, невольно любуясь своей противницей.

— В этой комнате — самое ценное, что есть в Бабине,— ответили ему,— Тут находится моя старая мать. Она больна и не может спастись бегством от твоих бандитов, князь. И сегодня, кроме меня, ее некому защитить. Но и моего меча будет достаточно, чтобы остановить убийцу и грабителя.

Пораженный Тройдень, который уже понял, что перед ним сестра Конрада Мазовецкого княжна Анна, воскликнул:

— Поистине, вот — лучшая из девушек, что я видел! Моя жена недавно умерла. Так выходи за меня замуж!

— Невежливо великому князю просить руки девушки, вооруженным с ног до головы, — ответила Анна. — Прикажи своим людям перестать грабить замок, сними с себя доспехи и убери оружие. Только после этого ты сможешь переступить порог комнаты моей матери. У нее проси разрешения на брак со мной.

Буквально околдованный мазовецкой воительницей, Тройдень выполнил все ее приказы. А тут, кстати, вернулся с охоты и сам Конрад Мазовецкий. Не раздумывая долго, былые враги замирились, скрепив союз браком Тройденя и Анны. А чтобы мир между Мазовией и державой Тройденя был еще прочнее, отпраздновали еще одну свадьбу. Брат Конрада и Анны, Болеслав Мазовецкий, взял в жены дочь Тройденя от первого брака — Гаудемунду.

## РАССКАЗ ПЯТЫЙ

*О том, как святой Леонтий устроил судьбу князя-изгнанника*

В христианском фольклоре много историй о том, как людям в самое трудное время приходят на помощь их ангелы-хранители и отводят беду. Считается, что небесный заступник у человека тот святой, в чью честь он назван. Но иногда бывает иначе. И тогда на раба Божьего Неожиданно обращает внимание, начинает опекать его совершенно «посторонний» святой. Так было, говорят летописи, с князем Довмонтом. Хотя получил он при крещении имя Тимофей, покровителем изгнанника в чужом краю стал святой Леонтий.

Это было так. В 1266 году, избрав себе служилым князем беглого литовца, срочно принявшего ради этого крещение, псковичи решили тут же подвергнуть его испытанию на верность.

— Веди нас на Литву, — сказали они, — веди воевать Полоцкую землю.

Возможно, отказался бы от этого князь Довмонт и вместе с тем и от чести служить Пскову, если бы не одно обстоятельство. Полоцкий князь Герденъ, родственник, человек, с которым Довмонт всегда был в приязненных отношениях, как только пришлось изгнаннику покинуть родину, завладел нальшанским княжеством, занял его родовой замок в Крево, присвоил себе все то, что было так близко и дорого беглецу.

И Довмонт повел псковичей на Герденя. Он напал на его замок внезапно, когда Герденя не было там, и захватил в плен его супругу Евпраксию, которая приходилась Довмонту родной теткой, а также двоих ее малолетних сыновей. Герденъ, вернувшись домой, кинулся в погоню за похитителем и догнал его на Двине.

Отряд Герденя насчитывал 700 человек, а у Довмонта было всего 90. Но полководцем он был лучшим. Дождавшись, когда Герденевы воины стали переправляться через реку вброд, Дозмонт устремил своих людей на противника. Исход столкновения решился быстро. Герденъ был разбит и едва спасся от гибели.

Псковичи хвалили своего князя за победу. Но скромный Довмонт, заглянув в святцы и узнав, что в этот день православная церковь почитает святого Леонтия, приписал все заслуги ему. Видимо, действительно этот поступок привлек к князю, который еще совсем недавно был искренним язычником, внимание святого. Довмонт вдруг стал ощущать на своем плече чью-то опекающую руку. Особенно это

проявлялось тогда, когда обстоятельства требовали от него ратных подвигов.

В 1268 году Довмонту пришлось впервые встретиться и помериться силами с ливонскими рыцарями. Соседний Новгород попросил у Пскова помощи при осаде крепости Раковор в Эстонии, откуда постоянно грозила опасность северным русским землям. Кроме псковичей в походе приняли участие переяславская дружина сына Александра Невского Дмитрия, а также суздальцы.

Совершенной неожиданностью для русских оказалось то, что оборонять Раковор привел свой прославленный «железный полк» сам магистр Ливонского ордена. Силы были настолько неравными, что оставалось только с честью погибнуть. Но вдруг к Довмонту, словно подсказанное свыше, пришло решение. Он принял командование на себя и, вспомнив, как воевал когда-то на Чудском озере с крестоносцами Александр Невский, умело перестроил боевые порядки русских, разделив свои силы на два крыла. Возгласом «Святой Леонтий!» Довмонт дал знак наступать. Они ударили решительно и смело с двух сторон по закованному в броню железному клину ливонцев. Потери объединенного русского войска были, конечно, велики. Погибло 5 тысяч человек. Но русским удалось смять рыцарей и прогнать с поля боя за крепостные стены. Это не было победой, но и поражением тоже не было, потому что магистр потерял 1350 лучших своих рыцарей убитыми и среди них был даже дерпский епископ.

Затаил зло магистр на Довмонта, поклялся жестоко покарать его. В 1269 году собрал он новые силы и с грозной конницей да на судах вторгся в псковские земли. Рыцари сожгли Изборск, осадили Псков, подвезли множество стенобитных орудий. Магистр заявил, что намерен сравнять город Довмонта с землей. Видя, как велика вражья сила, псковичи стали обряжаться в белые рубахи и готовиться принять свой последний смертный бой.

И тогда Довмонт привел всю свою дружину в храм святой Троицы и там, положив меч перед алтарем, не стыдясь слез, молил святого Леонтия спасти Псков. Старец-игумен Исидор собственноручно перепоясал князя мечом и благословил его и всю дружину. Но это было уже не так важно для полководца, потому что, как говорил он потом своим воинам, еще раньше получил благословение на битву от своего небесного заступника, который услышал его мольбу.

Десять дней бился с ливонцами бесстрашный Довмонт. Раз за разом отбивали приступы рыцарей мужественные псковичи. Магистр, жаждущий сойтись в поединке с Довмонтом, добрался наконец до него и был ранен рукою псковского полководца.

Осада города ливонцами была снята тогда, когда на помощь псковичам подоспело новгородское войско. Все говорили, что Псков спасло чудо. Довмонт же окончательно уверовал в силу своего нечаянного небесного покровителя.

Вера эта не раз еще помогала Довмонту одерживать блестящие победы над врагами Пскова. За ним твердо укрепилась слава непобедимого полководца, что вызывало зависть и злобу у одних русских князей и искреннее восхищение у других. К этим другим относился и переяславский князь Дмитрий Александрович. Увидев однажды Довмонта в бою, он навсегда запомнил, как может этот человек передать свою уверенность в победе готовому уже дрогнуть и запаниковать перед превосходящими силами противника воинству. Симпатия Дмитрия к Довмонту все более усиливалась. Сын Александра Невского наконец предложил отважному ратоборцу свою дружбу. И тот с благодарностью ее принял.

Дружба, действительно, в те времена была величайшим даром небес. Похоже, что очень немногие из русских князей XIII столетия знали, что это такое. Будучи данниками Золотой Орды, наученные монголо-татарами излишней жестокости и подозрительности, они, сидя каждый в своем уделе, изыскивали возможности и средства для того, чтобы очернить кого-нибудь из соседей перед ханом, добиться татарской расправы над ним и завладеть его вотчиной. Особенно же вожделенен для каждого удельного правителя на Руси был титул «великий князь». Великого князя выбирал из всех претендентов на власть сам хан. Сегодня он мог облагодетельствовать своим вниманием ростовского правителя, завтра — владимирского, послезавтра — переяславского. В Орде счастливчику выдавалась специальная грамота, подтверждающая его право на власть над всеми удельными князьями. В ханских любимцах великие князья находились недолго. По оговору своих ближних они обычно через несколько лет после своего назначения впадали в немилость, вызывались якобы для разбора обстоятельств их «прегрешений» перед ханом в Орду, и на обратном пути умирали от непонятных причин. Впрочем, преемников власти печальный конец тех, кто считался великими князьями до них, это почему-то не пугало.

В атмосфере лжи, неблагодарности, завистливости, постоянных интриг и дала удивительный росток крепкая мужская дружба князя Довмонта и князя Дмитрия.

В 1270 году великий князь Ярослав Ярославич, дядя Дмитрия, недовольный все более возрастающим авторитетом Довмонта, прислал в Псков на его место своего ставленника, юного князя Айгуста,

сына Товтивилла и дальнего Довмонтова родственника. Псковичи были опечалены, но перечить великому князю не решились, Довмонт тоже не хотел распрей и крови. Тогда за друга решил вступиться Дмитрий Александрович. Видимо, ему удалось убедить дядю в том, что, поменяв опытного полководца на безусого мальчишку, он подвергнет северные русские земли большой опасности. И Довмонту было возвращено псковское княжение. Знающий, что такое благодарность, он стал искать случая отплатить другу добром за добро. Случай же такой представился только через 12 лет.

После того как в Орде были отравлены один за другим два дяди Дмитрия, великие князья Ярослав Ярославич и Василий Ярославич, грамоту о праве на великое княжение получил сам Дмитрий. Но не успел он как следует вступить в свои права, как уже стал жертвой оговора младшего своего брата Андрея Александровича. Князь Андрей поехал в Орду и, желая единственно занять место брата, заявил хану, что Дмитрий якобы не хочет платить татарам дань. Хан поверил, дал Андрею большое войско, и тот зимой 1281 года повел его на Русь.

Н. Карамзин пишет: «Изумленный сей внезапною грозою великий князь искал спасения в бегстве, а татары, пользуясь случаем, напомнили России время Батыево. Муром, окрестности Владимира, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самого Торжка, были разорены ими: они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни икон, ни сосудов, ни книг, украшенных богатым переплетом, гнали людей толпами в плен или убивали. Юные монахини, жены священников были жертвою гнусного насилия. Спасая жизнь и вольность, земледельцы гибли в степях от жестоких морозов. Переяславль, удельный город Дмитриев, хотел обороняться, и был ужасным образом за то наказан: не осталось жителя, который не оплакал бы смерти отца или сына, брата или друга. Сие несчастие случилось декабря 19: в Рождество Христово церкви стояли пусты, вместо священного пения раздавался в городе один плач и стон. Андрей, злобный сын отца столь великого и любезного России, праздновал один с татарами, и совершив дело свое, отпустил их с благодарностью к хану».

Вместе со своей семьей и оставшимися верными ему боярами испуганный нашествием Дмитрий кинулся спасаться в Новгород. Но новгородцы не захотели принять его. Они таили на Дмитрия обиду. Только-только став великим князем, он приказал в стратегических целях возвести на новгородских землях крепость Копорье. Новгородцы охотно приняли участие в этом деле. Но были возмущены, когда Дмитрий заявил, что Копорье станет его личной собственностью, и в нем он разместит свою дружину. Граждане Господина Великого

Новгорода привыкли, что на их землях все является их собственностью. Возник конфликт. Дмитрий настоял на своем, применив силу. Теперь же, увидев великого князя в слабости, новгородцы вспомнили о давней обиде. Они схватили бояр Дмитрия, а также взяли в заложники его дочерей.

— Мы отпустим их тогда, когда твои дружинники добровольно освободят Копорье,— заявили они и прогнали растерявшегося князя.

Дмитрий Александрович, лишенный возможности затвориться в Копорье, которое видел последним своим оплотом, вспомнил о Довмонте. Узнав о беде друга, Довмонт немедленно выступил с псковичами на помощь. Ему удалось пробиться в крепость, куда он провел и князя Дмитрия. Теперь следовало спасти великокняжескую казну, большая часть которой находилась в Ладоге. Казна могла понадобиться человеку, собирающемуся бороться за возвращение своего престола. Но после того, как совершившему отчаянно смелую вылазку Довмонту удалось захватить казну, Копорье окружили со всех сторон новгородские воины. Заниматься братоубийством псковский князь не хотел. Он посоветовал Дмитрию оставить Копорье и ехать в его Псков. К счастью для себя Дмитрий последовал мудрому совету. Когда дружинники вышли из крепости, новгородцы сравняли ее с землей. Верные своему слову они вернули Дмитрию его дочерей. И вместе с боярами, также получившими свободу, он направился в гостеприимный Псков.

Недолго пребывал Дмитрий Александрович в городе своего друга. Узнав о том, что татары, вволю награбившись на Русн, вернулись в Орду, засобирался он в свой поруганный Переяславль, чтобы собрать там войско и наказать вероломного брата. Но и тех нескольких дней, которые провела во Пскове семья друга, хватило, чтобы коренным образом изменить жизнь Довмонта.

Увиделся ему вдруг странный сон: жаркое лето, цветущий луг и стройная женская фигурка, идущая в лучах солнца навстречу ему. Задумался наутро взволнованный Довмонт о тайном смысле своих ночных грез. И впервые за все то время, что провел он вдали от родины, почувствовал свое одиночество. Сражаясь с врагами Пскова, не замечал он, как быстро летели годы, как стал он совсем седым, как подрос сын Полюш и покинул его. Да не по доброму пути пошел сын, связался с врагами, продал душу крестоносцам, чтобы помогли они ему отвоевать отцово наследство — Нальшанское княжество. Не проклинал Полюша Довмонт, но постарался вытравить родственные чувства к нему из своего сердца, стереть из памяти, как стирает монах-переписчик неверно написанное слово. Не было у Довмонта

родины, не было семьи и молодости уже не было. Неужели все, что осталось ему в этой жизни — долгая одинокая старость?

— Святой Леонтий! — призвал по привычке своего небесного заступника князь Довмонт, закрыл глаза и как ответ на свой невысказанный вслух вопрос вновь увидел ту же картину из сна: лето, цветущий луг и протягивающую к нему руки женщину. А лицо у этой женщины — как у дочери князя Дмитрия Марии...

В тот же день «испросил за себя князь Довмонт у великого князя Дмитрия Александровича дщерь княжну Марью». И Дмитрий с радостью отдал юную девушку своему верному другу.

Это был счастливый брак, как все браки, которые устраиваются на небесах. Княжна полюбила своего мужа и вскоре родила ему сына, Давида, который, вырастая, радовал стареющего героя своим умом, благородством, отвагой и воинскими способностями.

Довмонт оставался верен дружбе с отцом своей супруги и поддерживал его в борьбе с властолюбивым Андреем до самой смерти Дмитрия в 1294 году. И по-прежнему оставался грозой ливонцев.

В 1299 году, уже будучи седовласым старцем чуть ли не восьмидесятилетнего возраста, дал он зловредным рыцарям свой последний бой. Неожиданно подступив ко Пскову, крестоносцы разграбили святые обители в его предместьи и занялись избиением безоружных монахов, женщин, малых детей. Довмонт, помянув как всегда святого Леонтия, вывел свою немногочисленную дружину навстречу разбойникам, прикрывающим свои бесчинства именем Христа. Он сразился с ливонцами на берегу реки Великой и, смяв их, обратил в бегство. В этом бою был тяжело ранен сам командор Ордена, много крестоносцев нашло последнее упокоение в речных волнах, псковичи захватили огромное количество оружия, брошенного в панике врагами.

Вскоре после этой блестящей победы Довмонта не стало. Его унесла чума, эпидемия которой внезапно вспыхнула во Пскове.

Кроткая нравом княгиня Мария, схоронив мужа, приняла схиму. И скончалась в монастыре спустя всего несколько месяцев от той же болезни, что и Довмонт.

Православная церковь причислила обоих супругов к лику святых, найдя после их кончины неоспоримые доказательства пребывания их душ на небесах. И значит, Довмонт, судьбу и счастье которого (он твердо верил в это) устроил святой Леонтий, получил возможность возблагодарить своего покровителя и заступника, глядя ему прямо в лицо.

## РАССКАЗ ШЕСТОЙ

*О том, как дочь бортника дважды становилась великой княгиней*

Судьбы родных братьев всегда в чем-то сходны. Воспитание ли, положение семьи или наследственность тому причиной — трудно сказать.

Читая летописные предания о сыновьях Герденя Витене и Гедимине, иногда ловишь себя на мысли, что их деяния воспринимаются как результат волеизъявления одного и того же человека. Витень начал, а Гедимин завершил создание Великого княжества Литовского, выросшего из «Литвы Миндовга». Витень был первым, а Гедимин вторым, кто заставил пруссаков, литовцев, поляков заговорить всерьез о силе оружия литвинов. Сперва Витень, а потом и Гедимин заявили о принципе веротерпимости в своей державе и ценили людей по их человеческим качествам, а не из-за принадлежности к тому или иному вероисповеданию.

Они всегда были вместе и заодно, эти два брата, разница в возрасте которых была пять лет. Они сызмальства учились ценить родственные узы, быть может, потому, что родились и росли в жестоком мире, не признающем родства.

Когда погиб их отец, полоцкий князь Гердень, Витеню едва исполнилось шесть лет, а Гедимин был младенцем. Известие о кончине Герденя их мать, Евпраксия, получила, находясь в плену. Пленил ее псковский князь Довмонт, родной племянник, по возрасту годящийся скорее в дяди. Волею судьбы благородный Довмонт должен был стать военным противником Герденя. Захватив во время одного из своих походов на Герденеву вотчину его жену с двумя сыновьями, Витенем и Гедимином, во время второго — он стал причиной гибели самого Герденя.

Чувствуя себя единственным виновником несчастий родной тетки, Довмонт попытался хоть как-то выправить содеянное. Он тут же отпустил мать Витеня и Гедимина на волю и чем мог помог устроить ей свою вдовью долю.

Уже после смерти Герденя княгиня Евпраксия родила своего младшего сына, которому дала имя Воин. Кроме маленьких, Витеня, Гедимина и Воина, у этой женщины была еще дочь Паята и еще один сын, семнадцатилетний Андрей, который с ранней юности решил посвятить свою жизнь служению Богу и стал православным священником в городе Твери. Видимо, под его опеку и отправилась с маленьким Воином несчастная вдова. А Витеня и Гедимина, говорят хро-

ники, приютили в Жмуди добрые люди. Возможно, это были дальние родственники их отца, хотя точно сказать об этом трудно.

Взрослея и мужая вместе в ореоле общего несчастья, мальчики с ранних лет познали такое прекрасное чувство как братская любовь и дружба. Однажды, посетив жмудские земли, подростка Витеня увидел великий князь Тройдень. Отрок понравился ему своей сообразительностью. А узнав, чей Витень сын, правитель Литвы и Беларуси загорелся желанием взять его к себе на службу. И сначала был юный Витень коморником (ключником) у Тройденя. А показав себя с хорошей стороны, стал быстро продвигаться по службе и наконец, несмотря на свой довольно молодой возраст, был назначен маршалком при новогрудском дворе.

Но связи Витеня со Жмудью, где воспитывался его брат, не оборвались. Витень часто приезжал в гости к Гедимину. А однажды даже достаточно долгое время скрывался в жмудских землях, спасаясь от каких-то своих врагов (летописец говорит, татар), живя в доме простого бортника. Там-то юноша и встретил свою первую любовь.

Языческое имя этой девушки, дочери бортника, нам неизвестно, как неизвестно и имя ее отца. Летописи сохранили только то, которое прекрасная жмудинка получила при крещении, видимо, в католичество — Ева (или Евна). Но это произошло, конечно же, позже. Околдованный пятнадцатилетней красавицей семнадцатилетний Витень был готов на все, чтобы девушка ответила ему взаимностью. Но особенно многого и не требовалось. Дочь бортника испытывала к сыну князя симпатию. Только будучи девушкой целомудренной и разумной, она считала, что единственным доказательством чувств мужчины к женщине может быть его сватовство. Витень просил руки красавицы у ее отца, получил согласие и тут же вступил с нею в брак.

В 1282 году погиб великий князь Тройдень. Его единственный сын Рымонт был монахом. Поэтому остро встал вопрос о том, кто унаследует власть на Литве и Беларуси. Памятуя о высоком происхождении Витеня, зная его как очень умного и смелого молодого человека, способности которого были высоко оценены самим Тройденем, Рымонт предложил подданным отца отдать престол Витеню.

Так сын Герденя стал великим князем и соответственно великой княгиней сделал свою низкорожденную супругу.

Заняв престол в Новогрудке и вызвав из Жмуди брата Гедимина, Витень начал править. Пылкому юноше хотелось создать большую и сильную державу, уподобившись великим царям прошлого. Молодой правитель поспешил примирить вечно ссорящихся между собою князей-подданных, выстроил на берегах Немана могучие крепости —

Ковно, Велону, Вилькию. Создал сильное, хорошо вооруженное и обученное войско, которое очень скоро пригодилось ему для борьбы с крестоносцами и решения оружием спорных политических вопросов с поляками. К своим территориям Витень постепенно, но уверенно присоединял все новые земли. Это было началом Великого княжества Литовского.

Все было удачно в начинаниях Витеня, кроме одного. Стал замечать великий князь, что повзрослевший его брат как-то уж слишком робок в присутствии Евы. Пристальное наблюдение утвердило Витеня в его догадке — Гедимин влюблен.

Старший брат сделал все, что должен был, чтобы предотвратить беду. Мотивируя необходимостью укрепить дружеские отношения со Жмудью, он... женил Гедимина на хорошенькой дочке влиятельного жмудского боярина Видимонта Виде. Вида вскоре подарила Гедимину двух сыновей, Монтвида и Наримонта, и дочь Бируте. Около i295 года она умерла. И Витень, заметив, что тайное чувство к его жене у Гедимина не исчезло и спустя годы, тут же склонил брата к новому династическому браку со смоленской княжной Ольгой. Этот брак длился около десяти лет. И Ольга родила Гедимину двух сыновей, Ольгерда и Кейстута, и двух дочерей, Даниилу и Марию.

Но напрасно Витень думал, что супружества младшего брата принесут ему спокойствие. На смену ревности внезапно пришло иное чувство — зависть. Потому что Гедимин, живя с нелюбимыми женами, стал многодетным отцом, а брак его с любимой Евой оставался бездетным.

Надежда и нетерпеливое ожидание сменились печалью и скорбью. Уже кто-то пытался объяснить великому князю его несчастье гневом богов за то, что взял он неравную себе по происхождению. Уже любовь в сердце властителя Литвы и Беларуси начала уступать место досаде. И когда прошло ровно 30 лет с того дня, как дочь бортника стала женою Витеня, к брату пришел Гедимин. Это был уже давно не тот робеющий от первых любовных чувств юноша, но уверенный в своих силах сорокадвухлетний мужчина. ПрошЛо всего несколько месяцев, как похоронил он свою вторую супругу.

— Боги давно уже дали понять тебе, брат, — сказал Гедимин, — что княгиня Ева не была предназначена ими для тебя. Не держи же ее и дальше при себе, а лучше отпусти. Пусть она выходит за меня, потому что любит меня так же, как я ее, но только таилась от тебя.

Отпуская Еву к Гедимину, Витень уже знал, что больше ни одну женщину не сможет назвать женой. Наследником своей власти великий князь назначил Гедимина. И он взял с брата слово, что если у

Евы все-таки появятся дети, то именно ее старший сын, а не сын Виды или Ольги станет после Гедимина великим князем.

Когда судьба нечаянно соединила Еву с Гедимином, ей было уже около сорока пяти лет, и бедная женщина навряд ли уже и сама верила в возможность стать матерью. Но ^чудеса иногда случаются на этом свете. Не прошло и года, как Ева поняла это. Ее первенца Гедимин назвал в честь матери Евнутом, так же, как в честь своих матерей были названы сыновья Виды — Монтвид и Ольги — Ольгерд. А после Евнута родились у Евы еще дети — Кариат и Айгуста, Любарт, Офка и Альдона. И оправдала она имя, данное ей при крещении, Ева — «дающая жизнь».

А когда в 1315 году нежданно от удара молнии во время грозы погиб великий князь Витень, Гедимин, заняв его престол, во второй раз провозгласил дочь бортника великой княгиней. И так же, как был счастлив в браке с Евой Витень, до конца своих дней провел с нею в радости Гедимин.

У каждого человека своя, неповторимая судьба, даже если на первый взгляд она напоминает чужую.

## РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

*О том, как дитя любви почтило память своей матери*

В XII-XIII столетиях одним из самых священных мест для литовцев была долина Свенторога, которая находилась при впадении реки Вилейки в Вилию. Тут предавали огню тела почивших князей. Тут у подножия трех невысоких гор располагалось капище Перкунаса-Перуна. Тут в священной дубраве пылал неугасимый огонь, старательно поддерживаемый языческими жрицами-вайделотками. И тут же в высокой башне, ведя почти затворнический образ жизни, обитал верховный жрец, криво-кривейто, литовский оракул, человек, чтимый, как Бог.

Очень часто за предсказаниями и житейскими советами к криве-кривейто приезжали литовские и жмудские князья. Верховный жрец любезно принимал их в своей башне, содержание их бесед оставалось тайной для посторонних.

Однажды в долину Свенторога приехал старший брат Довмонта и Тройденя, князь Наримонт. Получив исчерпывающий ответ на интересовавший его вопрос, Наримонт собрался уже было покинуть эти места. Но, проезжая мимо близлежащего села, был покорен красотой юной дочери пастуха, помогавшей отцу пасти овец. Наивная и неопытная девушка, приняв настойчивые домогательства за искренние чувства, ответила князю взаимностью, полагая, быть может, что согласно древним литовским обычаям он обязательно женится на ней. Увы, князь решил, что его высокое положение дает ему право пренебрегать законами своего народа. Вдоволь натешившись любовью с прелестной пастушкой, Наримонт вскоре охладел к ней и покинул эти места.

Спустя положенный срок, брошенная возлюбленная стала матерью. Но в семье ее этому отнюдь не обрадовались. Несчастную изгнали из села вместе с ее новорожденным сыном. Обезумевшая от горя, женщина проникла в священную дубраву. Увидев на одном из перуновых древ орлиное гнездо, она мысленно сравнила высокое положение царя птиц с положением своего неверного любовника. И в больной душе созрело странное решение. Пастушка забралась по могучим развесистым ветвям дуба на его вершину и положила в гнездо грозной птицы свое дитя так, как положила бы она его в золоченую колыбель в княжеском замке Наримонта. После этого обманутая мать кинулась с дерева вниз головой...

В тот же день криве-кривейто со своей башни обратил внимание на то, что около одного из деревьев в священной дубраве настойчиво кружат птицы. Он немедленно отправился в сопровождении жрецов к тому месту. И спугнул орлиную пару, неохотно отлетевшую от распростертого на земле тела погибшей женщины. Криво-кривейто узнал в ней ту, о которой вот уже несколько месяцев говорили, как о брошенной подруге князя Наримонта. Услышав же слабый плач младенца у себя над головой, верховный жрец обнаружил и дитя их любви в орлином гнезде. Поразившись тому, что хищные птицы не успели еще убить ребенка, он немедленно приказал сопровождающим снять его с дуба.

По-литовски «лиздзе» — значит «гнездо». Кривекривейто назвал подкидыша Лиздзейко и объявил себя его опекуном. По повелению верховного жреца останки несчастной женщины были преданы земле тут же, в священной дубраве. Заботиться о могиле вызвались вайделотки. И вскоре с их слов вся округа говорила о бедной жертве любви уже не с пренебрежением, а почтительно, как о женщине высочайшей добродетели, святой, о сыне которой, не иначе, позаботился сам Перкунас (ведь орлы не заклевали ребенка, а попал он из гнезда прямо в башню главного служителя великого бога литовцев).

А вскоре темой для восхищения тех, кто жил поблизости от долины Свенторога, стало не только чудесное спасение Лиздзейко, но и он сам. Мальчик рос понятливым и разумным. Обучая воспитанника всему, что необходимо знать будущему жрецу (а иной судьбу сироты криве-кривейто не представлял), опекун обнаружил однажды, что мальчик обладает даром предвидения. Подвергнув этот неожиданный талант тщательной проверке, криве-кривейто, уже довольно немолодой человек, поблагодарил богов за то, что Лиздзейко попал именно к нему. Теперь он знал, кто сможет стать верховным жрецом после него. И начал постепенно и целенаправленно передавать мальчику самые сокровенные свои знания.

Впрочем, кроме дара предвидения у Лиздзейко открылись и другие способности. Будучи еще в самом что ни на есть отроческом возрасте, он прославился как прекрасный сказитель. Одной из неписаных обязанностей вайделотов и вайделоток (языческих жрецов и жриц) являлось сохранение для потомков старинных сказаний о правителях былых времен. Древние литовцы не вели летописей. Вайделоты и вайделотки, многие из которых были неграмотны, запоминали их наизусть, чтобы потом при необходимости поделиться своими знаниями с мирянами. Лиздзейко особенно внимательно прислушивался к тому, что и как рассказывали о первых литовских и жмудских

князьях вайделоты и, обладая цепкой памятью, сразу запоминал эти облагороженные временем предания. Живое воображение подсказывало юному сыну князя и пастушки лучшие слова, чудесные образы. Он пересказывал услышанное настолько ярко и эмоционально, что люди заслушивались, забывая обо всем на свете. С годами мастерство Лиздзейко-рассказчика только возросло. Послушать его приезжали специально самые знатные люди Литвы, Жмуди, Белой Руси.

Однажды в числе таких гостей оказался молодой фаворит великого князя Тройденя Витень вместе со своей старшей сестрой Паятой. Девушка с восторгом слушала певучий голос воспитанника кривокривейто, повествующий о былом, о князьях, живших когда-то на этой земле и нашедший последнее упокоение здесь, в долине. Ее привела в восторг история мудрого Свенторога, который повелел возвести в этих живописных местах, где когда-то находился древний город славян Кривград, капище Перкунасу, после чего город стал приходить в упадок, а святилище — расширять свои пределы и все больше процветать. Все правильно, говорил рассказчик, если одно и то же место на земле вызывает соперничество между людьми и богами, боги непременно победят.

Еще более удивительным был рассказ об отце князя Свенторога, Утене. Он имел жену-красавицу, которую, опасаясь за ее честь, держал в специально оборудованной для этого пещере, не дозволяя выходить на свет божий. Бедняжка тщетно искала возможности обрести волю. Такая возможность предоставилась ей только после смерти князя Утеня. Но когда это произошло, юная красавица уже успела превратиться в старуху с отталкивающей внешностью. И, поняв это, она сама отказалась от свободы.

А вот двоюродной сестре Утеня, княжне Милде, повезло гораздо больше. Ее красота была доступна для восхищения не только людям, но и богам. Правда, неразумная Милда, думая, что земная любовь — это не для нее, стала вайделоткой и дала обет целомудрия. Судьба жестоко посмеялась над гордой девушкой. Она встретила красивого юношу Дангерута и страстно влюбилась в него. Они встречались тайно, никто не догадывался об их любви. Но однажды, когда пришел черед Милды поддерживать в капище неугасимый священный огонь, она пренебрегла своей обязанностью вайделотки ради очередного любовного свидания, и огонь погас. Такой проступок карался смертью. А когда вайделотки узнали, из-за чего их подруга рисковала жизнью, они приговорили к смерти и Дангерута. Оба возлюбленных были сожжены на костре в священной дубраве.

Но больше всего сестре Витеня понравилось предание о жмудской княгине, которую звали так же, как и ее саму, Паятой. Паята была женой князя Живинбуда. Она считалась образцом женской добродетели и благочестивости, к тому же отличалась красотой и кротостью нрава. Когда Паята умерла, ее сын Куковойт велел вырезать из дерева статую матери и поставить в священном месте, среди идолов литовских богов. И люди охотно поклонялись Паяте, чтя ее как богиню.

Удивительное мастерство Лиздзейко-рассказчика настолько пленило сестру Витеня, что она увлеклась им и как мужчиной. Лиздзейко заметил это и тут же предложил очаровательной девушке стать его женой. И заручившись ее согласием, стал просить руки Паяты у ее брата, князя Витеня.

Криве-кривейто в отличие от жреца-вайделота имел право на личную жизнь, и поэтому со стороны воспитателя Лиздзейко, готовящего молодого человека себе на смену, вопросов не последовало. Так незаконнорожденный сын Наримонта совершенно неожиданно породнился с будущими великими князьями литовскими, Витенем и Гедимином. Он пользовался уважением во время Витенева правления. Именно в эти годы старый криве-кривейто умер, и Лиздзейко был посвящен в верховные жрецы. Но самого большого почета достигну л он при Гедимине.

Младший брат Витеня и Паяты широко использовал дар предсказания своего зятя — верховного жреца. От этого ли или, может, по какой иной причине, но удача неизменно сопутствовала всем начинаниям Гедимина.

Однажды великий князь литовский на охоте в лесах недалеко от долины Свенторога, прогонявшись за туром весь день, сумел убить его лишь на закате. Чтобы не заблудиться в ночном лесу, Гедимин решил заночевать. И приснился ему странный сон. Увидел Гедимин огромного железного волка. Сидит волк на горе близ Свенторогової долины, спокойно сидит, но изнутри у него исходит такой рев, «будто сто волков воет». Проснувшись, Великий князь поспешил к Лиздзейко, чтобы узнать, не пророческим ли был его сон. Ответ удивил и обрадовал Гедимина.

— Княже великий, — сказал Лиздзейко,— волк железный означает: столичный город тут будет. А что в его нутре ревет — это слава его будет греметь по всему свету.

И Гедимин, который уже неоднократно помышлял ранее о возрождении могучего Кривграда, с усердием взялся за возведение замков и укреплений. Через несколько лет возник прекрасный город Вильно, или по-литовски «волчий город». Гедимин перенес сюда свою

столицу, и боги, к удивлению тех, кто знал историю запустения Кривграда, не возмутились и не воспрепятствовали этому.

А Лиздзейко получил прозвище Радзивилл, ибо он посоветовал — «порадзил» князю основать Вильно. Это прозвище позднее перешло йміа его потомков, которые стали родоначальниками известного магнатского рода Радзивиллов.

Действительно ли Гедиминов сон был вещим, и насколько правильно разгадал его криве-кривейто? Многие исследователи высказывали сомнения по этому поводу, выдвигая предположения, что Лиздзейко по каким-то известным одному ему причинам возжелал, чтобы священная долина и дубрава оказались в центре стольного града Великого княжества Литовского, и использовал доверчивость Гедимина, чтобы внушить ему эту странную идею, на удивление удачно воплотившуюся в жизнь. Нам же думается, что если Лиздзейко и воспользовался своим авторитетом предсказателя для собственных целей, то речь могла идти лишь об одном. Неоднократно рассказывая восторженным слушателям историю княгини Паяты, которой после смерти заставил поклоняться как богине ее любящий сын, Лиздзейко не мог не вспоминать с трепетом и благоговением о своей несчастной матери.

Князь Наримонт не назвал ее своей супругой и не взял с собою в древнюю жмудскую столицу Кернов. Так пусть же столица сама придет к его матери и расположится вокруг ее могилы!

Обстоятельства необыкновенно посодействовали исполнению хитрого плана, а, может, криво-кривейто своей сыновней преданностью действительно тронул сердца древних литовских богов, и те помогли ему почтить память матери. Похоже на то.

## РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

*О том, как меч и вышитый платочек искали друг друга в царстве теней*

Давид Городенский... Ах, как долго это имя пребывало в забвении! Читали наши дети в книгах по истории о великих ратоборцах Евпатии Коловрате, Александре Невском, Даниле Галицком, Дмитрии Донском, искренне восхищались их мудростью, отвагой, мужеством и преданностью родной земле и не знали о том, что по какой-то нелепой случайности из славной дружины этих славянских богатырей людская память исключила одного из самых достойных сыновей Белой Руси. Но, видимо, не только на небесах — и на земле есть место высшей справедливости. И спустя столетия удалось обнаружить и сделать всенародным достоянием летописные свидетельства о подвигах выдающегося полководца XIV века.

И сегодня мы уже не можем представить себе историю нашей родины без этой, вырванной было из нее странички. Без меча Давида, поднимающего на праведную борьбу с крестоносцами земляков и единоверцев, без городов, которые, уверовав в силу и непобедимость своего защитника, не сдавались врагу и без прекрасной, возвышенной любви славного героя к дочери Гедимина.

Давид был младшим сыном Довмонта, радостью и гордостью последних лет его жизни. Заразившись в 1299 году чумой, нежданно нагрянувшей во Псков, старый князь успел передать Давиду свое завещание и последнюю волю. Довмонт дал сыну всего три наставления: не предавать тех, кому клялся в верности, никогда не мириться и не брататься с крестоносцами, помнить, что у каждого человека должна быть родина.

Довмонт не хотел, чтобы Давид после его смерти оставался во Пскове, хотя псковичи и любили шестнадцатилетнего княжича и клялись, что будут почитать его своим господином. Он пожелал, чтобы сын вернулся в ту землю, откуда взял начало его род.

Похоронив отца и очень скоро после этого мать, юный Давид поспешил исполнить последнюю волю своего родителя.

Отцовские Нальшаны в то время уже входили в состав Великого княжества Литовского, созданного Витенем. К престолу великого князя в Новогрудок и отправился Давид, предложив Витеню свою дружбу и свой меч.

Наверное, правителю Литвы и Беларуси нелегко было принять решение. Хотя сын Довмонта и казался искренним, хотя и помнил

Витень о своем близком родстве с этим привлекательным юношей (по материнской линии Витень приходился Довмонту двоюродным братом), не забывал великий князь и того, что именно по вине Довмонта погиб его собственный отец, князь Гердень. К тому же старший Довмонтов сын Полюш уже несколько лет, перейдя на сторону крестоносцев, совершает разбойные набеги на Витеневу державу. И хочет Полюш ни больше ни меньше как лишить дядю его престола, объясняя свои права на великое княжение тем, что Довмонт был старшим братом Внтенева предшественника, великого князя Тройденя. Хотя коварный Полюш и пытается отрицать — всем известно, что Тройденя убили именно его, Полюшевы люди. А чего можно ожидать от его брата, Давида?

Витень колебался, но, видимо, все-таки какое-то седьмое чувство подсказывало ему, что юный княжич чист и честен. Первые же воинские испытания, которым подверг сына Довмонта великий князь, к его удовлетворению выявили и такие необходимые для мужчин качества, как смелость, мужество, находчивость, благородство. Давид оказался хорошо обученным воином, вполне готовым, несмотря на свой молодой возраст, встать во главе войска. Недаром потратил седой Довмонт время на воспитание своего младшего сына и обучение его воинскому мастерству.

Видимо, решив, что иметь такого прекрасного воина в союзниках отнюдь не помешает, Витень задумался о том, как бы привязать к себе Давида узами более крепкими, чем узы уважения и дальнего родства. Ах, если бы у Витеня, не имевшего наследников, была хотя бы дочь! Как скоро он разрубил бы все хитро запутанные судьбою узлы! Впрочем, шанс завладеть сердцем юного Давида у великого князя оставался. В городе Кернове в замке Гедимина, словно дикий и прекрасный цветок, подрастала племянница Витеня, княжна Бируте Гедиминовна. И ей уже было четырнадцать лет.

«Возраст Джульетты» — возможно, так бы мы сейчас сказали. Но в те времена нашего сравнения никто бы не понял. Ведь Джульетта, вдохновившая Шекспира, жила в Вероне в XV веке и родилась она более чем через сто лет после Бируте.. «Возраст Бируте» — правильнее было бы сказать о шекспировской героине, характер которой, жизнерадостное мироощущение и страстное желание любви так роднят ее со старшей дочерью Гедимина.

Предание говорит, что так же, как через сто лет после них веронские любовники, Давид и Бируте встретились в замке отца девушки на семейном торжестве. И так же неотвратимо, с первого взгляда полюбили друг друга.

Только судьба их любви была более счастливой. Потому что Витень и Гедимин обладали гораздо большей мудростью, чем кичливые Монтеки и Капулетти. Давид и Бируте с благословения великого князя литовского и его младшего брата стали супругами. Витень обрел прекрасного воеводу, Гедимин — друга и соратника, Бируте — верного мужа, а Давид — право называть землю, где родился его отец, родиной.

Вскоре Витень и Гедимин, посоветовавшись, решили доверить Давиду должность коменданта и наместника великого князя в Гродно. Могучая гродненская крепость почти на границе Великого княжества должна была в представлении тех, кто возводил ее, стоять подобно утесу, о который раз за разом разбивались бы стальные волны крестоносцев, набегающие на древние земли Белой Руси.

Крестоносцы, с которыми сражался прадед Давида, Александр Невский, на которых ходили походами его дед Дмитрий Александрович и отец Довмонт, которым продался несчастный Полюш и с которыми Давид поклялся «никогда не мириться и не брататься», представляли в те времена самую серьезную опасность для Великого княжества Литовского.

Но встретиться с ними лицом к лицу Давиду довелось лишь в 1305 году. Крестоносцы, ведомые прославленным комтуром Конрадом Лихтенхагеном, комендантом Бранденбурга, гордостью Ордена, осадили Гродно. Силы были явно неравными, чтобы вступить в открытый бой. Давид послал за великокняжеским войском. Два дня в ожидании подмоги отбивались защитники. Крепость выстояла. Враги были разбиты.

Через два года гродненскому коменданту пришлось встретиться с другим грозным врагом — комтуром Кенигсберга Эберхардом фон Вирненбургом. С ним пришли под Гродно сто рыцарей и шесть тысяч легких всадников. При этом надо не забывать, что с каждым рыцарем в те времена должен был идти небольшой отряд из оруженосцев и слуг. Все они тоже были вооружены и принимали участие в боевых действиях. Крестоносцы захватили подзамчище, посад, где жили в основном ремесленники и торговцы, разграбили и разрушили его. Но сам город, гродненский замок защитники не отдали.

Давиду приходилось не только оборонять свой город. Были у него и славные походы, целью которых становилась помощь другим городам. В 1314 году гродненцы отправились на выручку соседнего Новогрудка, который был осажден крестоносцами. Небольшой отряд Давида подоспел в тот час, когда, сняв с себя тяжелые доспехи и спешившись, крестоносцы двинулись на приступ непокорной крепости. Неожиданным и неординарным было решение Давида. Он не

стал ввязываться в открытый бой, но занял военный лагерь рыцарей, расправившись с охраной, и захватив всю амуницию, доспехи, провиант, боевых коней. Рыцари оказались буквально обезоруженными и вынуждены были остановить штурм и снять осаду.

А в 1323 году, когда немецкие рыцари напали на Псковщину, «приехавши в кораблях и в лодиях, и на конях», к мечу Давида воззвали до сих пор считавшие его своим князем псковичи. И гродненский комендант поспешил на помощь городу, в котором появился на свет.

Узнали силу оружия Давида и в Пруссии, куда водил он свою дружину в 1319 году. Гродненцы побывали в Вагеншторфе и вернулись назад с большим количеством военных трофеев и пленными.

Давид Городенский был полководцем счастливой судьбы. Он не проиграл ни одного из своих сражений, каждый его поход оканчивался удачей. Будучи людьми суеверными, его воины приписывали успех князя-воеводы тому, что рядом с ним, если и не всегда зримо, то обязательно в мыслях, присутствовала его верная жена. Легенда повествует, что вышитый рукою Бируте платочек Давид Городенский благоговейно всегда носил с собою, когда судьбе в очередной раз было угодно ненадолго разлучить супругов. Нежная златокудрая красавица Гедиминовна составляла с возмужавшим и посуровевшим воином Давидом прекрасную пару. Но если восхищенные соотечественники видели в этом союзе силу своего героя, враги Давида рассудили иначе.

Напуганные смелостью гродненского коменданта и его многочисленными победами крестоносцы стали искать возможность уничтожить своего противника если не физически, то морально. И единственным уязвимым местом полководца они сочли его любовь к Бируте.

В 1324 году три немецких рыцаря с войском в шестьсот человек тайно проникли в окрестности Гродно. Воспользовавшись отсутствием Давида, который, они знали, находился в это время в очередном боевом походе, рыцари напали на его родовую усадьбу. От их мечей приняла смерть прекрасная княгиня, ее дети, а также немногочисленная охрана из самых проверенных воинов Давида и верные слуги.

Вернувшись домой, гродненский комендант нашел лишь разоренное, оскверненное семейное гнездо и 28 мертвых тел родных, близких и просто преданных ему людей. И то место, которое занимало в его сердце любовь, заполнила ненависть...

Он стал жестоким, очень жестоким. Он хотел мести, и она была страшна. Запылала Мазовия, союзница Ордена. В разрушенных ее городах и селах уберегшиеся от карающего меча Давида мазуры

посылали вслед ему самые ужасные проклятия. А он уже задумывал поход на Бранденбург, вражье логово, цитадель крестоносцев.

Собрав огромное союзное войско, куда вошли кроме воинов Великого княжества Литовского польские и псковские хоругви, Давид Городенский уверенно повел их к победе. Они дошли до Франкфурта-на-Одере. Оставался лишь один последний рывок, когда рука предателя, мазовецкого рыцаря Анджея Госта нанесла Давиду смертельный удар в спину...

Соратники героя принесли его тело в Гродно на своих щитах и похоронили на высоком берегу Немана недалеко от древней Коложи в земле, в которую до него легла Бируте. К рукояти меча князя, говорит старинное гродненское предание, воины привязали вышитый платочек княгини. Чтобы по этому знаку их души смогли легко отыскать друг друга в том мире, который недоступен живым.

## РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

*О том, как одна фенщина заслужила восторженное поклонение мужа и проклятие отца*

Говорят, что самый прославленный из велики князей литовских Гдимин, пришел к власти в результате несчастного случая. Его предшественника и брата Витеня в 1315 году убила молния, когда после очередного похода в Пруссию он во время сильной грозы возвращался в Новогрудок. Философски решив, что, видимо, это бог-громовник Перкунас возжелал таким необычным способом заполучить в свои чертоги понравившегося ему героя, Гедимин спокойно возложил на свою голову великокняжеский венец, а на свои плечи все дела и хлопоты почившего. Князь был уже немолод, пятидесяти лет, и имел достаточно большой опыт для того, чтобы «судить, рядить да воевать». Он чувствовал, что у него хватает сил, чтобы поддерживать внутри своей державы порядок и отводить от нее всяческие напасти. А самой досадной из этих напастей были крестоносцы.

Начав княжение с укрепления своих городов и строительства новых мощных крепостей, готовых отражать нападения орденских братьев, Гедимин, однако, время от времени задумывался, а нельзя ли найти способ обезопасить Великое княжество Литовское, договорившись с крестоносцами полюбовно?

Осторожно прощупывая подходы к наглым тевтонцам, великий князь литовский решил перетянуть на свою сторону сначала их потенциального союзника, мятежную польскую провинцию Мазовию. Легче всего это было сделать при помощи политического брака. К счастью, вторая из дочерей Гедимина Даниила к этому времени уже достигла брачного возраста. В один прекрасный день отец объявил ей, что она должна собираться в Мазовию, где станет женой младшего из трех мазовецких князей-братьев, Вацлава Плоцкого.

Даниила родилась около 1300 года. Ее мать Ольга Смоленская была второй женой Гедимина. Кроме Данмилы у нее были еще два сына, Ольгерд и Кенстут, и дочь, языческое имя которой нам неизвестно (крестясь перед замужеством в православие, она стала Марией). Очень скоро потеряв мать, дети получили взамен немолодую и неласковую мачеху. Великой княгине Еве в пору женитьбы на ней Гедимина было уже сорок пять лет, а так как она в браке с Витенем своих детей не заимела и уже не надеялась, что когда-нибудь станет матерью, то в первое время с трудом выносила возню и смех чужих. В качестве протеста два брата и две сестры вступили в тайный союз

против новой жены их отца. Они дали друг другу клятву верности и обещали никогда не нарушать ее, чего бы им это не стоило. Они так и поступали, пока судьбе не было угодно разлучить эти четыре родные души.

И вот повзрослевшую Даниилу снарядили в Мазовию. Со слезами на глазах простилась она с братьями и сестрой и отправилась навстречу неизвестности.

Впрочем, слезы быстро высохли на ее ресницах. Мазовия, край величественных замков и мужественных воинов, встретила ее благосклонно. А князь Вацлав, по матери своей Гаудемунде Тройденовие — наполовину литовец, оказался вполне соответствующим ее представлению о мужской красоте и силе. Они понравились друг другу и с первой минуты стали доверять. А взаимное доверие в те суровые времена нередко ценилось даже больше, чем взаимная страсть.

Мы знаем, что поспособствовало возникновению у Гедимина желания породниться с мазовецкими князьями. У Вацлава Плоцкого тоже были определенные виды на брак с Гедиминовной. Во-первых, он мечтал о независимости от Польши, и союз с набиравшим все большую силу и мощь Великим княжеством Литовским мог помочь обрести ее. Поведение Гедимина давало ему право надеться на это. Во-вторых, он хотел иметь сильных и здоровых детей от красивой высокородной женщины. К XIV столетию западноевропейская знать была уже так сильно опутана сетью близкородственных связей, что невесты зачастую оказывались настолько хилыми и болезненными, что не способны были рожать или же рожали детей, умиравших в младенчестве. Гедиминовы же дочери имели здоровую наследственность, что давало лишний повод их отцу гордиться своим потомством.

Данмила, получившая в крещении католические имя Альжбета, не разочаровала своего супруга, очень скоро подарив ему крепыша-наследника Болеслава. Вацлав был счастлив.

Но годом спустя вдруг произошло событие, взорвавшее семейное благополучие, удовлетворенность и спокойствие. До Мазовии дошло известие о том, что папа Иоанн XXII объявил крестовый поход на языческую Литву и Жмудь. Всем, кто примет в нем участие, глава католической церкви обещал прощение грехов.

Если раньше такие вести вряд ли взволновали бы искреннего католика Вацлава, то теперь, связанный брачными узами с Гедиминовной, он озабоченно почесывал затылок в поисках выхода. Предстояло сделать трудный выбор — встать на сторону Ордена, перед рыцарями которого всегда гостеприимно распахивались двери Плоцкого замка, или поддержать Гедимина. Понадеявшись на «авось», Вацлав

заявил крестоносцам, что он всецело на их стороне. И в то же время, чувствуя, что Гедимин готов попробовать договориться с папой, мазовецкий князь был в числе тех, кто настоятельно советовал великому князю литовскому принять католичество, как сделал это когда-то Миндовг, и крестить своих подданных язычников.

В 1322 году, после первой стычки с тевтонцами, начавшими свой крестовый поход, Гедимин всерьез решился послушаться этого совета. И даже составил пространное письмо к папе. Но, видимо, борьба с язычеством являлась уж очень хорошим предлогом пограбить для алчных людей, прикрывающихся именем Христа. Ответа на письмо все не приходило. Набеги крестоносцев на земли Великого княжества Литовского не прекращались. Литвинам удавалось давать отпор во многом благодаря воинским талантам Давида Городенского. Еще в начале 1324 года Гедимин готов был ради блага своих подданных стать католиком. Но ранней весной этого же года от рук крестоносцев погибла Бируте.

Смерть дочери потрясла седого отца. Еще больше его поразило то, что, как донесли ему, его мазовецкий зять предоставил свои земли крестоносцам в качестве плацдарма для нападения на Великое княжество.

И Гедимин благословил Давида Городенского в поход на Мазовию. Гродненская дружина вступила на земли Вацлава. Сто тридцать сел, принадлежащих предателю, по приказу Давида было сожжено дотла. Тридцать Костелов разрушили его воины. Две тысячи человек захватили в плен. Штурмом нзял скорбный вдовец столицу Вацлава, Плоцк. Князь Мазовецкий со своей семьей вынужден был поспешно бежать по подземному ходу.

А в это время Гедимин принимал прибывших наконец-то папских легатов. На их вопрос, не раздумал ли еще великий князь креститься, он сурово ответствовал:

— Если у меня было когда-либо такое желание, то пускай меня крестит дьявол... Я не запрещаю католикам служить Богу по их обычаю, православным — по-своему, а мы служим Богу по нашему обычаю, и у всех один Бог. И что вы говорите мне о католиках? Где более несправедливости, зла, насилия, злохитрости и жадности, как не среди католиков, и особенно среди тех, кто выдает себя за монахов, как крестоносцы? Нет зла, которого бы они не совершили...

Седой Гедимин ни словом не обмолвился послам папы о своем личном горе, но они почувствовали это в его полной боли речи. Покинув Великое княжество Литовское, легаты смиренно сообщили

своему господину: «У короля были добрые намерения, но под влиянием неожиданно возникших обстоятельств он передумал» .

Вряд ли сердце Гедимина, сокрушавшееся о Бируте, оставалось безучастным к Даниилe: Ведь она была такая же дочь ему. Искал ли великий князь возможности объясниться с нею, попросить прощения за то, что безрассудно отдал в руки своего врага, призвать вернуться на родину, бросив мужа, пренебрегшего родственными узами? Видимо, нет. Даниила была замужней женщиной и по обычаю своего времени должна была находиться рядом с супругом и в славе, и в позоре. Но во всякой случае рассчитывать на то, что дочь останется духовно близка и верна своеиу родителю, Гедимин мог. Случилось же наоборот.

Нападение на Плоцк, те разрушения, которые оставил после своего посещения Мазовии одержимый жаждой мести за смерть любииой жены и детей Давид Городенский, настроили Даниилу, уже успевшую почувствовать себя тут полновластной хозяйкой, на воинственный лад. Она открыто возмущалась действиями Давида и осуждала отца, отказавшему посланцам «наместника святого Петра на земле».

Такая яростная моральная поддержка супруги вызвала в сердце князя Вацлава искреннее восхищение. Еще бы! Красивая молодая женщина, подарившая ему здорового наследника, оказалась на поверку еще и верным другом и соратником. Всячески хвалили Даниилу и старшие братья ее мужа, мазовецкие князья Земовит Сохачевский и Тройдень Черский, приютившие беглецов после захвата Давидом Плоцка. Эти двое, узнав, что папа, несмотря на решительный отказ Гедимина креститься, все-таки, учитывая его веротерпимость, заключил с ним мир сроком на четыре года, написали понтифику полное яда и лжи послание:

«Хотя папские легаты и заключили мир между Литвою и Орденом на четыре года в надежде, что со временем произойдет переход в католичество литовского князя, но только эта надежда совсем обманчива, ибо князя литовского только силою оружия и острого меча можно было бы заставить переменить веру. Какими великими утратами угрожает этот мир христианским странам, соседним с Литвою, этого без глубокой скорби и слез и рассказать нельзя. Достаточно вспомнить опустошение и разграбление, учиненное литвинами под предводительством князя Давида Городенского. Если ваша святость не примет спасительных и быстрых действий в целях обороны христиан в Мазовецкой земле и особенно в Плоцкой епархии, то эти язычники обогатятся добычей и оружием, укрепятся за время перемирия, улучшат свои пограничные укрепления, как улучшили укрепления

Гродно, что стоит за несколько миль от нашей границы, и под защитой этой крепости начнут свои опустошительные набеги сильнее прежнего. Очень просим вашу святость расторгнуть мир и поручить магистру и орденской братии, чтобы они воевали литвинов по-прежнему и защищали наши земли и особенно Плоцкую церковь против вражеских нападений, ибо литовские язычники только и пугаются рыцарей и дрожат перед ними».

В ответ Гедимин в 1325 году принял предложение польского короля Владислава Локотка, бывшего, несмотря на свой малый рост и смешную внешность, очень разумным и дальновидным политиком, и заключил с ним договор о взаимопомощи в борьбе с крестоносцами.

Если бы великий князь литовский только мог предположить, что скрепляя договор с Польшей браком старшей из дочерей Евы, княжны Альдоны, с сыном короля Локотка, потеряет навеки дочь Данмилу!

Польша в понимании Даниилы, научившейся за годы замужества смотреть на все с точки зрения своего супруга, была злейшим врагом. И почти такую же сильную нелюбовь питала мазовецкая княгиня к своей мачехе. Свадьба польского королевича и дочки ненавистной Евы казалась Данииле самым отвратительным союзом, который только иоясно вообразить. Это был заговор ее врагов. И заговору этоиу дал свершиться ее родной отец! Конечно, Даниила была далека от того, чтобы причислить к числу личных врагов и своего родителя. Она нашла ему в душе своей оправдание. Она решила, что отец находится под сильныи и пагубный влиянием своего любимого зятя Давида Городенского.

И Даниила стал активной участницей заговора против прославленного полководца, планы которого составлялись не только в Бранденбурге, логове крестоносцев, но и в заике Вацлава Плоцкого.

В 1326 году Давид Городенский погиб от руки иазура, рыцаря Анджея Госта. Мазур пожертвовал жизнью, чтобы исполнить чью-то властную волю, совпадавшую с его личным желанием отплатить Гедиминову зятю за разрушенные храмы Мазовии.

Узнав об обстоятельствах гибели еще одного близкого человека, старый Гедимин отказался называть впредь Даниилу своей дочерью. Даже братья Ольгерд и Кейстут, продолжавшие согласно детской клятве крепко стоять друг за друга, не рискнули нарушить волю отца в отношении сестры и прекратили с нею всякое общение.

Даниила оказалась оторванной от всех своих родных. Сначала она не ощущала тоски и одиночества, ведь рядои с нею был восторженно поклонявшийся ее самоотверженному поведению в отношении Гедимина Вацлав Плоцкий и его родня, воздающая ей искреннюю хвалу.

Но в 1330 году умер ее муж, и она поняла, на чем держалась ее зыбкая уверенность в возможность счастья на чужбине. Силы княгине придавал теперь лишь сын. Ради него жила княгиня. Она продолжала политику мужа до совершеннолетия Болеслава. Потом передала бразды правления ему.

Долгая жизнь отнюдь не всегда воспринимается как награда небес. Данииле суждено было пережить не только мужа, но и обоих его братьев, отца, убитого выстрелом из арбалета в 1341 году во время штурма города крестоносцев Баербурга, всех остальных дочерей и почти всех сыновей Гедимина. В 1351 году сердце Данмилы готово было разорваться от горя, потому что, не оставив ей в утешение внуков, умер в возрасте тридцати лет сын Болеслав. Но судьба неизвестно для чего хранила мазовецкую княгиню на этом свете аж до 1364 года.

Почти во всех летописях и хрониках, где перечисляются потомки Гедимина, имя дочери Данмилы отсутствует. Воля великого князя литовского была исполнена его современниками так скрупулезно, что потомки, наверное, так ничего бы и не узнали о той, которая, будучи волею судьбы вовлечена в большую политику, последовала зову сердца, а не крови, если бы не мазовецкие хронографы, сохранившие родословную своей княгини.

## РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

*О том, достойны ли звания рыцаря насильники, садисты и палачи*

Как часто прошлое представляется нам похожим на сладкую, неправдоподобно сентиментальную сказку с великодушными героями, благородными героинями, неземной любовью и непременной победой добра над злом? Как больно разрушаются наши благостные иллюзии при первом же знакомстве с хрониками рыцарских времен, изобилующих насилием, кровью, клеветой и изменами! Удивительнее всего, может быть, то, что все это описывается хронистами в спокойных интонациях: как нечто само собой разумеющееся и привычное. Простим их — они были истинными детьми своего жестокого времени. Но все-таки и рука этих, кажется абсолютно бесстрастных свидетелей, иногда вздрагивает, выводя строки, повествующие о чем-то особенно жестоком. Это происходит в тех случаях, когда жестокость человеческую уже никак нельзя оправдать даже со средневековой точки зрения.

Один из таких случаев произошел в 1326 году во время знаменитого похода Давида Городенского на Бранденбург. Подходя с каждым днем все ближе к логову крестоносцев и все больше черствея сердцем в кровопролитных схватках с ненавистными рыцарями, воины объединенного литвинско-русско-польского войска были уже настолько опьянены видом крови, что командирам стало трудно удерживать их от неоправданных убийств мирного населения.

Однажды, уже под самым Франкфуртом-на-Одере, между двумя окончательно утратившими человеческий облик рыцарями из Великого княжества Литовского вспыхнула ссора. Они захватили в плен несколько молодых немок и ночью на привале принялись делить их между собой. Когда очередь дошла до одной особенно красивой девушки, оба литвина выказали желание сделать ее своей собственностью. Дрожа всем телом и кусая губы, чтобы не зарыдать, пленница со все большим страхом наблюдала за тем, как обычный спор превращается в жестокую ссору, как недавние друзья, крича, наступают друг на друга, размахивая кулаками, как в воздухе наконец засверкали обнаженные мечи.

Предвкушая интересное зрелище, вокруг спорщиков стали собираться друзья. Уже воины освободили место для поединка. Уже начала подбадривать половина толпы одного спорщика, половина — другого. Но тут произошло самое неожиданное. Один из предъявлявших свои права на девушку, тот, который был постарше, внезапно подскочил к ней и взмахнул мечом. Разрубленная страшным ударом надвое красавица упала на землю, заливая все вокруг себя кровью.

— Пристойно ли нам, благородным рыцарям, ссориться из-за таких пустяков. Я разделил ее на две половины, пусть каждый из нас возьмет ту, которая ему больше нравится,— самодовольно проговорил убийца...

## РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

*О горе-злосчастии и о трёх тверских монахинях*

Не зря в прежние времена поучали святые старцы — народ: возжелавший паче всего на свете власти заплатит за нее дьяволу самой великой ценой. Но что неразумным людям до мудрых слов! Сладко дьявольское искушение,

тяжко устоять против него. И катятся с плеч долой невинные головы, и полнится слезами и стонами земля. Так бывало во все столетия у разных народов. А на рубеже XIII-XIV веков происходило и на Руси, где два удельных княжества, Тверское и Московское, оспаривали друг у друга главенство над всей русской землей.

Какое же отношение это имеет к нашей истории? Да самое прямое. Ведь именно в это время великий князь литовский Гедимин отдал свою третью дочь, Марию, замуж в Тверь. В 1320 году шестнадцатилетняя литвинка под малиновый звон колоколов главного тверского собора — Спасо-Преображенского — ведена была к алтарю двадцатилетним статным красавцем князем Дмитрием Михайловичем, прозванным за горделивую, воистину царскую манеру держаться Ясный Сокол-Грозные Очи.

Ровно шестнадцать лет назад, в год, когда Мария только появилась на свет, в этом же соборе ее родной дядя, епископ Андрей, соединил в браке родителей Дмитрия, князя Михаила и княгиню Анну, которые, как не преминули сообщить юной невесте, жили в великой любви и согласии, пока смерть князя не разлучила их. История этого союза была необычна и прекрасна. Однажды князю Михаилу довелось услышать о том, что в городе Кашине живет девушка-сирота, которую местные жители почитают как святую. Дочь ростовского князя Анна Дмитриевна, рано потерявшая родителей и опекаемая дядей, отличалась добрым нравом и милосердным сердцем. Когда случился жестокий голод, она велела на княжеском дворе раздавать бесплатно хлеб страдающим кашинцам. А совсем обессилевшим, которые не могли уже и добраться до терема княжны, носила Анна пищу прямо в их дома сама, особенно трогательно заботясь о детях и стариках. Услышав это, князь Михаил влюбился в девушку и, даже не увидевшись с нею ни разу, через свою мать, Ксению, просил у опекуна Анны для себя ее руки. Спасо-Преображенский собор часто посещала, усердно вознося молитвы Богу, и еще одна счастливая супружеская пара, сказали Марии Гедиминовне, князь Ярослав и княгиня Ксения, дед и бабка Дмитрия Грозные Очи. Этих, как говорят, вообще сам Господь

Бог свел. Когда во время очередного набега татар на русские земли погибла первая жена Ярослава, он очень тужил и уж не думал больше жениться. Но однажды во время ловли зверей на берегу Волги остановился со своими отроками ночевать близ села Едимоново. И там у ночного костра любимый княжий отрок Григорий поведал своим товарищам о том, что в селе этом живет его невеста Ксения, прекрасная дочь церковного причетника, и что на днях должна состояться уже их свадьба. А ночью князь увидел странный сон, будто бы он ведет к алтарю невесту Григория, и ангелы их венчают, Наутро Ярослав из любопытства решил зайти в дом причетника и взглянуть на его дочь. Там уже готовились к свадьбе, были подруги невесты, гости, пришел навестить Ксению и жених. И все удивлялись, видя, что девушка будто бы не в себе и говорит так загадочно и странно. Назвала Григория не женихом своим, а другом жениха, уверяла подруг, что скоро и сам жених явится. Когда же князь в простой охотничьей одежде появился на пороге, Ксения пошла ему навстречу, назвав своим суженым. В одну ночь с Ярославом Ксения видела тот же сон. И она сразу узнала того, с кем ее венчали ангелы во сне. Надо ли говорить, что потрясенный Ярослав тут же повел девушку в церковь и обвенчался с нею, а отвергнутый Ксенией Григорий изъявил желание постричься в монахи.

Две эти почти фантастические любовные истории должны были внушить Марии Гедиминовне мысль о том, что счастье будет ниспослано Богом и ее браку. Но очень скоро молодая жена Дмитрия Грозные Очи узнала, что судьбы свекрови и бабки ее супруга на самом деле были не такими уж и завидными. Красавица Ксения жила в супружестве всего семь лет. А потом ее муж Ярослав, вынужденный ради обеспечения безопасности своего княжения поехать на поклон к хану в Орду, умер от медленнодействующего яда, которым опоили его татары на обратном пути. Похоронив мужа на территории Спасского мужского монастыря, княгиня постриглась в монахини. И тридцать лет, словно скорбная тень, в одно и то же время в сопровождении оставшегося верным ей и в схиме Григория появлялась у гроба мужа, не переставая оплакивать его.

Свекор Марии Гедиминовны, князь Михаил, тоже нашел свою погибель в Орде. Его оговорил перед ханом родной племянник, московский князь Юрий. Вызванный на ханский суд тверской князь держался мужественно и отметал все возведенные на него бездоказательные поклепы. Но подозрительность хана была велика, и несчастного казнили мучительной казнью — у живого вырвали из груди сердце. Всего за год до приезда в Тверь Марии Гедиминовны город

был охвачен неподдельной скорбью, люди прощались с телом князя-мученика Михаила, привезенным из Орды. Вот как описывает это Н. Карамзин: «Вдовствующая великая княгиня Анна и Дмитрий Михайлович с братьями выехали по Волге в лодиях навстречу ко гробу Михайлову. Епископ, духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрелище было умилительно. Народ вопил, стремился к телу и громогласно звал Михаила, как бы надеясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поставили перед монастырем Архангельским, где бесчисленное множество людей теснилось лобызать оную».

Положив останки мужа рядом с останками князя Ярослава, вдова так же, как и когда-то княгиня Ксения, приняла постриг.

Зловещие тени убитых князей и их вдов-монахинь (почившей Ксении и еще живой Анны) тревожили теперь сердце юной Гедиминовны предчувствием новой беды. Напрасно обращалась она со словами любви к своему красивому супругу, напрасно как могла отговаривала от мести, напрасно язычница, ставшая христианкой только перед самым венчанием, показывала Дмитрию Грозные Очи те места в Библии, где Христос призывает людей к смирению и терпению. Этих чувств не было в душе ее мужа.

Менее пятидесяти лет назад на горе всей Руси началось соперничество Москвы и Твери за власть. Являясь потомками одного и того же князя, славного Александра Невского, тверские и московские правители, забыв о родстве и чести, рвали друг у друга из рук вожделенный татарский ярлык на великое княжение, устраняя соперников самым подлым образом — злыми наговорами и доносами хану, после которых следовала тайная расправа (как в случае с Ярославом) или жестокая прилюдная казнь (как произошло с Михаилом). Горя желанием отомстить за смерть отца, Дмитрий Грозные Очи не нашел другого способа, как тот же наговор. Он отправился в Орду и там сказал хану, что Юрий Московский подло обманывает его, утаивая от татар часть дани. Неизвестно правда ли это была, или Дмитрий заведомо солгал, но московский князь попал в немилость, хан отобрал у него золотой ярлык и передал Дмитрию. А самого Юрия хан вызвал в Орду на суд. С трепетом московский князь предстал перед очами хана, он хотел что-то говорить, оправдываться. Но тут вперед вышел двадцатичетырехлетний Дмитрий Тверской и, молча обнажив меч, вонзил его в виновника гибели своего отца. Все присутствующие ахнули, переводя взгляд с мертвого тела на лицо хана, побагровевшее от ярости. Все понимали, что тверской князь, посмевший свершить месть на глазах у хана и без его соизволения, по татарским обычаям

заслуживает смерти. Но хан, ко всеобщему удивлению, совладал с собою и, приказав своим людям убрать труп, сделал вид, будто бы ничего особенного не произошло. Сопровождавшие в Орду своего князя тверские бояре обрадовались, полагая, что грозный ордынец, быть может, простит Дмитрия. Через несколько дней, получив от татар разрешение вернуться на Русь, они привезли в Тверь эту отрадную весть. Княгиня-монахиня Анна вознесла Богу благодарственную молитву, но сердце Марии продолжали щемить тоска и отчаяние. Она не могла избавиться от предчувствия беды. И беда действительно произошла. Почти через месяц после того, как в Орде Дмитрий Грозные Очи обагрил свой меч кровью отцова погубителя, хан, почему-то долго колебавшийся в том, какое решение относительно отчаянного князя Тверского принять, приговорил его к смерти. В один из дней слуги хана вошли в шатер Дмитрия и сломали ему хребет.

Тело того, кого жители Твери так любовно называли Ясный Сокол-Грозные Очи, прибыло в родной город спустя несколько недель, чтобы занять свое место подле тел, так же принявших мученическую смерть отца и деда. И в третий раз облачилась в траур Тверь, и вновь, кидаясь на гроб родного человека, рыдала, горько причитая, мать погибшего князя, княгиня Анна. А княгиня Мария, окаменевшая от горя, отрешенно молчала в своей скорби. Она знала, что ей теперь предстоит.

В 1326 году третья дочь Гедимина приняла в Твери монашеский сан.

## РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

*О том, как король смотрел на запад, а королева— на восток*

В одном из современных костелов Польши окна украшают странные витражи: в королевской мантии, со скипетром и державой в руках и с короной на голове во весь рост возвышается бренный человеческий остов. Будто бы в немой мольбе скалится лишенный плоти голый череп, обращаясь к небесам. Под страшной фигурой надпись — Казимир Великий. Художник, родившийся в XX веке, обращаясь к образу одного из самых прославленных польских королей, хотел подчеркнуть, что и величие, и власть над себе подобными, и знатность, и богатство — ничто перед лицом Бога, если человек не оставил после себя продолжателя дел своих.

Польский король Казимир III Великий, один из самых демократичных европейских правителей средневековья, названный магнатами за то, что одинаково относился и к знатным своим подданным, и к простому люду «королем холопов», оказался глубоко несчастным в личной жизни, потому что не смог произвести на свет законного наследника. Говорят, таким было наказание небес, полученное Казимиром за обиды, причиненные первой своей супруге, великой княжне литовской, дочери Гедимина, Альдоне.

До женитьбы на ней юный Казимир был обручен с хорошенькой чешской королевной Юттой Люксембургской. Познакомившись друг с другом, жених и невеста остались полностью довольны выбором своих царственных родителей и с нетерпением ждали свадьбы, которая оттягивалась в связи с малолетством обрученных. Как вдруг политические ветра внезапно переменили направление. Желая заключить союзнический договор с Великим княжеством Литовским против крестоносцев, а также обезопасить от грозных подданных Гедимина восточные земли Польши, отец Казимира король Владислав Локоток предложил соседу-монарху породниться, поженив детей. Гедимин согласился.

Старшей из незамужних дочерей великого князя литовского в это время была пятнадцатилетняя Альдона. Ее и просватали за пятнадцатилетнего же польского королевича. Сватовство сопровождалось рядом любопытных и курьезных деталей.

Хроники говорят, что прибывшие в Вильно польские сваты поразили литвинов тем, что голодными взглядами провожали каждую более-менее миловидную девушку. Когда выяснилась причина этого, то замок Гедимина потряс гомерический хохот великого князя и его

придворных. Оказывается, красивые женщины в Польше стали большой редкостью. Потому, что методично совершая набеги на королевство Владислава Локотка, литвины стремились в первую очередь захватить в плен молоденьких и симпатичных полек. Этими живыми трофеями похвалялись друг перед другом, заключали пари, чья полонянка окажется краше, отбивали добытых красавиц у соседей. Чаще всего похитители потом женились на похищенных. Но польским кавалерам от этого легче не было.

Насмеявшись вволю, Гедимин милостиво разрешил полякам, которые теперь становились его союзниками, в отместку выбрать себе невест-литвинок и жениться. И еще один великодушный жест сделал великий князь литовский. В перечень богатств, определенных им как приданое для Альдоны, он приказал вписать имена 24 тысяч поляков, находившихся в Великом княжестве Литовском в плену. Это был поистине бесценный дар, и известие о нем было встречено в Польше бурной радостью. Белорусский поэт Ян Чечот так писал об этом:

Много тысяч шло полонных
Как приданое Альдоне.
Мчал кортеж возочков конных
В Польшу в колокольном звоне.
Радость в городах и селах,
Там надежды воскресают.
Богу молятся в костелах,
Слезы счастья утирают...

Но если вся Польша ликовала, радуясь предстоящей свадьбе, сам юный жених был близок к отчаянию. Еще не видя своей новой невесты, он уже ненавидел ее. Потому что из-за Альдоны его разлучали с Юттой. Когда же Гедиминовна прибыла в Краков, он всячески стал оттягивать неизбежное венчание. И у королевича нашлась в этом деле союзница, королева-мать Ядвига, которой было жаль сына, так тяжело переживающего разлуку со своей первой любовью. Ядвига и Казимир потребовали, чтобы невеста, которую они считали «неотесанной варваркой», перед венчанием не только крестилась в католичество, но и изучила польский язык. Когда Альдона выказала готовность и потребовала себе самых лучших учителей, жених и будущая свекровь заявили, что без согласия на этот брак главы католической церкви Казимир венчаться с недавней язычницей не будет. И терпеливый король Локоток, тяжело вздохнув, послал краковского каноника Збышка к папе в Авиньон.

В конце концов все возможные отговорки кончились, и чувствующий себя самым несчастным человеком на свете Казимир вынужден

был предстать с Альдоной, получившей христианское имя Анна, перед алтарем.

Боязнь отцовского гнева заставила королевича выполнять по отношению к молодой жене супружеский долг, но полюбить Альдону он не смог. Впрочем, и Альдона, познакомившись поближе с тем, кого заставили обвенчаться с нею чуть ли не силой, вскоре стала разочаровываться в своем суженом. Казимиру было непонятно, абсолютно чуждо все, что в ее представлении являлось необходимыми атрибутами жизни. Физически сильная, здоровая, выросшая среди живописных лесов и озер Литвы, Альдона в отличие от получившего изысканно-европейское дворцовое воспитание Казимира привыкла большую часть свободного времени проводить на свежем воздухе. Она охотно отправлялась на ловлю дичи в окрестные леса, пыталась приучить изнеженных польских дам, назначенных ей во фрейлины, к купаниям и подвижным играм на речных и озерных берегах. Неуемная активность заставляла Альдону время от времени организовывать веселые путешествия по своей новой державе, знакомясь с достопримечательностями и святынями Польши, изучая жизнь и быт людей, которые должны будут когда-нибудь стать ее подданными. В таких поездках молодую жену королевича Казимира сопровождали народные музыканты и певцы. Последнее особенно выводило из себя свекровь Альдоны королеву Ядвигу, проповедующую аскетический образ жизни и признающую лишь музыку костелов. И она все больше и больше настраивала и без того тяжело переносящего свое супружество сына против невестки.

Беременность Альдоны, наступившая через полтора года после свадьбы, развязала Казимиру руки. Настроившись на то, что сильная и здоровая литвинка непременно родит сына, королевич решил, что долг перед своей державой он уже выполнил и теперь имеет наконец право, отдалив от себя нелюбимую супругу, проводить время с теми женщинами, которые ему нравятся. В самое короткое время юный наследник польской короны заимел множество подруг, среди которых были не только дворянки, но и хорошенькие мещанки, крестьянки и даже служанки. Веселый необузданный разврат Казимира не остановило и рождение дочери, маленькой Альжбеты, которое должно было означать необходимость возвращения к законной супруге хотя бы еще на год, ради появления на свет сына-наследника.

Дозволив себе однажды вести себя так, как требует того плоть, Казимир не хотел уже больше ни в чем отказывать себе. И даже целомудренный король Владислав Локоток никак не мог повлиять на распоясавшегося отпрыска. Иногда королю ценою больших усилий

удавалось заставить сына заночевать в покоях Альдоны, но наутро, обсуждая интимные подробности таких супружеских свиданий, слуги говорили, что всю ночь Казимир спал, обратившись лицом на запад, а Альдона — на восток. Впрочем, если бы у тех же слуг спросили, кто из молодых господ им более симпатичен, они назвали бы имя Гедиминовны. Волею судьбы оказавшись замужем в чужом краю, великая княжна литовская постаралась повести себя с простым людом так, что он сразу же признал в ней свою заступницу. Добрая и милосердная Альдона всегда готова была оказать действенную помощь нуждающимся в ней. Известны случаи, когда Гедиминовна обращалась и к самому королю Локотку, прося за обиженных и униженных. Это вызывало у польского монарха искреннее уважение к невестке. При жизни своей он постоянно оберегал Альдону от злобных нападок недоброжелателей из круга королевы и как мог старался заменить ей отца.

Единственное, чего при всем своем желании не мог сделать для Альдоны польский король, это заставить своего сына вернуться к ней. Видя, какой образ жизни продолжает вести Казимир, многие из окружения королевича предрекали ему большие неприятности уже в самом недалеком будущем. Так и случилось.

В конце 1329 года решивший развеяться и отдохнуть девятнадцатилетний Казимир по приглашению своей сестры Альжбеты, которая была замужем за венгерским королем и с которой он вот уже девять лет не виделся, отправился к ней в гости.

Еще в XI столетии Венгрия была диким, почти поголовно неграмотным краем, где совершенно не было каменных строений, равно как и своей письменности, где король и королева жили в плохо сколоченных непрочных деревянных домах, а их подданные — в войлочных шатрах. Но с тех пор многое изменилось в лучшую сторону. Столица венгров превратилась в совершенно современный город, страну украсили величественные храмы и неприступные замки, пышные дворцы и красивые уютные дома мещан. Муж же Альжбеты, король Робер Анжу, француз по происхождению, привнес в быт венгерской знати и французский лоск, и манерность.

Венгерский двор встретил Казимира во всем своем великолепии. Самая изысканная кухня, самая модная музыка и туалеты, самые веселые забавы. А еще королева Альжбета в дни пребывания брата в ее столице Вышеграде позаботилась о том, чтобы при дворе постоянно находились и самые красивые девушки из числа венгерской знати. Ей очень хотелось, чтобы Казимир, хотя бы на время забыв о навязанной ему нелюбимой супруге, окунулся в атмосферу беззаботного флирта.

С первого же дня польский гость приметил одну из юных фрейлин Альжбеты, Клару Зах. «Белое как снег лицо, черные глаза, вьющиеся волосы, чудная фигура, гордое величие», — так описывает красавицу-мадьярку писатель-историк Юзеф Крашевский, который, видимо, нашел ее словесный портрет в венгерских хрониках.

Заметив, что Казимир сделал выбор, королева тут же позаботилась о том, чтобы понравившуюся ее брату девушку сажали напротив дорогого гостя за столом и выбирали партнершей для танцев и игр. Королева Альжбета рассчитывала, что имея возможность постоянно и непосредственно общаться с Кларой, Казимир сумеет ей понравиться.

Но этого не случилось. Тогда Альжбета предложила Казимиру хитрый план покорения женского сердца. Она слышала от супруга, часто рассказывавшего о легких нравах французского двора, что некоему рыцарю удалось добиться расположения дамы, притворившись серьезно больным. Королевичу идея пришлась по душе — она обещала настоящее приключение. На следующий же день Казимир сказался больным и не вышел из своей комнаты к обеденному столу. Прикинувшись очень обеспокоенной, королева в окружении своих фрейлин, среди которых была, конечно же, и Клара, отправилась проведать «больного». Чуть позже хитрая Альжбета отпустила всех дам кроме Клары, которая оказалась «нужна ей, чтобы помогать ухаживать за заболевшим». Простодушная девушка, так ничего и не поняв, осталась. Тогда под каким-то предлогом королева внезапно покинула покой, и Казимир остался с Кларой наедине...

Неизвестно, что и как происходило дальше. Только спустя некоторое время после ухода королевы за нею, вся в слезах, с растрепанной прической, в приведенной в беспорядок одежде выбежала Клара. Девушка тут же покинула королевский замок.

А через два дня уехал из Венгрии и разочарованный, мрачный Казимир. Провожая брата, королева сокрушалась о том, что Венгрия, готовая внешне подражать цивилизованным Франции и Италии, остается по-прежнему дикой и варварской страной, совершенно не способной понять утонченность придворного этикета, а также удовольствий и сладости тайного флирта.

Увы, Альжбета еще не представляла, насколько венгры свято соблюдают свои «дикие и варварские» законы. Прошло не более месяца со дня происшествия, когда в королевский замок ворвался, сметая вставшую на пути охрану, рассвирепевший отец прекрасной мадьярки, Фелициан Зах. Оказалось, что Клара беременна. А так как девушка принадлежала к старинной и очень знатной (настолько, что могла претендовать на королевский престол) фамилии, то ее

поруганная честь требовала отмщения. Фелициан Зах, лишенный возможности один на один встретиться с обидчиком дочери, решил наказать самого монарха, допустившего распутство при своем дворе. Со страшными проклятиями взбешенный отец кинулся на короля Робера, размахивая мечом. Путь ему преградила королева, имевшая смелость даже схватиться рукой за смертоносное лезвие, отводя удар. Это стоило ей четырех отрубленных пальцев, которые с сухим стуком упали к ногам разъяренного мстителя. Несколько мгновений, выигранных такой ценой, позволили придворным и слугам придти в себя и, навалившись всем вместе на дерзкого Заха, убить его.

Месть перепуганных до смерти короля и королевы была ужасна. Лишившись возможности предать мучительной казни самого Фелициана, они приговорили к смерти всех родственников его по мужской линии до третьего колена. И люто расправились с детьми мятежного вассала. Брат Клары был разорван на части лошадьми, родная замужняя сестра вместе со своим супругом были замучены в застенке. В отношении же самой Клары королева, тяжело переживавшая свое увечье (подданные тут же окрестили Альжбету «кикутой» — безрукой), проявила особую жестокость. Красавицу, своей яркой внешностью волновавшую воображение десятков мужчин самого высокого происхождения, по приказу «безрукой» королевы страшно изуродовали. Ей отрубили обе руки по локоть, отрезали нос и губы. Несчастную, лицо которой напоминало теперь пугающий оскаленный череп, возили по городам и селам Венгрии, заставляя при стечении народа кричать: «Пусть будет так каждому, кто поднимет руку на короля».

Кровавая расправа над Захами потрясла не только Венгрию, но и Польшу. Притихший Казимир, который никак не предполагал, что его мимолетный и абсолютно неудавшийся роман завершится так ужасно, с позволения отца предоставил в королевстве убежище дальним родственникам Заха, сумевшим спастись от плахи. Но репутации королевича ни в семье, ни среди его подданных это не помогло. Потеряв окончательно надежду на счастье и, видимо, страшась окровавленной тени несчастной любовницы мужа, которую после ужасного надругательства над нею палачи убили, Альдона теперь и сама не стремилась больше сблизиться с Казимиром. А тот пытался бороться с угрызениями совести по-своему, привычным ему способом, находя утешение в вине и женских ласках. И если и раньше у него было много подруг, теперь их было в два или даже в три раза больше.

В 1333 году умер король Локоток, и престол занял Казимир, успевший пока прославиться лишь ужасным венгерским приключением да беспутным образом жизни. Поведение нового короля первые годы

его правления мало чем отличалось от того времени, когда он был лишь наследником престола. В 1335 году Альдона, с которой он ради приличия все-таки теперь иногда ночевал в одних покоях, родила ему еще одну дочь, Кунигунду. Став королевой, Гедиминовна, отказавшись от привычки вмешиваться в дела политики, сгубившей не одну монархиню, еще больше отдалась делам милосердия. Понимая, что напряженное отношение к ее супругу может вылиться в бунт его вассалов, Альдона не допускала в своем присутствии даже легкого осуждения поступков Казимира, чем еще больше настроила к себе сердца подданных. «Королева, достойная Польши», — говорили они об Альдоне, противопоставляя ее во всем Казимиру. Им хотелось надеяться, что молодая и здоровая их государыня еще произведет на свет наследника польского престола и успеет воспитать из него порядочного человека и короля (ведь иначе, видя пагубный пример отца, ребенок пойдет по стопам Казимира). Но надеждам не суждено было сбыться. В мае 1339 года королева Альдона внезапно умерла...

Не заимев наследника от своей первой супруги, король Казимир не получил его и от других женщин.

Вскоре после того, как он стал вдовцом, Казимир посватался к пленившей его воображение чешской королевне Маргарите. Как и польский король, та была вдовой, единственный ее ребенок умер в малолетстве. О королевне говорили, что она так же умна, как красива, что у нее благородное, «рыцарское» сердце. Наслушавшись этих рассказов, Казимир влюбился в Маргариту и даже ради нее отказался от всех своих подруг. Но обворожительная вдова, узнав о страшной участи Клары и печальной судьбе королевы Альдоны, наотрез отказалась выходить за виновника несчастий этих двух достойных женщин. Когда видевшие в этом браке политические выгоды отец Маргариты чешский король Ян и ее брат маркграф Карл, невзирая на ее решение, заявили о том, что свадьба состоится, Маргарита слегла в горячке и умерла за несколько дней до объявленного торжества.

Потрясенный Казимир позволил своим подданным женить себя на другой, даже не поинтересовавшись о том, какова она. И обрек этим себя на новые несчастья. Королева Аделаида, немка, оказалась настолько вульгарна при довольно заурядной внешности, что Казимир, проведя с нею всего лишь первую брачную ночь, больше не смог себя заставить вернуться к ней. Такое по меньшей мере странное супружество длилось более 15 лет. Наконец Казимиру удалось договориться с отцом Аделаиды, который согласился принять без обид свою дочь.

Думая, что это означает официальный развод, польский король обвенчался с богатой чешской мещанкой, бездетной вдовой Кристи-

ной Рокичаной, которая во время очередного гостевания Казимира в Праге пленила его не столько своей исключительной красотой, сколько щепетильностью в вопросах женской чести. Невзирая на огромную разницу в социальном положении, мещаночка соглашалась довериться королю только в том случае, если он на ней женится.

Увы, запретный плод всегда представляется более сладким и желанным. И влюбчивый Казимир стал пылко мечтать о Рокичане. Именно это подвигло его начать переговоры с отцом королевы Аделаиды, после удачного завершения которых он поспешно женился на знающей себе цену чешке. Однако брак Казимира с Рокичаной церковь законным не признала. На официальный развод с Аделаидой папа дозволения не дал, мотивируя тем, что король был с королевой одну ночь вместе и, значит, его брак состоялся. А католическая церковь заключает браки на всю жизнь. Узнав о том, что теперь она всего только любовница, а не жена короля, Рокичана начала изводить Казимира горькими упреками и совсем за короткое время сумела так надоесть ему, что когда пришла нежданная весть о смерти в Германии Аделаиды и появилась возможность узаконить с точки зрения католической церкви брак с чешкой, король уже абсолютно этого не хотел. И хотя Рокичана родила-таки ему долгожданного сына, он стал искать возможность отделаться от нее. И нашел-таки, подкупив доверенную служанку Кристины. Она выболтала великую тайну своей госпожи, и Казимир с ужасом узнал, что красавица Рокичана, обладательница длинных, густых и блестящих как вороново крыло волос на самом деле ... лысая. Ей удавалось скрывать свой неприятный изъян только благодаря верности старой своей няни, которая каждое утро, удаляясь с Кристиной в потайную комнату, специальным составом приклеивала на безволосую ее голову роскошный парик. Но няня не последовала за своей питомицей в Польшу, а заменившая ее служанка оказалась не такой преданной.

— Вы жестоко обманули меня и не вправе рассчитывать на снисхождение с моей стороны, — заявил Рокичане король и со спокойной совестью отправил ее назад в Чехию. Сына своего, правда, он признал, но тот остался в положении бастарда.

После конфуза с Рокичаной Казимир стал мужем юной силезской княжны Ядвиги, от которой у него, как и от Альдоны, были только дочери. В довершении всех бед легкомысленная королева, которая имела неосторожность не вовремя пококетничать с одним из влиятельнейших вассалов короля, старостой великопольским Мацко Борковичем, совершенно неожиданно для себя превратилась в объект подозрений и бурных обсуждений для своих подданных. Не блещущий

особым умом Боркович как истинный мужлан вдруг стал повсеместно хвастаться ее расположением к себе, утверждая, что Ядвига принимала его у себя наедине и будучи невестой короля, и даже в первую ночь после свадьбы (Казимир сказался уставшим и отдыхал в своих апартаментах). Встречались-де они и позднее. В доказательство недалекий Мацко показывал дорогой перстень, подаренный королеве королем. Эту драгоценность, утверждал Боркович, Ядвига дала ему в знак любви. Когда выяснилось, что ко всему прочему Мацко Боркович является и организатором заговора магнатов с. целью отделить великоиольские земли от державы Казимира и создать независимое княжество, король отдал приказ о его аресте. Болтливый староста был заключен в подземелье замка в Олькуше, где его уморили голодом.

Ведя счет злоключениям в личной жизни своего государя, подданные нередко высказывали предположения, что так Всевышний мстит беспутному своему помазаннику за его измены доброй королеве Альдоне. И некоторые из них настолько верили в это, что ходили в костелы молиться небесной покровительнице Альдоны — святой Анне — о том, чтобы она простила их короля.

Наверное, небеса все-таки смягчились по отношению к Казимиру и послали ему последнюю, но самую настоящую, взаимную любовь. Эта достойная женщина, которую звали Эстер, не могла претендовать на королевскую корону, так как была еврейкой, дочерью народа, в те времена самого презираемого и гонимого в Европе. Но она и не стремилась ни к власти, ни к излишнему богатству. Она любила короля Казимира так, как любила бы его, будь он и самым последним нищим. Именно еврейке Эстер удалось, полностью завладев сердцем своего возлюбленного, сделать из короля беспутного короля великого. Через свою разумную подругу Казимир узнавал о бедствиях и горестях простого люда, вдохновленный ею шел к своим незнатным подданным, чтобы общаться с ними на равных, создал ряд законов, защищающих крестьян, ремесленников и купцов от произвола высших сословий.

Теперь Казимир мог бы понять чаяния и стремления покойной Альдоны, так любимой своими подданными, став под конец жизни достойным ее памяти.

## РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

*О проклятиях, проклинающих и проклятых*

Проклятия... Уже не в первый раз в этой книге нам доводится говорить о них. То ли действительно люди описываемой нами эпохи обладали уникальным и опасным даром мстить ближним своим, призывая себе на помощь могучие потусторонние силы, от которых нет спасения, то ли, будучи излишне суеверными, они приписывали воздействию проклятий любые Печальные совпадения в жизни современников. Как бы там ни было, но в хрониках рыцарских времен Европы так же, как и в русских летописях этих же столетий, описываются истории о людских несчастьях, произошедших, по мнению окружающих, вследствие проклятий.

Предыдущий наш рассказ был о польском короле Казимире, причину несчастий которого поляки связывали с его супругой Альдоной Гедиминовной. Несчастья великого князя московского Симеона Гордого оказались сродни Казимировым. И проистекали они тоже от Гедиминовны, младшей Альдониной сестры, Айгусты. Впрочем, так же, как и первая дочь Евы Альдона, вторая — Айгуста в этой истории выступала в качестве ни в чем не повинной жертвы, обиженной и отвергнутой жены.

Айгусте шел двадцать первый год, когда ее сосватали в Москву за сына Ивана Калиты Симеона Гордого. Великое противостояние Москвы и Твери к этому времени уже закончилось, благодаря чрезвычайной хитрости и политической гибкости Калиты, в пользу первой. Великому княжеству Литовскому, ранее делавшему ставку на Тверь, теперь стало необходимо наладить прямые связи с Москвою. Заложницей стабильности этого союза и должна была стать юная Айгуста.

Крестили ее в Москве именем Анастасия, там же в 1333 году венчали. Обладавшая от рождения хорошим здоровьем и жизнерадостностью, она, как деревце, пересаженное на новую почву, должна была пустить крепкие побеги и дать добрые плоды. Но напрасно Гедимин надеялся, что замужество Айгусты превратит подозрительность и непонимание в дружбу и доверие. Особенных выгод вопреки ожиданиям Великому княжеству Литовскому этот брак не принес, как не принес он счастья и княжне Айгусте.

Москва, где ей надлежало теперь жить, оказалась городом косности и предрассудков, муж — жестоким и расчетливым человеком, свекор — патриархально-набожным. Жену Симеона облачили в сарафан и заточили в светлице. Участие в охотах, которые были

обычным и любимым развлечением как мужчин, так и многих женщин в Великом княжестве Литовском, было ей запрещено. Дальние прогулки на природу — тоже. Выходила княгиня из терема только в сопровождении внушительного эскорта мамок, нянек да сенных девок. Каждый свой шаг должна была она согласовывать с мужем и свекром. Долгие дни отлучек мужа (а они были частыми, так как Симеон Гордый активно участвовал во всех политических событиях своего времени) Айгуста имела право скрашивать только рукоделием да посещением церкви. Переняв от татар вместе с опытом ведения братоубийственных усобиц также опыт обращения с женщинами, многие русские князья в это время устраивали для жен, сестер и дочерей в своих теремах подобие гаремов, куда никому не было допуска и где женщины жили как затворницы.

Но самое большое потрясение пришлось испытать княгине тогда, когда обнаружилось, что она скоро станет матерью. Уход за беременными женщинами в Москве, даже в княжих палатах, был примитивным. Рожали в банях, и не присутствовали при этом ни лекари, ни знахарки, ни мудрые волхвы, которых на родине Айгусты специально приглашали к роженицам, чтобы в трудных случаях спасти мать и дитя. Не поили Айгусту и целебными отварами из трав, которые обычно давали в Литве и на Беларуси будущим матерям для укрепления здоровья. Некому было собирать лечебные травы в княжестве Московском, ибо время от времени фанатично преданные христианству московские князья проводили своеобразную «чистку» среди язычников-волхвов, колдунов и шептух. Лекарей называли дьявольским отродьем и жестоко расправлялись с ними. И как наказание за это, здесь была огромная детская смертность и большое количеств вдовцов. Умер и первенец Айгусты, Василий.

Не оправившись полностью от первых родов, дочь Гедимина в этом же году родила второго ребенка, девочку. В память об умершем сыне мать назвала ее Василисой. Девочка оказалась крепкой и здоровой, но Симеона Гордого это не обрадовало. Ему нужен был сын, наследник. И вновь Айгуста рожает. Княжич Константин прожил всего один день, а мать его несколько месяцев после родов металась в горячке. Жизнестойкие гены Гедимина помогли женщине перебороть болезнь. Но здоровья уже не было, исчезли красота и молодая свежесть, и муж отвернулся от нее.

Почувствовав, что княгиня опостылела князю, челядь и служанки в ее присутствии соревновались в непочтительности, а за спиной открыто смеялись над госпожой, не сумевшей ни удержать подле себя мужа, ни хотя бы дать ему продолжателя рода.

В 1340 году умер Иван Калита, и его сын Симеон Гордый стал великим князем. Характеризуя его как правителя, Н. М. Карамзин писал: «Сей государь, хитрый, благоразумный, пять раз ездил в Орду, чтобы соблюсти тишину в государстве. Пользуясь отменной благосклонностью хана, исходатайствовал для разоренного Тверского княжения свободу не платить дани моголам, и первый, кажется, именовал себя великим князем всея Руси, как то вырезано на его печати». Возвышение мужа отнюдь не изменило положение Айгусты. Покинутая и одинокая, она медленно угасала. Не имея никакой радости, великая княгиня, должно быть, не однажды проклинала свое тело, которое изо всех сил цеплялось за жизнь и не давало ей возможности умереть. Чтобы хоть как-то занять себя, Айгуста наблюдала за росписью храма Спаса, который строили при монастыре в Кремнике. Активно помогала строительству, выискивая повсюду мастеров иконного письма, собирая церковную утварь.

Она осталась абсолютно безучастной, когда Симеон Гордый объявил ей однажды о своем решении выдать замуж несовершеннолетнюю Василису за князя Михаила Кашинского, такого же юного. В конце концов не все ли равно, что произойдет с ее дочерью, если для нее самой жизнь уже почти закончена?

Айгуста умерла 11 марта 1345 года в тридцатитрехлетнем возрасте. Перед смертью ее заставили причаститься и по обычаю русских князей принять схиму.

Среди служанок Айгусты находилась одна старая белоруска, которая была очень привязана к Гедиминовне и добровольно покинула Великое княжество Литовское, чтобы сопровождать юную княжну в Москву. Она одна была опорой и поддержкой несчастной, оказавшейся на чужбине никому не нужной. Существует легенда, будто бы после смерти Айгусты эта женщина прокляла князя московского.

Последствия не замедлили сказаться. Облюбовав себе в супруги смоленскую княжну Евпраксию, Симеон Гордый на свадьбе вдруг почувствовал к невесте отвращение. Родословная книга сообщает: «И как князь великий Симеон Иванович Гордой женился у князя Федора Святославича, и князь великий перезвал его к себе, а дал ему вотчину Волок совсем, и великую княгиню на свадьбе испортили: ляжет с великим князем, и она ему покажется мертвец, и князь великий великую княгиню отослал к отцу ея на Волок, а велел ее дати замуж, и князь Федор Святославич дал дочь свою за князя Федора, за Краснаго за большаго Фоминского». Дальнейшая судьба Евпраксии Смоленской сложилась удачно, князь Федор Фоминский относился к ней любовно, а она родила ему нескольких детей.

После Евпраксии Симеон женился в третий раз, взяв за себя княжну Марию из династии тверских князей. Мария была дочерью Александра Михайловича Тверского, младшего брата Дмитрия Грозные Очи. Александр Тверской так же, как и его брат, и отец, и дед, принял смерть в Орде. И к этому был причастен Иван Калита. Желая раз и навсегда покончить с соперничеством Москвы и Твери, Симеон решил породниться с тверскими. И этот брак не принес Гордому счастья. Жена, которая сразу же покорила Симеона своей красотой и кротостью, с трудом скрывала свою нелюбовь к сыну губителя Александра Тверского. Но, подчиняясь воле мужа, Мария в таком же темпе, как и Айгуста, стала рожать младенцев, которые тут же умирали. К двум детским могилам сыновей Айгусты на княжеском кладбище под стеной Спасского храма добавились еще четыре — сыновей Марии. Симеон Гордый так и не получил наследника, уйдя в небытие молодым.

В 1352 году на русские земли пришла чума. Серьезно опустошив Псков и Новгород, она добралась наконец и до Москвы. Вот как рассказывает об этом Н. М. Карамзин: «Болезнь обнаруживалась железами в мягких впадинах тела, человек харкал кровью, и на другой или третий день издыхал. Нельзя, говорят летописцы, вообразить зрелища столь ужасного: юноши и старцы, супруги, дети, лежали в гробах друг подле друга; в один день исчезали семейства многочисленные. Каждый Иерей по утру находил в своей церкви тридцать усопших и более; отпевали всех вместе, и на кладбищах уже не было места для новых могил: погребали за городом, в лесах. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающим, в надежде пользоваться их наследством; когда же увидели, что язва сообщается прикосновением и что в самом имуществе зараженных таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сын убивал отца, брат брата».

Заразившись во время этой страшной эпидемии, и умер тридцатишестилетний Симеон Гордый, великий князь всея Руси.

## РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

*О том, что бывает с людьми, желающими жить в чужих монастырях по своему уставу*

Если уж говорить о неудачливости, то следует вспомнить, что неудачливыми люди бывают абсолютно по разным причинам. От одних отворачивает счастье страшное родовое проклятие, другим не дают жить мирно да ладно злокозненные завистники, а третьи портят себе жизнь сами вследствие неуживчивого характера, неуемной жажды власти, высокомерного пренебрежения к мнению, желаниям и горестям окружающих.

Такой была «самая несчастная» из Гедиминовых дочерей, Офка. Будучи самой младшей девочкой в большой семье великого князя литовского, она вызывала всеобщую любовь и умиление. Ей многое прощалось и дозволялось. Избалованная вниманием, Офка тиранила мать и старших сестер и заставляла быть во всем себе послушным брата Любарта, единственного из Гедиминовых детей, кто был моложе ее.

Желая для дочери-любимицы самой лучшей доли, стареющая великая княгиня Ева еще тогда, когда девочка весело и шумно носилась по Виленскому замку и играла со своими куклами, приглядела ей достойного жениха. Это был юный сын князя Тройденя Черского, Болеслав.

Князь Тройдень был женат на галицкой княжне Марии Юрьевне, от которой у него родилось четверо детей. Болеслав был самым старшим. Ему исполнилось всего четырнадцать лет, когда в Мазовию к его родителям приехали с поклоном галицкие бояре. Сообщив Марии Юрьевне о внезапной смерти ее братьев, последних князей Галича и Волыни Андрея и Льва, у которых не было детей, они просили дать им в князья одного из ее сыновей. Думая, что Болеславу выпала на долю прекрасная участь, став правителем Галицко-Волынского княжества, присоединить его к Мазовии, создав этим великую не зависимую ни от Польши, ни от ордынских ханов державу, родители княжича согласились. Так юный Болеслав Мазовецкий оказался в Галиче, где, приняв православие и получив новое имя Юрий, начал княжить под руководством старейших бояр.

Союз с юным Болеславом-Юрием заинтересовал и Гедимина, ведь таким образом можно было одновременно наладить пусть худой, но все-таки мир с Мазовией и попытаться через дочь, которая, великому князю хотелось верить, будет ему послушна, попытаться предотвратить присоединение княжества Болеслава к княжеству его отца.

Проведя предварительно тайные переговоры с галицкими боярами и заручившись их согласием, Гедимину удалось обручить дочь с Болеславом-Юрием. А когда маленькая невеста приблизилась к порогу совершеннолетия, ее отправили в Галич.

Что думают государственные мужы, выбирая себе правителя юного и неопытного? Безусловно, они надеются, используя его имя, править сами. Властолюбивые бояре галицкие не были исключением, и сначала у них все неплохо получалось. Болеслав-Юрий спрашивал во всем у них совета, старался понять местные традиции, узнавал, в каком случае и как поступали его предшественники, учился быть православным христианином. До двадцати лет княжич из Мазовии не проявлял себя настоящим правителем. Он был словно мягкий воск, которому умелые руки могли придать любую форму, от самой прекрасной до самой безобразной. Неизвестно, какой личностью сформировало бы Болеслава-Юрия галицкое боярство, если бы в жизнь его и судьбу внезапно не вторглась юная избалованная Гедиминовна.

Будучи младше мужа на шесть лет, Офка, с детства привыкшая к тому, чтобы любой ее каприз беспрекословно исполнялся, тут же заявила о себе как о главной в семье. Благодаря ее эгоистическому оптимизму, Болеслав-Юрий постепенно вышел из-под влияния бояр и, глядя, как весело и энергично молоденькая его супруга командует подданными, неожиданно для себя почувствовал тоже неодолимое желание властвовать по-настоящему, не оглядываясь на замшелые законы и не считаясь ни с чьим мнением. Властвовать безоговорочно и полностью. Отсутствие опыта и нежелание внимать советам мудрых людей привели молодого галицкого князя к ряду политических ошибок. Он заключил союз с тевтонцами, думая, что этим укрепит положение своего княжества, но вызвал только недоумение и даже негодование подданных, в большинстве своем православных.

Помня с детства обиды своих родителей на польского короля, Болеслав-Юрий вступил в конфликт с Польшей, что поставило в неловкое положение союзника поляков Гедимина и галицких бояр, рассчитывающих на Гедиминову помощь во многих вопросах политики. Когда державные мужи Галича, памятуя, как легко удавалось им когда-то добиваться от своего князя нужных им решений, попытались воззвать к благоразумию Болеслава-Юрия, ответом им стали жестокие репрессии.

По дурному примеру своей взбалмошной и самоуверенной жены галицкий князь начал душить боярские вольности, наивно полагая, что этим только утверждает и упрочняет свою власть, права на которую он теперь умышленно подчеркивал. Принадлежа к правящей

галицко-волынской династии лишь по материнской линии, Болеслав-Юрий тем не менее начал именовать себя «с Божьей милости урожденный князь Галицкий», который был положен только прямому потомку правящей княжеской династии по мужской линии, и пользовался королевской печатью одного из своих предшественников — Юрия I.

Ко всему прочему у сына Тройденя Черского, занимающего в отношениях с Офкой Гедиминовной второстепенное положение и, видимо, подсознательно желающего утвердиться как мужчина, проявилось еще одно пагубное пристрастие. Он стал преследовать молоденьких и хорошеньких галичанок, принуждая их уступать его необузданным желаниям. Те, которые пытались оказывать сопротивление, подвергались грубому насилию.

Отцы, мужья и братья оскорбленных красавиц пытались жаловаться княгине, думая, видимо, что она, имея определенную власть над мужем, сумеет обуздать развратника и насильника. Но эгоистичной Офке оказалось глубоко безразличным чужое горе. Причем она была настолько чванлива, что не считала равными себе ни в чем даже женщин боярского и дворянского сословий, не говоря уже о простолюдинках. Измена мужа с таковыми, видимо, не воспринималась ею как измена, и ее чувств не задевала.

Наконец в 1340 году терпение у горожан лопнуло. Галич был готов к открытому бунту против князя, с такой легкостью попиравшего вековые правовые и моральные законы своей державы. Но, опасаясь того, что народное выступление будет опасным и для них самих, бояре перехватили инициативу. Князю подали кубок с ядом, приобретенным у восточных купцов. Отрава начала действовать уже через несколько минут после того, как Болеслав-Юрий залпом выпил ее. Он упал на пол, корчась от ужасной боли. По телу князя пошли язвы, которые на глазах становились все страшнее и обширнее. Нечеловеческие вопли заставили княгиню, бросив все свои дела, спешно спуститься из своей горницы в пиршественную залу. Ее потрясенному взору предстала ужасная картина. Превратившийся в окровавленный кусок мяса Болеслав-Юрий буквально распадался на части под действием страшного яда. Потеряв сознание, княгиня рухнула подле агонизирующего мужа.

Расправившись со своим провинившимся правителем, бояре стали думать, как им следует поступить с его супругой. Они не были излишне жестоки и решили сохранить госпоже жизнь. Им казалось, что напуганная смертью мужа женщина должна вести себя тихо и не лезть в дела политики. Они ошиблись.

Едва придя в себя, Офка стала думать о мести боярам. У самой у нее было маловато сил, и поэтому она решила прибегнуть к помощи сильного, энергичного мужчины, преданного ей. Гедиминовна списалась с младшим братом Любартом и предложила ему начать борьбу за Галицко-Волынское княжение. Чтобы у ее брата появились шансы, Офка посоветовала ему вступить в брак с княжной Агафьей Владимировной, которая была троюродной сестрой последних галицко-волынских князей Андрея и Льва и оставалась единственным прямым потомком этой династии.

Княжна Агафья, осиротевшая в раннем детстве, воспитывалась своими бездетными и неженатыми троюродными братьями, а когда они умерли и в Галич приехал по приглашению бояр Болеслав-Юрий, бедная родственница переселилась в монастырь. Она была некрасива, особенного приданого сироте родня не выделила, и поэтому женихи обходили Агафью стороной. А вдобавок злые языки довольно метко прилепили двадцатипятилетней «старой деве» обидное прозвище «Буча», что означало «перестоявшая квашня с тестом». Несчастная княжна стала подумывать о пострижении в монахини. Сватовство Любарта Гедиминовича, двадцатилетнего красавца, спасло ее от унылой монастырской доли.

Одновременно с Любартом права на галицкий престол предъявила и Польша, просто в качестве соседки безхозного княжества. Из двух зол галицким боярам приходилось выбрать для себя меньшее. И они уже склонялись к тому, что лучше признать над собой власть Любарта, который в случае чего сможет, мобилизовав для этого военные силы Великого княжества Литовского, дать достойный отпор полякам. Одно лишь не давало боярам спать спокойно. Княгиня-вдова Офка осмелела, во всеуслышание начала грозить тем, в ком подозревала виновников гибели своего мужа, расправой.

Повздыхав тяжко и посокрушавшись о бабьей глупости, бояре в одну из морозных зимних ночей послали своих людей к княгине. Проникнув в терем излишне болтливой вдовы, те вытащили ее прямо из кровати, крепко связали, усадили в сани, довезли до середины скованной льдом реки и бросили в прорубь.

Делая в своих записях под 1342 годом пометку о гибели княгини Офки, в православии Ефимии, летописец нравоучительно начертал на полях: «Ибо живут иные в чужих монастырях да по своим уставам».

## РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

*О том, как христианка разрушила языческое святилище*

Почувствовав неумолимое приближение старости, говорят хроники, великий князь литовский Гедимин призвал однажды к себе всех семерых своих сыновей, чтобы зачитать им свое завещание. В средние века многие государи, обеспокоенные тем, что их сыновья живут недружно, оставляли после себя для них многословные наставления и поучения, в которых призывали любить друг друга и помогать в беде. Гедимин пошел другим путем. Прекрасно понимая, что никакие призывы к миру и ладу не гарантируют этого, если между братьями возникнет зависть из-за отцовского наследства, он решил поделить собранное им Великое княжество Литовское меж сыновьями так, чтобы каждому достался город, равнодостойный столице. Это тем более было важно, что Вильно вместе с великокняжеским венцом в силу данного Гедимином Витеню слова он должен был передать не старшему из своих наследников, но первому сыну, рожденному в браке с великой княгиней Евой — Евнуту. Старый Гедимин предчувствовал, что старшим его детям это может не понравиться и опасался за судьбу тихого, беззлобного Евнута.

Двух сыновей имел Гедимин от первой своей супруги, Виды. Старшему из них, Монтвиду, отдал великий князь литовский город Кернов, древнюю жмудскую столицу, где жил Гедимин со своей семьей до того, как стал великим князем. Пусть отважные жмудины, памятуя, что Монтвид — далекий потомок основателя Кернова Кернуса, чтят его как своего властелина. Младшему — Наримонту, завещал отец Пинск. Когда-то это был второй по значимости город в древней державе дреговичей. Но главный их город, Туров, утратил ныне свою мощь, и Пинск в южных землях Великого княжества сейчас самый значительный город. Кейстуту, сыну второй своей супруги Ольги, великий князь подарил Трокай. Этот город построил сам Гедимин, и был он столицей Великого княжества Литовского до тех пор, пока не возникло Вильно. А столица Витеня и Миндовга, Новогрудок, достались одному их трех сыновей последней и самой любимой жены Гедимина Евы — Кариату.

И только двух из семи своих наследников обделил Гедимин при разделе — Ольгиного сына Ольгерда и Евиного Любарта. Сказал великий князь литовский, что им достаточно будет тех городов, что получили они за своими женами.

Восемнадцать лет было Ольгерду, когда отец обратил его внимание на то, что у последнего витебского князя Ярослава нет наследников-сыновей. Но в высокой светлой горнице своего терема как самое большое сокровище скрывает от злых глаз и языков Ярослав единственную свою дочь, Марию. Кто женится на Марии, тот и княжество за Ярославом унаследует.

Послушался отца Ольгерд и посватал витебскую княжну. После свадьбы с молодой женой поселился в городе У святы, а через два года после смерти давно уже прихварывавшего Ярослава принял на себя витебское княжение. Все было так, как хотел Гедимин, кроме одного. Не учел, не подумал великий князь литовский, что его сын с женитьбой своей приобретет не только власть над Витебском и витьбичами, но и любовь. И окажется это чувство таким сильным и пылким, что ради любимой жены откажется Ольгерд от веры предков своих, перейдет в православие, став для Марии Ярославны и витебских своих подданных Александром Гедиминовичем.

В своей державе никого великий князь литовский не преследовал за его веру, сам имел первую жену — язычницу, вторую — православную. А самую любимую, третью, ксендзы в свою веру перетянули. Дозволял Гедимин дочерям своим креститься, выходя замуж. Но сына Ольгерда трудно было ему понять. Думал Гедимин, что Ольгерд своим поступком обидел предков. И хотя не корил, не упрекал его ни в чем — каждый выбирает себе судьбу сам — но кроме Витебска, который и так уже был владением Ольгерда, ничего ему в наследство не дал.

По той же причине практически без наследства остался и самый младший из Гедиминовых сыновей, Любарт. Желая завладеть Галичем, он женился на последней прямой наследнице прервавшейся по мужской линии династии галицко-волынских князей Агафье, некрасивой и уже немолодой. Женился — ладно, но ведь и крестился, чтобы понравиться привередливым галицким боярам, из Любарта превратился в Дмитрия.

Хотел Галич — получил Галич,— решил обиженный отец, хотя за этот город Любарту придется еще повоевать, ведь на галицкие земли есть еще один претендент — польский король Казимир.

Объявив сыновьям свою волю, долго вглядывался в их лица седой Гедимин, пытаясь отгадать, что они думают. Быть может, намеревался Великий князь, проучив Ольгерда и Любарта, позднее все-таки дать им к уделам их жен еще и достойные их уделы в Великом княжестве Литовском. Да не успел.

Очень скоро после того, как семь сыновей покорно выслушали волю своего родителя, Гедимин погиб в бою с крестоносцами. Завещание вступило в силу.

Хоронили отца семеро братьев с соблюдением всех подобающих языческих ритуалов. Причем, принимали в них участие не только Гедиминовичи-язычники, но и Ольгерд с Любартом. Вот как об этом рассказывают хроники: «Сыновья тело его препроводили до Вильно, и все его рыцарство, и там обычаем поганским, наложивши великий сруб смольного дерева, смолины сосновой, гроб ему наготовили. А потом все семь сыновей на погреб отца своего съехались, убрали его в одежду княжескую цветную, которую он при жизни больше всего любил, и при нем положили саблю, рогатину, сагайдак, соколов пару, борзых пару, коня живого с седлом. Слугу его вернейшего и любимейшего, связав, с ним на стос дров положили, а также оружие его и часть некую луков неприятельских и трех пленных немцев вооруженных живых, дрова запалив, с ним сожгли. А когда горели уже, в то время плакало с великой жалостью все рыцарство, кидали в огонь когти рысьи и медвежьи, ибо был у них обычай такой стародавний. Потом, когда тела сгорели, пепел отдельно и кости какая если не сгорела, княжьи от конских и собачьих собрав в гроб поместили, и там же в земле похоронили и в Вильно вернулись все».

А в Вильно была тризна по умершему. И во время этой тризны Ольгерд, невзирая на то, что у православных христиан этот день был постным «из свежего черепа смрадного тука напился, древним злосмрадием смердящий».

Узнав об этом, жена Ольгерда Мария, которая была ревностной христианкой, пришла в ужас. А ее духовник-фанатик Нестор заявил, что таковой поступок князя следует расценить как возвращение к язычеству.

Точно такие же мысли, видимо, пришли в голову и великой княгине Еве. И осторожная женщина подумала, что это может означать лишь то, что, вновь став язычником, как того хотел его отец, Ольгерд попробует оспорить его завещание. Ева посоветовала своему сыну Евнуту отдать Ольгерду город Крево, сказав, что таким было тайное распоряжение Гедимина. Так Крево перешло во владение Ольгерда.

После похорон отца Гедиминовичи разъехались по своим столицам и стали обустраиваться в них. Казалось, все были удовлетворены, и даже Любарт не выказывал неудовольствия. Но внешнее спокойствие вовсе не означало спокойствия душевного. Ольгерд продолжал чувствовать себя обделенным, ведь маленькое Крево даже с учетом хорошо укрепленного красивого Кревского замка не могло быть

равным ни Вильно, ни Новогрудку, ни Кернову, ни Трокаю, ни Пинску — ни одному из городов-столиц, полученных его братьями. Настроения Ольгерда поддерживал и брат Кейстут, который очень тонко чувствовал несправедливость и не переносил ее.

После того как в 1344 году умерла Великая княгиня Ева и некому стало советовать Евнуту и опекать его, Ольгерд с Кейстутом решили сместить младшего брата, который, как они полагали, незаконно занимает великокняжеский престол. К этому времени уже успел умереть и самый старший Гедиминович, Монтвид, а Наримонт не имел достаточно храбрости, чтобы поддержать братьев-заговорщиков, и отказался от борьбы за престол. Таким образом, следующим по старшинству был Ольгерд. И он сказал, что готов надеть на свою голову великокняжеский венец. Сговорившись с Кейстутом, Ольгерд выбрал день для нападения на Евнута. В обусловленное время Кейстут первым прибыл в Вильно со своим отрядом из Трокая. Ольгерд, двигающийся из Витебска, припоздал. Увидев, что воины Кейстута занимают город, перепуганный Евнут неодетым и босым кинулся спасаться бегством. Он перелез через городскую стену и спрятался в лесу. Была холодная зима, и несчастный низложенный великий князь отморозил ноги. Таким и нашли его люди Кейстута, посланные вдогонку. Вскоре после того, как Евнут был доставлен назад в замок и к нему приставили лекарей и заботливых сиделок, в Вильно въехало опоздавшее войско Ольгерда. Заговорщики, посовещавшись совсем недолго, объявили брату, что ему нечего бояться их и с риском для здоровья и жизни убегать. Ему зла не желают. Просто это будет честно и справедливо, если великокняжеский престол займет Ольгерд, а Евнут удовольствуется скромным уделом, более подходящим для младшего брата, например городом Заславлем. Евнут поспешно согласился. Так Ольгерд в 1345 году получил престол. И семья его перебралась из Витебска в Вильно.

Став великой княгиней литовской, Мария Ярославна с благословения своего духовника, думая, что этим приносит лишь благо своим подданным, начала рьяно проповедовать православие, а когда увидела, что польза от этого невелика, попыталась насаждать его силой. В первый же год правления Великим княжеством Литовским Ольгерда его супруга приказала разрушить в центре города языческое капище литовского божества Рагутиса и на его месте возвести православную церковь святой Параскевии Пятницкой. По примеру жены Ольгерд тоже заложил в Вильно два храма — святого Михаила и Успения Пресвятой Богородицы.

Мария Ярославна постаралась окружить мужа людьми, принявшими крещение в православие, и поощряла их к тому, чтобы, общаясь со своим господином, они постоянно возносили хвалу Богу Единому и призывали Ольгерда вернуться к вере своей матери, Ольги Смоленской. Духовник великой княгини литовской Нестор, получивший приход в возведенной всего за несколько месяцев на месте языческого святилища церкви, склонял к православию бояр и дворян Ольгерда. И ему удалось в первый же год своей пастырской деятельности в Вильно обратить в новую веру трех молодых язычников из числа самых знатных вельмож, которых звали Кумец, Нежила и Круглец. Первые двое, которые были родными братьями, приняв крещение, получили имена Антоний и Иоанн, третий, доводившийся им дальним родственником, стал именоваться Евстафием. Они оказались очень ревностными христианами. Везде и всюду заявляли о своей принадлежности к православию и пытались проповедовать Завет Христа среди именитых язычников, что, надо полагать, очень надоедало тем. Усердие Великой княгини и преподобного Нестора не на шутку обеспокоило виленских язычников и особенно криве-кривейто. Прекрасно понимая, что жаловаться Ольгерду на его супругу не имеет смысла, он, надо думать, нашел более действенный выход из положения. Мария Ярославна вдруг заболела и умерла...

Понимал ли Ольгерд неслучайность кончины своей любимой жены, не пробывшей великой княгиней и года — трудно сказать. Но после того, как Мария Ярославна была со всеми подобающими почестями похоронена в построенном ею на месте языческого святилища храме, великий князь литовский несколько лет пребывал в каком-то странном замешательстве. Властно заявляя о себе как о сильном и твердом правителе и соседям, умеющим воевать и побеждать, и подданным, умеющим быть непокорными, он вдруг безвольно сникал, когда к нему в замок на совет являлся в окружении своих жрецов криве-кривейто.

Великий князь литовский Ольгерд Гедимиинович не сумел даже заступиться за своих вельмож-христиан Антония, Иоанна и Евстафия, отречения от христианства или смерти которых потребовал мстительный верховный жрец. И несломленные ревнители православной веры один за другим были повешены в священной роще в долине Свенторога.

Только женитьба в 1348 году на дочери князя Александра Тверского Ульяне, молодой и энергичной женщине, которая привезла с собой в Вильно целый сонм священников, странное противостояние великого князя литовского и криве-кривейто закончилось победой

первого и поражением второго. Узнав о том, как наглый жрец стяжает у ее супруга власть в столице, Ульяна Александровна тут же приказала вырубить священную рощу, где были казнены вельможи-христиане Антоний, Иоанн и Евстафий, а также прогнать из города постоянно мутящего воду криве-кривейто и построить в Вильно еще две православные церкви.

Впрочем, оберегая супругу от опасности перегнуть палку в вопросах христианизации подданных, Ольгерд сумел вовремя остановить Ульяну, объявив, что будет в своей державе придерживаться политики великого Гедимина, разрешая каждому молиться Богу или богам так, как он считает нужным, и ни одной религии не позволит возвыситься в Великом княжестве Литовском над другими.

## РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

*О том, как язычник возвел христианский храм*

Когда в 1349 году Ульяна Тверская стала женой Ольгерда и великой княгиней литовской, Вильно, как прекрасными цветами, стало украшаться православными храмами, прихожанами которых становилось все большее и большее количество новообращенных вильнян. Но не меньшее количество жителей столицы Ольгерда были попрежнему язычниками. И хотя сам криве-кривейто, опасаясь за свою жизнь, бежал из Вильно, в городе оставалось еще много жрецов более низкого сословия, которые каждый день возносили молитвы древним языческим богам на уцелевших виленских святилищах. Жили в городе и католики. Но их община была немногочисленной и храма своего они не имели, используя для богослужения часовни. Первый католический храм, если верить дошедшим до нас письменным свидетельствам той эпохи, построил в Вильно литовец Гаштольд, удалой боярин Ольгерда, один из самых преданных его вассалов. И возведен храм этот Гаштольдом был во имя любви.

Когда Ольгерд мечом своим присоединил Подольскую землю к Великому княжеству Литовскому, верного Гаштольда посадил государь наместником в город Каменец на Подоле. Там и суждено было встретить ему свою любовь.

Самой красивой девушкой в городе Каменце в те времена считалась панна Бучацкая, и наместник великого князя литовского пленился ею и стал пытаться ухаживать за прелестницей. Но, к удивлению завистливых своих подруг, панна Бучацкая, заметив, что сам наместник положил на нее глаз, старательно избегала с ним встреч.

Будучи католичкой, девушка каждый день ревностно посещала костел, и язычник Гаштольд несколько раз, горя желанием видеть красавицу, заходил в храм Божий во время службы. Но, заметив не сводящего с нее глаз влюбленного наместника, панна Бучацкая тут же направлялась к выходу. Столкнувшись с Гаштольдом случайно на улице, она спешила свернуть куда-нибудь, спрятаться между домами. Когда же наместник приходил в дом ее отца, придумывая для этого разнообразные предлоги, панна Бучацкая сказывалась больной и не выходила из своей комнаты, уступая родителям честь развлекать беседой высокого гостя.

В конце концов Гаштольд не выдержал и послал девушке письмо, в котором в отчаяньи молил объяснить, что он совершил такого,

чтобы вызвать у прекрасной панны отвращение? За что она ненавидит его?

Довольно скоро пришел ответ. Панна Бучацкая утешала славного рыцаря, уверяя, что ее отказ видеться с ним никак не связан с ненавистью. Наоборот, находясь рядом с паном наместником, она опасается за свое сердце, которое всегда в таких случаях готово выскочить из груди. Она боится по-настоящему влюбиться в славного героя, ибо им никак нельзя быть вместе.

Гаштольд, решив, что девушка просто не уверена в согласии родителей, обратился к отцу хорошенькой панны с просьбой отдать ее за него замуж. Ответ Бучацкого несколько обескуражил влюбленного Гаштольда.

— Я был бы рад отдать за тебя дочь, но мне нельзя ее, христианку, за тебя, поганина, отдавать, — слова отца девушки отпечатывались в сознании наместника суровым, беспощадным, уже, казалось, подписанным и окончательным приговором, и лишь его постскриптум давал хоть какую-то надежду на спасение. — Хотя ты и великий пан, но отдам ее за тебя только тогда, когда окрестишься в нашу веру.

Наслышанная же о том, что язычники нередко ради каких-то своих целей проходят обряд крещения, получают желаемое, а после этого бегут к своим идолам, просят у них прощения и пьют вонючий жир, чтобы вытравить из себя святое причастие (так поступил в свое время даже великий князь литовский Ольгерд), панна Бучацкая добавила, что, если бы, крестясь по католическому обряду в знак искреннего принятия Бога истинного, Гаштольд построил костел либо святой монастырь, ее счастье было бы безграничным.

Гаштольд оказался в трудной ситуации. Он опасался, что ни его близкие, ни его господин не поймут и не простят ему измены богам предков. Грустное настроение боярина заметил в конце концов сам Ольгерд. Он доброжелательно расспросил Гаштольда и, узнав о причинах печали, неожиданно посоветовал не колебаться в делах, которые касаются его личного счастья. Как раз в это время, согласившись на уговоры жены Ульяны Тверской, Ольгерд готовился вторично принять крещение в православие.

Через несколько дней после разговора с Ольгердом Гаштольд, предварительно помолившись на капище Перуна-Перкунаса и оставив там щедрое пожертвование, принял католическую веру и новое имя Петр. Вскоре после этого Ольгерд назначил Гаштольда виленским воеводой. Поселившись в столице, недавний язычник тут же объявил о своем намерении начать строительство костела на своем дворище. Когда храм был уже почти готов, Гаштольд вызвал из

Польши 14 монахов-францисканцев и, испросив разрешения у своего государя, заложил рядом с костелом для них монастырь святой Матки Боской.

Услышав о том, какие подвиги в ее честь совершает влюбленный рыцарь, панна Бучацкая с радостью ответила ему согласием. Венчание произошло в Вильно, в возведенном Гаштольдом во имя любви храме. Скоро этот брак был благословлен появлением сына — наследника Андрея, который в дальнейшем стал родоначальником прославленного рыцарского рода Гаштольдов (языческое имя Гаштольда-Петра превратилось в фамилию).

Однако виленский монастырь святой Матки Боской, строительство которого благополучно и в очень короткие сроки было завершено, к сожалению, просуществовал недолго — менее двадцати лет. Францисканцы вели себя нахально, несмотря на данный ими обет бедности, постоянно вымогали у жителей Вильно деньги и угрожали им небесными карами за отказ признавать Христа своим Богом. В 1365 году, когда в городе начался мор, они вещали толпе, что это — посланное им Богом наказание за идолопоклонство.

Тогда языческие жрецы стали объяснять горожанам, что мор и смерть в Вильно вызвали как раз францисканцы. Желая извести язычников-вильнян, они якобы специально раскидывали по городу отравленное семя. В народе начался ропот. Долго зревшее недовольство святыми братьями достигло своего апогея и выплеснулось открытым против них выступлением в 1368 году, когда Ольгерд, покинув Вильно, отправился в поход на Москву. Вместе с ним пошел и Гаштольд-Петр. Толпа виленских язычников ворвалась в монастырь и подожгла его. Семеро монахов были убиты сразу. Остальных привязали к деревянным крестам и пустили вниз по Вилии со словами: «Вы пришли к нам с запада, на запад же и идите».

Вернувшись из похода, потрясенный Гаштольд нашел на месте монастыря, столь любовно им опекаемого, лишь черное пепелище. Он воззвал к Ольгерду с мольбой покарать виновных в расправе над «смиренными святыми братьями». Ведь великий князь литовский обещал, что в его державе все вероисповедания и все верующие будут равны перед законом.

Впрочем, Ольгерд в уговорах не нуждался. Живо припомнив те времена, когда криве-кривейто заставлял его, великого князя, трепетать перед ним, и не желая возвращения их, Ольгерд приказал схватить главных зачинщиков избиения монахов, некоего жреца, шестерых представителей городского совета, двадцать сановников, тридцать мещан и казнить их на главной площади Вильно. Знатным

преступникам отрубили головы, простых повесили. Свое суровое решение Ольгерд объяснил лаконично: «Чтобы, имея такой пример, никто христианам никакого вреда не чинил».

И действительно, после этой казни Вильно затихло, и никто из его жителей иноверцам больше уже не мешал жить и молиться по их разумению.

Гаштольд же возродил монастырь на новом месте, в пригороде столицы, Песках. И вызвал сюда новых монахов.

## РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

*О том, как влюбленный оскорбил богиню*

Славным правителем был великий князь литовский Ольгерд. Много красивых преданий сохранилось о нем в народе, искренне восхищавшимся и его смелостью, и умом, и рыцарским отношением как к друзьям, так и к противникам своим.

Вот, например, сказывают, что в самом начале своего правления Ольгерду довелось выступить против напавших на Аукшайтию рыцарей Ливонского ордена. Прогнав их со своей территории, великий князь литовский ступил на землю Ливонии. И прикинув, что Ольгерд сейчас сильнее, чем магистр Ордена, ливы послали к нему своего старейшину, который от лица народа предложил великому князю содействие и военную помощь против рыцарей.

— А что вы сделаете с магистром, когда я с вами вместе возьму всю Ливонию? — спросил Ольгерд.

— Мы выгоним его с позором из этой страны, — ответил' старейшина ливов.— А если хочешь, можем предать мучительной казни. И рыцарей его казним.

— Неужели ты, предатель своего господина, дума

ешь, что я пришел сюда, чтобы помочь тебе, холопу, вокняжиться? — гневно воскликнул Ольгерд, более всего ценящий в своих подданных преданность, и приказал отрубить старейшине голову.

А еще говорят такое. Однажды в Новгороде между державными мужами возник спор, с кем Господину Великому Новгороду пристойнее брататься, с Московским ли великим князем Симеоном Гордым или, наоборот, с Ольгердом Литовским, ибо Новгород на помежье стоит. Во время того спора вспыльчивый новгородский посадник Астафий Дворянинец назвал Ольгерда псом. А всего через несколько дней после этого смотрят поутру новгородские дозорные, а к реке Шелони подходит огромное войско Великого княжества Литовского с самим Ольгердом во главе. Послали перепуганные новгородцы навстречу войску своего человека, узнать, в чем дело.

— Передай, — говорит Ольгерд, — своим боярам, что хочу с ними видеться, ибо ругал меня посадник ваш Астафий псом. А мне обидно.

И пока решали бояре, следует ли с Ольгердом им встречаться лицом к лицу или нет, великий князь литовский, разорив земли на берегах Шелони, развернул войско и повел его назад. Тогда новгородцы кликнули вече и на вече том порешили посадника, из-за которого

«всю нашу волость опустошили», предать смерти, а с Ольгердом заключить мир.

А вот еще более удивительная история. Когда московский престол после Симеона Гордого занял князь Дмитрий Иванович, которому народ русский после блестящей победы над татарами к имени добавил эпитет Донской, случилось у московского государя недоразумение с Ольгердом. И Дмитрий Иванович отправил к великому князю литовскому своего посла, которому велел передать Ольгерду слова: «Буду в земле твоей по красной весне, по тихом лете». Войну, значит, объявить.

Выслушал великий князь литовский посла и отвечает: «Твой хозяин хочет быть в моей земле по красной весне, да по тихом лете. А я, даст Бог, буду у него на Пасху и к городу его Москве копье свое прислоню, ибо не воин тот, кто ждет удобного времени, чтобы воевать, но тот воин, кто и в неудобное время над своим неприятелем победы одерживает».

Посмеялся Дмитрий Иванович над ответом, да и забыл за державными делами о нем. А в день светлого Христова воскресения, выходя под колокольный звон с боярами и князьями своими из храма, увидел Дмитрий Иванович на Поклонной горе, под самой своей столицей, развернутые стяги да хоругви Ольгерда. Не готов был великий князь московский принять бой и послал он к Ольгерду людей, просить его о милости. Откупался великими дарами. Но Ольгерд только посмеялся.

— Я пришел не воевать, — сказал он, — но хочу только похристосоваться с братом моим во Христе, князем Дмитрием.

И великий князь литовский достал из своей походной сумки крашеное пасхальное яйцо...

А покидая Москву, Ольгерд прислонил-таки свое, копье в городской стене Дмитриевой столицы — чтобы не говорили потомки, что великий князь литовский не сдержал своего слова.

Славным героем был Ольгерд, но не менее славен был его брат и соправитель в великом княжестве литовском Кейстут. За острое чувство справедливости и благородство уважали князя даже извечные враги его державы, крестоносцы. Их хронисты оставили в своих записях немало любопытного о великом князе Кейстуте, как, кстати, и белорусские хронисты, и русские летописцы. Вот только несколько примеров.

Когда великим князем литовским стал Ольгерд, Кейстут не преминул тут же напомнить ему о том, что, распределяя наследство между сыновьями в свое время, Гедимин обидел не только его, но и самого

млад-[4] шего своего сына, Любарта. Тот не был завистливым и жадным и вполне удовольствовался бы вотчиной своей жены Агафьи, княжны галицкой и волынской, если бы не польский король Казимир, который нагло захватил все те земли, что должны были бы по справедливости принадлежать Любарту. Кейстут призывал Ольгерда выступить на помощь брату и отобрать у Казимира незаконно захваченное. Но Ольгерд почему-то отказался. Тогда Кейстут договорился с Любартом и, пригласив к себе в Трокай Ольгерда, пленил его. Когда связанный по рукам и ногам и запертый в одном из покоев трокайского замка великий князь литовский стал громко требовать суда и справедливости, вошли его пленители, и хозяин замка спокойно сказал:

— Не требуй справедливости, брат, у тех, к кому ты сам несправедлив.

Ольгерд тут же дал согласие помочь Любарту войском.

В другой раз пленником оказался сам Кейстут. Во время охоты его подстерегли ливонские рыцари и, выбив из седла, обезоружили. Князя привезли в Мариенбург, где находился сам великий магистр Винрих фон Книпроде, и кинули в темницу. Мужественный Кейстут вел себя в плену с таким достоинством, что тюремщик, приставленный к нему, проникся к своему подопечному неподдельным уважением. Он предложил Кейстуту план побега. Восемь месяцев, прикрываемый своим надзирателем, Кейстут делал пролом в стене тайно принесенной ему киркой. Когда работа была закончена, узник и его тюремщик, переодевшись в белые плащи орденских братьев, вышли из темницы и, выведя из конюшни магистра лошадей, спокойно покинули город. Добравшись до Мазовии, Кейстут как истинный рыцарь не преминул послать магистру письмо , в котором благодарил того за теплый прием и гостеприимство, уверяя, что если боги дадут ему, Кейстуту, возможность когда-нибудь пленить своего недавнего хозяина, то он постарается упрятать его за более надежные и крепкие стены.

Боги не дали Кейстуту такой возможности, но отомстить магистру за свое пленение он все-таки сумел. Назначив главе крестоносцев встречу в городе Инстербурге и рассчитывая договориться там с ним о мире, вскоре после своего освобождения из плена Кейстут направился в Пруссию. Но коварный магистр устроил для великого князя засаду в лесу между Трокаем и прусскими землями. От неминуемой смерти князя спас случай. Когда он въезжал в лес, неожиданно оттуда выбежал раненный стрелой зубр. Кейстут понял, что там скрываются люди. Со своими воинами он осторожно обошел засаду и, напав на крестоносцев с тыла, перебил их. После боя, пересев на коней орденских братьев, Кейстут и его дружинники направились к месту

встречи в Инстербург. В городе, узнав лошадей из своего отряда, один из командоров-крестоносцев в присутствии магистра не смог удержаться и в удивлении воскликнул:

— Этого я никогда не ожидал!

— Что поделать, такие уж теперь времена и нравы, — иронично ответил Кейстут.

Незаурядная личность, отважный воин, великий князь Кейстут должен был полюбить необычную женщину. Так и произошло.

Однажды он услышал о том, что под городом Палангой, у самого берега Янтарного моря, там, где горит неугасимый огонь перед идолом литовской богини Прауримы, среди суровых жриц-вайделоток живет девушка по имени Бируте, прекрасней которой нет на всем свете. Любопытный Кейстут тут же решил съездить в Палангу и посмотреть на красавицу-вайделотку, действительно ли она так хороша, как говорят. Не найдя никакого благовидного предлога для того, чтобы посетить святилище, великий князь сделал вид, что заблудился во время охоты, и вышел прямо к капищу, где вайделотки как раз отправляли службу своей богине. Он сразу же понял, кто из жриц Бируте. Она была действительно прекрасна. Так прекрасна, что иных рядом с нею великий князь уже и не заметил. Как зачарованный, следил за юной вайделоткой Кейстут и все никак не мог поверить, что перед ним — настоящая, живая девушка.

Он уже был немолод, длинная густая борода его давно поседела, лоб прорезали глубокие морщины — следы тяжких раздумий и переживаний. Успел вырастить и женить пятерых детей, похоронить жену. Но великий князь Кейстут по-прежнему продолжал «жадно пить вино наслаждений из рога жизни», по-прежнему был способен удивляться и радоваться красоте этого мира, по-прежнему умел любить и жаждал любви.

Он подстерег красавицу-жрицу, когда та одна гуляла на берегу Янтарного моря, подъехал к ней на своем коне и обратился с такими словами:

— Не знаю, кто ты — богиня ли небесная или земная девушка. Если ты девушка, будь моей женой. Я — великий князь, но с этого часа буду тебе верным слугой.

Бируте ответила не сразу, долго любуясь мужественным лицом Кейстута, его богатырским станом, сильными, красивыми руками.

— Даже если бы я и желала этого, — со вздохом, наконец, произнесла она, — все равно я не смогла бы исполнить твою волю, князь. Я — вайделотка и дала обет богам сохранить чистоту и целомудрие до конца своей жизни.

Да, Кейстут прекрасно знал, как суров жреческий закон для тех вайделоток, которые намеренно или случайно становились его нарушительницами. Давшая обет целомудрия, но не сдержавшая его, вайделотка приговаривалась к смертной казни. Если грех был совершен против ее воли, то несчастную жертву насилия вешали обнаженной на самом высоком дереве в священной роще, чтобы ветры сдули с ее тела, дожди смыли, а солнце выпалило следы осквернения. Если жрица нарушала данные ею обеты ради того, чтобы выйти замуж, ее живой закапывали в землю — ибо жизнь земная бренна, как эта земля. Самое же страшное наказание было уготовано тем служительницам богов, которые сходились с мужчинами для удовлетворения своих низменных страстей. Таких зашивали в кожаный мешок с камнями вместе с живыми собакой, кошкой и несколькими змеями и бросали в реку или в море.

Да, Кейстут прекрасно знал, что любить вайделотку ему нельзя. Но этого не знало его сердце. Великий князь решил, что его положение и власть помогут добиться желанной девушки, которая с таким восхищением глядела на него, произнося горькие слова отказа. Он пошел к вайделоткам и честно сказал им, что полюбил Бируте и готов сделать ее великой княгиней. Жриц возмутила дерзость незваного гостя. Сурово отчитав Кейстута, служительницы богини Праурима прогнали его.

Этой же ночью великий князь со своими людьми напал на святилище и, схватив сонную Бируте и кинув ее поперек седла, умчался с дорогой полонянкой в свой Трокай.

И напрасно вайделотки, злые как фурии, посылали вдогонку похитителю страшные ругательства и проклятия, грозили скорой местью оскорбленной им богини Праурима. На этот раз человеческая страсть оказалась сильнее суровых законов богов.

Прекрасная земная любовь Кейстута, которой он одарил Бируте, привлекла ее гораздо больше, чем хотя и возвышенное, но суровое и опостылевшее служение идолу Праурима. Вдали от жестоких вайделоток, под надежной защитой любящего человека, девушка ответила на его чувства взаимностью.

Свадьба седого героя Кейстута с юной красавицей Бируте, которая согласно хроник состоялась в 1355 году, была веселой и шумной. Они жили в любви и согласии много лет, и у них было много детей. Кейстут оберегал свою Бируте так ревностно, что даже если бы сама грозная богиня Праурима захотела добраться до жены великого князя, чтобы отомстить ей за нанесенное оскорбление, на ее пути к красавице встал бы лес ощетинившихся копий и сверкающих мечей верных Кейстуту воинов.

## РАССКАЗ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

*О том, что княжнам все-таки не следует выходить замуж за конюхов*

Старинное балтское поверье утверждает: «У мудрых людей рождаются дочери, у счастливых — сыновья». Если это действительно так, то братьев, великих князей Ольгерда и Кейстута, можно считать одинаково и мудрыми и счастливыми. Ведь Ольгерд был отцом двенадцати сыновей и шести дочерей, а Кейстут имел семь сыновей и четыре дочери. В таких больших семьях у родителей всегда есть среди детей любимцы и любимицы, те, глядя на которых сердца седых отцов и стареющих матерей начинают биться сильнее и чаще от гордости за их ум, отвагу, удачливость, красоту.

Больше всех своих сыновей, говорят хроники, Ольгерд любил первенца от второй супруги, Ульяны Тверской, которому при крещении дали имя Яков, а на литовский манер называли Ягайло. И так же сильно, как любил Ягайло Ольгерд, любил своего старшего сына от прекрасной Бируте, Витовта, Кейстут. Братья-соправители дали друг другу слово, что если один из них умрет раньше, другой разделит великокняжеский престол с любимым сыном покойного.

Первым в 1377 году ушел из жизни Ольгерд. И Кейстут, поспешив исполнить клятву, признал племянника Ягайло преемником Ольгерда.

Ягайло был умен, ловок, расчетлив, хитер, знал меру вину и забавам. Он вполне подходил на роль соправителя. Тем не менее, в первые годы правления Великим княжеством Литовским любимый сын Ольгерда чувствовал себя не совсем уверенно. Он остро ощущал недостаток в преданных ему людях и не был популярен среди подданных, которые ожидали увидеть на его месте старшего из наследников Ольгерда, сына от первой жены Марии Ярославны Андрея и роптали, узнав о предсмертной воле великого князя. Кстати, вспоминали и то, с каким возмущением когда-то он сам оспаривал решение своего отца, передавшего в обход старших братьев престол младшему, Евнуту. Кто бы мог подумать, что Ольгерд, рьяно восстанавливавший вместе с Кейстутом справедливость в делах престолонаследия, когда придет его черед назначать себе преемника, поступит со своими детьми еще более несправедливо, чем его отец Гедимин? Замечая вокруг себя такие настроения подданных, Ягайло чувствовал, что сидит он на престоле, возможно, только благодаря поддержке благосклонного князя-соправителя, своего дяди Кейстута. И потому пока

осознанно тянулся под защиту престарелого родственника, всячески подчеркивая добрые братские чувства к любимому его сыну, Витовту.

Но кто мог знать, что был Ягайло неискренним? Гордые натуры тяжело переживают свою зависимость от кого-либо. Ягайло был не только гордым, он был еще и честолюбивым. Очень скоро он возненавидел и Кейстута, и Витовта и стал помышлять о том, как бы избавиться от них без опасности потерять власть самому.

Не зря в народе говорят, что как только в голову человека приходят черные мысли, лукавый тут как тут и посылает ему в помощники своих слуг. Таинственный и роковой друг внезапно появился у Ягайло. Молодой литовец Вайдыло, который при Ольгерде служил конюхом, как-то незаметно вошел в доверие к великому князю. Несмотря на свое низкое происхождение, Вайдыло был человеком грамотным, умным, обходительным. А еще он обладал удивительным, необъяснимым даром располагать к себе людей, обезоруживать их своими словами, а потом и подчинять своей воле. Под влияние Вайдыло часто попадали даже очень самостоятельные, энергичные и волевые люди, которые становились послушными исполнителями его мягких, но настойчивых просьб.

Загадочные способности конюха Вайдыло воздействовали не только на Ягайло. Простолюдину-литвину удалось легко завоевать симпатии матери великого князя, властной и обычно подозрительной Ульяны Тверской. И даже покорить сердце сестры Ягайло, Марии Ольгердовны.

Великая княжна полюбила кошоха так сильно и беззаветно, что ради него готова была на все. Вайдыло воспользовался этим и попросил у брата девушки ее руку. И, к удивлению всего Великого княжества Литовского, ему не отказали...

Истории известно немало примеров взаимного влечения, дружбы между людьми разных сословий. Современник Ягайло, польский король Казимир Великий, например, прославился тем, что среди его постоянных советчиков и любимцев было довольно много выходцев из простого народа. Но у монарха при всей его демократичности не возникало даже и мысли уравнять с собой кого-нибудь из слуг. Ягайло же возвысил Вайдыло так, как никогда и никто из государей не возвышал простолюдина — он отдал ему руку своей сестры. В один прекрасный день бывший конюх повел влюбленную в него великую княжну в церковь, чтобы выйти оттуда ее мужем. В качестве свадебного подарка великий князь отдал зятю и сестре шумный торговый город Лиду с красивым надежно укрепленным замком, тем самым поставив своих лидских подданных в обидное положение. В

Лиде жило немало людей знатных, именитых и подчиняться Вайдыло им было унизительно. Впрочем, и простым горожанам не нравилось иметь над собою такого же, как и они сами.

Кейстут был глубоко возмущен произошедшим. Нет, он не осуждал и даже считал вполне похвальным то, что знатные люди иногда по большой любви женятся на простолюдинках, — это ведь их личное дело, но чтобы великие князья отдавали дочерей своих и сестер замуж за иизкорожденных, получающих в результате этого брака права на власть, — такое не могло придти ему и в голову. Ведь это уже не личное дело, а государственное. Поэтому Кейстут демонстративно отдалился от племянника.

Вряд ли Ягайло долго переживал об утрате в лице дяди надежной опоры и поддержки. Ведь с ним рядом теперь был Вайдыло, который умел внушать спокойствие и уверенность. То, что за это придется платить самой высокой ценой, Ягайло, видимо, еще не сознавал.

Вайдыло же посоветовал великому князю заключить союз с извечными врагами своей державы, крестоносцами, чтобы в случае, если литвины вдруг не пожелают ему повиноваться, иметь под рукой военную силу для восстановления порядка в стране. Вторым советом хитрого литовца было найти общий язык с татарами, чтобы, если, не дай Бог, возникнут трения с Москвой, которая имела в это время вполне достаточно сил и могла попытаться отобрать у Ягайло восточные земли Великого княжества Литовского, считающиеся спорными, призвать на помощь грозного союзника.

Третьим врагом великого князя Вайдыло прямо назвал его соправителя Кейстута, который, как утверждал бывший конюх, не просто игнорирует племянника, запершись в своем Трокае, но обдумывает там коварный план, как бы лишить его престола и одному вокняжиться в державе. Вступивший в тайный сговор с Вайдыло, магистр Ордена, который давно точил зубы на Кейстута, написал матери Ягайло письмо, немало встревожившее женщину. Вот что было в том письме: «...этот бешеный пес Кейстут не только против всего христианства, но и против Литвы носит злобные замыслы. Особенно же этот негодяй мечтает овладеть всей литовской державой, думая каждый день, каким бы образом загубить вашего достославного сына Ягайло, оторвать от него всех его подданных, забрать все земли и подначалить себе все княжество».

Разъяренный Ягайло, благодаря магистра за честность, а Вайдыло за преданность, заявил, что готов упредить удар Кейстута — он сам отберет у ненавистного старика власть.

Вайдыло не замедлил воспользоваться ситуацией. Получив многое, но все еще не удовлетворив этим своих честолюбивых желаний, бывший конюх сначала с молодой женой, затем с тещей и наконец с самим Ягайло начал вполне серьезно обсуждать возможность передачи отобранных у Кейстута земель и власти Марии Ольгердовне. А это значило, что Вайдыло как муж разделил бы с нею бремя власти.

Проект, кажущийся фантастическим даже нам, сегодняшним... Ведь все известные нам из истории случаи, когда в европейских странах власть полностью или частично, реально или номинально переходила в руки дочери почившего монарха, были связаны с тем, что король, царь или великий князь оставались без наследников мужского пола. Но и Ольгерд, и Кейстут были так многодетны, что наивно было бы полагать, что права Марии на соправительство с Ягайло никто не попытается оспорить. Впрочем в ситуации с Вайдыло, уже добившемся от околдованного им Ягайло казалось бы абсолютно невозможного — брака с великой княжной, — дерзкий план, как это ни странно констатировать, мог бы и удастся.

Для этого требовалось только одно — убедить Ягайло сдать свою страну крестоносцам и признать себя полностью зависимым от Ордена в делах политических. Вот в этом направлении и прилагал все свои усилия Вайдыло, когда старому Кейстуту донесли о готовящемся против него заговоре.

Крестоносец, комтур Гунстын, который стал крестным отцом одной из старших дочерей Кейстута, Дайните, когда молодая язычница принимала католичество, чтобы выйти замуж за мазовецкого князя Януша, тайно встретился со своим кумом.

— Не знаешь ты того, что князь великий Ягайло посылает к нам часто Вайдыло, — сказал крестоносец Кейстуту, — и уже подписал с нами Вайдыло договор, как лишить тебя городов твоих, чтобы они достались ему вместе с сестрой Ягайло.

Кейстут был поражен. В последнее время те земли Великого княжества Литовского, которые по договору с Ольгердом достались ему в управление — Аукшайтия и Жмудь — все чаще подвергались нападениям коварных и жестоких рыцарей. Крестоносцы занимали его города и села, грабили, уводили в плен молодых мужчин и женщин, убивали немощных стариков и малых детей. Войско Кейстута, вынужденное находиться в постоянной боевой готовности, чтобы отражать удары орденских братьев, уже изнемогало в неравной борьбе. Соправитель Ягайло ни разу не пришел на помощь своему дяде. Сейчас причина этого стала для старого великого князя очевидной.

Узнав от благородного Гунстына помимо прочего и то, что совсем недавно его любимый сын Витовт был приглашен своим двоюродным братом поохотиться в окрестностях Вильно и что именно во время этой охоты за спиною ни о чем не догадывающегося Витовта Вайдыло от имени Ягайло подписал с крестоносцами тот роковой договор, Кейстут тут же вызвал наследника к себе.

— Ты вот с Ягайло в дружбе живешь, а он уже договорился против нас с немцами, — накинулся возбужденный великий князь на Витовта.

— Не верю этому, этого не может быть, — отвечал тот. — Он со мною в ладу живет, и если бы что, и мне бы явил.

Тогда Кейстут показал наивному сыну копию грамоты Вайдыло, привезенную Гунстыном:

«Великий князь Ягайло обещает Тевтонскому ордену в Пруссии и Ливонии полное спокойствие и безопасность как землям, так и людям. Если Орден пойдет войною на Кейстута либо его детей, а великий князь двинет в поле свои войска, то мир через это никак не нарушится, потому что великий князь не допустит никаких военных стычек с Орденом и никакой обиды орденским войскам чинить не станет. Пленные с орденского войска должны быть освобождены сразу и без всякого выкупа. Если орденские ратники по неведению нападут на владения великого князя и тем самым причинят ущерб и захватят в полон, то через это мир не нарушится: эти пленные отпускаются без всякого выкупа. Но, чтобы договор не раскрылся, надо делать так, чтобы со стороны думали, что за пленных выкуп заплачен».

Впрочем это была только копия. Витовт по-прежнему стоял на своем. Его двоюродный брат ни в чем не повинен. Его оклеветали. Зато у Кейстута сомнений больше быть не могло. Ягайло стал предателем. Но благородный великий князь все-таки искал в душе оправдания сыну своего почившего брата. Наслышанный о таинственном и зловещем даре Вайдыло подчинять себе людей и управлять ими, он решил, что это — единственная причина преступлений Ягайло. Старый Кейстут принял решение: предать смерти колдуна и освободить этим племянника, племянницу и их мать от злобных чар.

Не надеясь на помощь Витовта, он быстро собрал свое закаленное в боях с крестоносцами войско и повел его на Вильно. Ему удалось застать Ягайло врасплох и после непродолжительной стычки с несумевшими организоваться для отпора его воинами захватить племянника в плен. Во время тщательного обыска в замке были обнаружены оригинал той грамоты, о которой говорил благородный Гунстын, и еще несколько не менее важных документов, которые полностью

изобличали Ягайло и оправдывали решительные и своевременные действия Кейстута.

Тут же в Вильно был вызван Витовт, и он прибыл из Гродно, где жил с женой и детьми, в столицу Ягайло всего через день.

— Ты мне не верил, а вот они те грамоты, что писались на нас. Бог нас предостерег!— торжествующе проговорил Кейстут, передавая сыну страшные свидетельства предательства их ближайшего родственника. И сразу же поспешил успокоить Витовта, который с тревогой ожидал сообщения о кровавой расправе отца над двоюродным братом. — Я князю великому Ягайло ничего не учинил, не тронул ни сокровищ его, ни стад, а сами у меня не в цепях ходят, а только с малою стражей. А вотчину его, Витебск и Крево, и все города, что отец его держал, — то все даю ему. Ни во что ихнее не вступаюсь. А то учинил, оберегая свою голову, услышав, что на меня лихо мыслится.

В тот же день во дворе замка прямо перед окнами тех комнат, где держали под домашним арестом вдову, сына и дочь Ольгерда, по приказу Кейстута был казнен Вайдыло.

Кейстут не был жестоким человеком. Он не стал выдумывать для своего врага какой-нибудь особенно изощренной казни. Вайдыло даже не подвергли пыткам. Старый великий князь просто велел повесить изменника и проходимца, имевшего наглость возжелать великокняжеской власти.

Когда петля неумолимо захлестнула горло ее мужа, Мария Ольгердовна потеряла сознание и не приходила в себя более суток. Но напрасно надеялся Кейстут, что очнется племянница уже освобожденной от чар Вайдыло. Чуда не произошло и в отношении Ягайло и его матери Ульяны Тверской. И хотя мать и сын, забыв о гордости, умоляли Кейстута простить их, в душе их таилась жажда мести. Стоило успокоившемуся великому князю освободить родственников и отправить в Крево, они тут же стали оговаривать подробности мести. С этой целью Ягайло отправил младшего своего брата Свидригайло к магистру Ордена с просьбой о помощи. Взамен он соглашался сделать то, к чему так долго склонял его Вайдыло — сдать Великое княжество Литовское крестоносцам. Магистр немедленно стал готовить войска.

Крестоносцы выбрали для выступления подходящий момент, когда Кейстут вынужден был идти походом на Новгород-Северский, где еще один брат Ягайло, Карибут, объявил о своем нежелании подчиняться Великому князю Литовскому. Как только крестоносцы вступили на земли княжества, Ягайло тайно пробрался в Вильно, которое охранял Витовт. Начальник виленского гарнизона немец Гануль предательски открыл ему ворота столицы. Немногочисленная дружина Витовта

была разбита, а сам он бежал в Гродно, успев на пути лишь ненадолго заехать в Трокай, чтобы увезти оттуда свою мать, Бируте.

Когда весть об этом дошла до Кейстута, он тут же развернул свои войска. В Гродно отец и сын после недолгого совета принялись спешно собирать дополнительные силы для подавления выступления Ягайло. Призвав на помощь мазовецкого своего зятя, князя Януша, старый Кейстут поехал в Жмудь собирать среди самых верных своих подданных жмудинов рать. Решено было также, что -Витовт останется в Гродно формировать войска тут, а Бируте с этой же целью поедет в Брест. Однако все произошло не так, как задумывалось.

Первый неожиданный и довольно ощутимый удар нанес Кейстуту Януш Мазовецкий. Вместо того чтобы немедленно придти на помощь, он повел своих воинов на Берестье в надежде использовать удобный момент, захватить его и присоединить к Мазовии. Только личное мужество великой княгини Бируте, уважение, которым она пользовалась, помогли ей организовать оборону и выстоять до тех пор, пока под стены Берестья не подоспели войска ее младшего сына Любарта.

Вторым ударом был непонятный отказ жмудинов выступать с Кейстутом против Ягайло. Они почему-то решили, что начало их несчастья положило то, что Кейстут отобрал у своего племянника Вильно. О доказательствах вины Ягайло, фактически отдавшего Жмудь на растерзание крестоносцам, они не хотели и слышать.

Кейстут вынужден был идти против восставшего племянника с силами раз в пять меньшими, чем у того. Два великих князя встретились под Трокаем. И хотя преимущество было явно на стороне Ягайло, он почему-то боялся вступить в бой. Может быть, вспомнились ему все те случаи, когда удачливый Кейстут, играя с судьбой в очередную азартную игру, выходил победителем в самых отчаянных для него ситуациях? Или опасался того, что опыт и воинское мастерство дяди помогут ему победить и при таком раскладе сил?

Ягайло решил не рисковать, а действовать наверняка. Он отправил своих послов к Витовту, упрашивая стать посредником в переговорах между ним и его отцом. Ягайло-де сожалеет об их вражде и хочет мира. Витовт еще раз поверил двоюродному брату и еще раз обманулся. Уговорив отца отправиться на переговоры, клятвенно заверив его в том, что Ягайло имеет добрые намерения и не причинит им вреда, Витовт невольно заманил себя и отца в ловушку. Как только они с самыми верными своими соратниками въехали в Вильно, где планировалось провести переговоры, их схватили люди Ягайло. Седого Кейстута тут же перевезли в Кревский замок, где заточили в башне. Витовта кинули в подземелье Виленского замка.

Ягайло еще раздумывал, как поступить ему с пленными своими родственниками, когда к нему вся в слезах, не снимающая черного вдовьего одеяния со дня казни Вайдыло, пришла сестра.

Мария Ольгердовна кинулась перед братом на колени, умоляя предать Кейстута такой же позорной казни, какой он подверг ее любимого мужа. Пусть погибнет и Витовт, ведь иначе он будет мстить за отца. Надо устранить и Бируте, которую после пленения мужа и сына, тайно пробравшись в Берестье, выкрали верные слуги Ягайло. Мария даже придумала, как отомстить тетке. Ее надобно выдать вайделоткам, которые давно ждут-не дождутся, как бы добраться до нарушившей обет целомудрия своей сестры.

Не зная, чему дивиться больше: страстной ли любви Марии к своему незнатному погибшему супругу или ее жестокости к ближайшим родственникам, Ягайло все-таки дал себя уговорить. Он только твердо сказал сестре, что Кейстут повешен быть не может, так как он — великий князь литовский, а с исполнением приговора Витовту спешить пока не будет — вдруг, такая мера предосторожности не понадобится.

На пятый день после заключения в Кревский замок Кейстут был тайно умерщвлен в темнице своими тюремщиками. Бируте свезли в Палангу и связанную передали в руки верховной жрицы богини Праурримы. Жрица постановила утопить бывшую вайделотку в реке, зашив вместе с великой княгиней в мешок кошку, собаку и змей. Но Бируте, когда воля жрицы была ей объявлена, не испугалась и решительно выступила в свою защиту. Ей удалось доказать, что за свой поступок она заслуживает менее позорной казни — ведь утоплению вместе с мерзкими животными подвергают только вайделоток-блудниц. Она же не блудница, а честно вышла замуж за своего похитителя. Если богиня считает ее виновной, то Бируте готова живой лечь в землю. При этих словах великой княгини среди ясного неба внезапно раздался гром, и молния, сверкнув, ударила в камень у ног идола Праурримы. Когда онемевшие от неожиданности и испуга вайделотки пришли в себя, то расценили это, как знак небес, прощающих Бируте.

Вайделотки отпустили великую княгиню на свободу. Но, узнав о гибели мужа, Бируте отказалась от нее, заявив, что намерена вернуться к вайделоткам и остаться у священного огня Праурримы до самой смерти. Ей не отказали в этом.

Марии Ольгердовне ничего не оставалось, как смириться. И хотя она еще долго жаловалась на свою судьбу и часто плакала, но в конце концов время излечивает душевные раны, и вскоре княжна успокоилась и вышла замуж вторично за князя Давида Дмитриевича, основателя Давид-Городка.

## РАССКАЗ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

*О том, что и простолюдинки тоже умеют любить*

Однажды на листе бумаги рука талантливого писателя и великого историка XVIII века Николая Михайловича Карамзина вывела такие слова: «И крестьянки любить умеют». Именно он впервые обратил на это внимание просвещенной общественности, по традиции в разумении своем отказывающей представителям низших сословий в способности чувствовать так же глубоко и тонко, как их господа. Карамзин имел право на подобное заявление. Скрупулезно изучая историю своей державы от начала ее становления и до современных ему событий, русский литератор неоднажды имел возможность восхищаться мужеством, преданностью, самоотверженностью и жертвенностью женщин неблагородного происхождения — крестьянок, жен и дочерей купцов и ремесленников, служанок, холопок. Любовь земная приравняла их к царицам и княгиням, заставляя изумленных хронистов и летописцев записывать их простые имена рядом с именами монархов и героев.

Навеки запечатленной в слове оказалась и история любви простой девушки Елены к слуге великого князя литовского Кейстута Григорию Омуличу. Они были молоды, жизнерадостны и красивы. Они были обручены. Их счастью помешала трагедия.

Как самый доверенный слуга Григорий везде и постоянно сопровождал стареющего великого князя. Омулич любил своего господина и преклонялся перед ним. Слушая рассказы Кейстута о делах давно минувших, пытался представить молодой слуга, каким же был этот необыкновенный человек в молодости, если и сейчас еще, на закате дней своих, рука его по-прежнему тверда, глаз остер, ум крепок, а стан прям. Слуга радостно ловил лестные слова, которыми одаривали Кейстута даже враги, крестоносцы. И слова эти оставались в сердце Омулича навсегда как великий гимн человеческому достоинству: «Кейстут больший рыцарь, чем все мы вместе взятые», «Кейстут более всего на свете любит войну и правду», «Слово, данное Кейстутом, твердо как скала».

Влюбленный в своего господина Григорий мечтал однажды спасти прославленного героя, заслонив его в бою от сверкающего меча или приняв в себя предназначенную ему стрелу. А, может быть, судьба подарит слуге счастливую возможность вынести на себе с поля брани раненого господина? Или однажды Омуличу удастся раскрыть злой заговор против Кейстута и спасти его в самую последнюю минуту?

Увы, судьба предоставила верному Григорию право лишь умереть вместе со своим господином. Осенью 1382 года преданный своим племянником Ягайло, Кейстут был пленен и заключен в башню неприступного Кревского замка. Потрясенный произошедшим, слуга добровольно последовал за ним в заточение. В эти самые горькие, самые страшные часы своей жизни, когда Кейстуту должно было казаться, что все отступились от него и во всем мире не осталось более сердца, верного ему, один Омулич мог утешить старого своего господина, попрежнему проявляя к нему искреннюю любовь и заботу.

Пять дней и ночей провели Кейстут и Григорий в томительном неведении о своей участи. А потом в камеру к плененному великому князю литовскому вошли четверо. Омулич сразу узнал их. Первым был надзиратель по имени Прокша, он обычно приносил заключенным пищу и воду. За ним следовали палачи Ягайло, братья Кучум и Лисица. И, наконец, звероподобный крестоносец.

— Князь, выбери себе смерть, — тихим вкрадчивым голосом проговорил Прокша, протягивая Кейстуту чашу с водою. — Сегодня твой напиток отравлен. Яд действует быстро, ты легко умрешь.

— Кейстут был воином и рыцарем. Ему более пристойно умереть от меча, — гулко прокатились, эхом отскакивая от стен, слова крестоносца.

— Я не стану пить твой яд, тюремщик, — гордо ответствовал великий князь.— А ты, рыцарь, если убьешь безоружного Кейстута, будешь опозорен навеки — станут говорить, что ты струсил помериться со стариком силой на равных.

Услышав это, крестоносец смущенно отступил. Но, видимо, готовый к такому повороту событий Прокша подал знак палачам.

Омулич, почувствовав неладное, кинулся им под ноги. И тогда один из братьев опустил свою тяжелую секиру на голову слуги. Переступив через окровавленное тело, Кучум и Лисица накинулись на Кейстута и задушили его пеньковой веревкой...

Содеяв зло, Ягайло испугался, что его подданным не понравится жестокая расправа над великим князем литовским. И поспешил объявить всем, что, мучимый угрызениями совести, Кейстут сам удавился золотым шнурком со своего плаща. И даже организовал дяде пышные похороны, почти такие же, какие были у Гедимина.

Но ни дорогая одежда, в которую велел облачить тело Кейстута Ягайло, ни искусно выполненные украшения, ни великолепное оружие, которое возложили на погребальный костер рядом с мертвым великим князем, не могли скрыть от глаз многочисленных свидетелей лжи и лицемерия предателя. На шее Кейстута вместо тоненького сле-

да от шнурка багрово отпечатался рубец от грубой веревки, а голова его верного слуги, тело которого тоже — согласно обычаю — уложили на погребальный костер рядом с господином, была рассечена страшным ударом секиры.

Кто вспомнит о слуге, оплакивая господина? Гибель Кейстута всколыхнула все Великое княжество Литовское. Об Омуличе плакала лишь, его неутешная невеста, Елена.

А когда слезы высохли на ее глазах, решила она отплатить Ягайло за смерть жениха. Но что может женщина, не имеющая ни денег, ни власти, ни защиты, ни силы, сделать грозному правителю, окруженному и днем и ночью недремлющей стражей?

«Она может уничтожить его руками его врага»,— ответила сама себе Елена. Надежды несчастной девушки питало то, что сын Кейстута Витовт был еще жив, хотя и находился в темнице. Вот кто, обретя свободу, мог бы отомстить Ягайло и за своего отца, и за разбитое счастье Елены.

Невеста Омулича попросилась в услужение к жене Витовта, Анне Святославне. Как раз в это время после долгих раздумий Ягайло приказал перевезти Витовта из Вильно в Кревский замок. И поместили сына Кейстута как раз в ту самую башню, где был убит его отец. Трудно было бы придумать более жестокое испытание для молодого князя. И обычно сильный и мужественный Витовт сломался. Он отказывался принимать пищу и воду и целыми днями лежал на дубовом ложе, укрывшись своим плащом, безучастно глядя на каменные своды у себя над головой.

Анне Святославне удалось уговорить Ягайло позволить ей навещать мужа и ухаживать за ним. Во время этих посещений княгиню сопровождала в темницу Елена, которая поклялась помочь Анне устроить ее мужу побег. Для начала княгиня добилась от Ягайло письменного разрешения вместе со своими детьми покинуть Великое княжество Литовское и выехать в Моравию. Потом она отправила тайного гонца в Ошмяны, где у Витовта было много приверженцев. Она взывала к ошмянской шляхте помочь ее мужу и ей самой добраться до границы. Отважные рыцари вняли мольбам несчастной женщины, тут же собрались и поспешили под Крево. Видимо, у Анны и Елены был какой-то конкретный план спасения Витовта. Но неожиданно изменились обстоятельства.

Однажды утром, собираясь в очередной раз навестить мужа, Анна случайно услышала как один из охранников сказал другому: «Если князь Витовт будет сидеть тут дальше, то его ждет то же самое, что и отца». Спустя некоторое время пришла встревоженная Елена и сооб-

щила о том, что узнала от слуг. Оказывается, вдова казненного Кейстутом Вайдыло, Мария Ольгердовна, наконец уговорила своего брата тайно расправиться с Витовтом в темнице. Обрадованная, она послала гонца с письмом к тюремщику Прокше, который убийством Кейстута заслужил от Ягайло должность коменданта, чтобы тот поторопился привести приговор в исполнение, пока великий князь не передумал. Витовта могут убить уже сегодня ночью.

Не зная, на что решиться, Анна в отчаянии ломала руки. Тогда самоотверженная Елена предложила неожиданный вариант, возможно, единственный в этой ситуации.

Анна объявила Прокше, что намерена сегодня же вечером покинуть Крево, как то ей разрешил Ягайло,— вот только в последний раз обнимет мужа, простится с ним. Комендант милостиво разрешил княгине задержаться в темнице чуть дольше обычного.

Две женщины вошли в башню в длинных серых дорожных плащах с капюшонами. В камере, подойдя к ложу Витовта, Елена проговорила:

— Князь, ты должен как можно скорее бежать. Ягайло погубит тебя, как погубил Кейстута. Одень мою одежду и иди с княгиней, а я останусь тут. Уже темно, и никто не догадается.

Удивленный Витовт привстал со своего ложа:

— Что ты говоришь? Да знаешь ли ты, что тогда ожидает тебя?

— Знаю, что меня ожидает, но моей смерти никто не почувствует, а твоя смерть была бы несчастьем для Литвы. Беги, князь!

Витовт был молод, он жадно любил жизнь и хотел жить. Он понимал, что план отважной Елены — единственная возможность спастись. Он еще слабо сопротивлялся, отказывался бежать так постыдно, так не по-рыцарски. Но Елена умела успокаивать неспокойную совесть...

Когда на небе засеребрился лунный диск, охранники увидели, как две женщины вышли из башни, понуро опустив головы, пряча лица под капюшонами своих плащей. Их фигуры были воплощением скорби и отчаяния. И, зная уже о скорой и неизбежной смерти Витовта, кревские воины сочувственно вздыхали, провожая взглядом княгиню Анну Святославну, покидающую Крево со своими служанками и телохранителями.

Заглянув в глазок камеры, Прокша увидел лежащего на своем дубовом ложе больного Витовта. Он совершенно закрутился в свой старый красный плащ и отвернул лицо к стене. По подрагивающим слегка плечам князя тюремщик понял — он плачет, и злорадно усмехнулся. Ему нравилось наблюдать, как тюрьма ломает даже самых си-

льных людей. Весь следующий день Витовт так же безучастно пролежал, отвернувшись к стене. На третий день Прокша вместе с палачами вошел к князю. Тогда лежащий пошевельнулся и медленно встал. И изумленные убийцы увидели, что это вовсе не Витовт, а молодая девушка.

Узнав о бегстве своего пленника, Ягайло срочно прибыл в Крево.

— Почему ты сделала это? — спросил пораженный великий князь литовский.

— Вспомни о слуге Кейстута, Омуличе, — ответила Елена.

Это были ее последние слова. По приказу Ягайло палачи убили самоотверженную девушку.

Размышляя сегодня, через многие столетия, о подвиге простой служанки Елены, невольно задаешься вопросом: полно, не напрасна ли была ее жертва? Ведь Витовт, на которого она так надеялась, так и не отомстил Ягайло.

Спасшийся из плена, он вместе со своей семьей нашел прибежище в Мазовии у князя Януша, мужа его сестры Дайните. Это был плохой выбор, ведь именно Януш в трудную минуту, когда старый Кейстут обратился к нему за помощью и поддержкой, поступил как предатель и даже попытался, использовав замешательство тестя, начавшего борьбу с Ягайло, отобрать у него западные земли. Но еще большую ошибку допустил Витовт, когда, послушавшись совета Януша, вступил в сговор с крестоносцами, у которых как раз в это время наметился серьезный разлад с Ягайло. Витовту казалось, что его соглашение с Орденом достойно оправдания, ведь он собирается всего лишь избавить свою родину от узурпатора Ягайло. Но на самом деле все обернулось так, что герой-изгнанник, ради которого пожертвовала своей жизнью Елена, превратился во врага-изменника, как только ведомые им отряды крестоносцев вступили на земли Великого княжества Литовского. Он оказался ничем не лучше своего гонителя Ягайло, несколькими годами ранее замышлявшего передать княжество под власть Ордена.

Примерно год понадобился сыну Кейстута, чтобы понять это. А потом, решив, что мир с Ягайло на любых условиях лучше извечного проклятия потомков, Витовт согласился на первое же последовавшее из Великого княжества Литовского предложение своего вероломного двоюродного брата и, покинув крестоносцев, вернулся с покаянием на родину. Ягайло «отжалел» Витовту Гродненское княжество. Так постыдно для Витовта окончилась эта история.

Но имеем ли мы право, трезво глядя из нашего всезнающего сегодня, оценивать героизм с точки зрения целесообразности? Достаточно уже того, что смелая белорусская девушка показала своим надменным высокородным современникам, как сильна бывает человеческая любовь и как беззаветно могут любить простолюдинки.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЫЙ

*О том, как важно вовремя увидеть подходящий сон*

Многие столетия величайшие мудрецы пытались ответить на вопрос, как в человеческом сердце, до этого бьющемся спокойно и ровно, поселяется заставляющее его трепетать чувство — любовь? Но пути любви, как и пути Господни, — неисповедимы. И не было еще в мире, заселенном шумным людским муравейником от заснеженных арктических широт до таинственно мерцающих иными созвездиями южных, даже двух похожих любовных историй.

Любовь одних людей вырастает из детской дружбы и юношеской привязанности. Другие, предназначенные родителями друг другу с самого рождения, знакомятся только на собственной свадьбе, и их чувства долго вызревают, вспыхивая ярким огнем лишь тогда, когда супружество становится привычным. Третьих, как удар грома небесного, поражает любовь с первого взгляда. Иные способны полюбить друг друга еще до встречи, по рассказам чужих людей.

«Хроника Быховца» — удивительный памятник письменности нашего прошлого, рассказывает историю любви, родившейся из религиозного благоговения.

В 1384 году великий князь литовский Ягайло надумал идти в поход на Мазовию, отобрать у мазовецких князей белорусские земли, захваченные ими под шумок, когда Ягайло был занят борьбой с Кейстутом и Витовтом. В этом походе досталось и Польше. Больше всех пострадали города Завихвост и Апатов, которые великий князь, говорят хроники, спалил, приказав каждому из своих воинов взять по просмоленной палке, зажечь и перебросить через городскую стену. В окрестностях Завихвоста и Апатова литвины захватили в полон много людей. Как и в прежние времена, главными трофеями стали молодые и пригожие панны. В пылающем Апатове увидел свою полонянку и литовец-язычник Довойна. Он пришпорил коня и догнал убегающую красавицу. Панна отчаянно отбивалась, царапалась и кусалась. И, незлобливо ругаясь, Довойна связал ей руки и завязал платком рот. За городом, когда Ягайловы воины проезжали мимо холма, называемого местными жителями Лысой горой, пленнице Довойны, ноги которой оставались свободными, удалось выскользнуть из рук пленителя, который вез ее на своем коне поперек седла. Оказавшись на земле, девушка кинулась бежать к вершине Лысой горы, где, согласно католическим традициям, был установлен деревянный крест,

украшенный рушниками. Панна упала у подножия креста на колени и стала беззвучно молить о чем-то Господа.

Удивленный язычник легко вернул выбившуюся из сил свою добычу. Приглядевшись к кресту, Довойна заметил, что дерево оправлено в серебро, и, немного подумав, вырвал из земли и крест, который, засунув в объемистый мешок, кинул на воз, где находились все его трофеи.

Когда, изрядно обогатившись в Мазовии и Польше Ягайловы войска вернулись в Вильно, «виленцы, памятуя старый языческий обычай, встретили князя великого Ягайло с женами и детьми перед городом, песни распевая и в ладони хлопая, хваля великого князя за то, что такую победу добыл. И большое смятение было на улицах в городе Вильно. И как только кто-нибудь из язычников дотрагивался до мешка, где было дерево святого креста, то внезапно умирал».

Видимо, умирали вильняне все же не от этого, а были просто задавлены напирающей многочисленной толпой. Но слухи поползли, что, мол, в мешке у Довойны что-то страшное спрятано, от чего люди и гибнут.

Конечно же, Ягайло не преминул вызвать к себе Довойну и потребовал ознакомить его лично с содержимым мешка.

Великий князь язычником не был. Он сразу отметил про себя, что Довойна совершил по христианским канонам святотатство. Но даже Ягайло было трудно представить, чтобы крест, пускай и оскверненный, убивал людей. Впрочем, сам святотатец, пребывающий в несвойственном для него удручении, поведал следующее. Когда на второй день после встречи Ягайлова войска в Вильно стало известно, сколько человек нашло в толпе внезапную смерть, Довойна поделился удивительной новостью со своей полонянкой, которая после того, как отважный литвин изловил ее на Лысой горе, перестала думать о побеге и даже начала проявлять некоторую приязненность к своему пленителю. Но девушка, оказалось, уже знала обо всем.

— Я видела во сне ангела Божьего, — проговорила панна, — и он мне сказал, что Бог свой гнев наслал на язычество, ибо к дереву святого креста, которое имеют у себя, относятся непочтительно.

Потом девушка долго рассказывала изумленному рыцарю о своей вере, о силе и мощи Бога Единого, о великих праведниках и чудесах святых таинств христиан. И в сердце Довойны вера в богов его предков была поколеблена.

Выслушав искренний рассказ своего подданного, Ягайло велел привести к нему панну, которой снятся такие благочестивые сны. Узнав, что девица эта из знатной семьи, и убедившись, что она так же

хороша, как и набожна, Ягайло приказал Довойне вернуть ей свободу и, доверив ей вызвавший переполох в Вильно крест, проводить на родину. По счастью, родители панны жили не в сожженном Ягайло Апатове, где девушка лишь гостила у родни. Их имение война не коснулась. Старики были счастливы, когда вернулась к ним уже оплаканная дочь целой и невредимой в сопровождении молодого и красивого рыцаря.

Привезенный спасшейся панной крест торжественно установили в местном костеле, который с тех пор получил название Святого Креста. В этом же костеле язычник Довойна, с благоговением признавший «силу пана Езуса Христа», крестился в католичество и вскоре обвенчался с окончательно заморочившей ему голову панной.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

*О том, как королева боялась выходить замуж за людоеда*

Што время, как Великое княжество Литовское приходило в себя после потрясений, связанных с недавно окончившейся гражданской войной, начатой Ягайло и Кейстутом, соседнее Королевство Польское тоже переживало трудности, но несколько иного рода.

Когда не заимевший законных наследников в мир иной отошел Казимир Великий, его престол достался племяннику, сыну его сестры, венгерской королевы Альжбеты-«кикуты», Людовику. Людовику повезло, потому что благодаря дядиной невезучести в семейных делах, он получил в наследство вместо одной, отцовой, две короны и мог теперь гордо именоваться — Людовик Анжу, король Венгрии и Польши. Но это, двойное бремя власти оказалось достаточно тяжким, чтобы вынести его мог один человек. Людовик, занятый вплотную венгерскими проблемами, редко находил возможность навестить своих польских подданных, и поэтому Польша фактически была незнакома со своим государем и не испытывала к нему никаких чувств кроме недоумения.

Людовику так же, как и Казимиру, не повезло с наследниками мужского пола. Супруга рожала только дочерей, и, когда пробил смертный час короля Венгрии и Польши, оба его престола оказалось некому занять.

Пока поляки озабоченно почесывали затылки, венгры успели объявить, что после короля у них будет королева, и возложили корону Святогб Стефана на голову старшей из дочерей Людовика Марии, супруги маркграфа Зигмунда Бранденбургского. Венгры надеялись, что имевшие с ними единого государя поляки последуют их примеру и украсят голову Марии также и польской короной. Но гордые паны, которые были очень недовольны безразличием покойного Людовика к их делам и заботам, имели все основания предположить, что и Мария выберет себе местом постоянного пребывания Венгрию, а земли их королевства будет считать лишь дополнительными территориями, присоединенными к ее главным владениям. И они решительно заявили, что у Польши отныне будет свой, отдельный правитель.

Никогда еще в польской истории не было случая (за исключением, может быть, времени легендарной королевы Ванды, в реальном существовании которой глубоко сомневались ученые уже и в описываемые нами времена), чтобы власть от отца передавалась дочери. В сложных случаях вопросы престолонаследия решались державными мужами,

рассматривающими кандидатуры из числа ближайших родичей почившего монарха. Так, в обход кровных прав дочерей Казимира Великого, польскую корону получил Людовик. Так поляки и сейчас выбирали бы себе короля. Но их страшила возможность войны с Венгрией, которая на законных основаниях могла бы вознегодовать и попытаться силой присоединить Королевство Польское к себе, приведя под власть наследницы Людовика Марии. Чтобы этого не произошло, поляки решились в нарушение своих традиций короновать на престол женщину. Родную младшую сестру Марии Ядвигу.

Против такой кандидатуры венгры не могли бы абсолютно ничего возразить. А получившая в правление лишь Польшу, вынужденная жить в ее столице Кракове, Ядвига ничем иным, кроме польских проблем, не занималась бы. Кстати, двенадцатилетнюю Ядвигу можно было бы удачно выдать замуж за человека, способного управлять Польшей так, как хотелось бы этого магнатам королевства.

Ядвига приехала в Краков в сентябре 1384 года, через несколько дней поляки ее короновали и стали всерьез решать вопрос о замужестве своей юной государыни.

Ядвига, в принципе, была не против выйти замуж. Но наивная девочка думала, что уж по крайней мере королевам разрешено это делать по собственному выбору.

В самом раннем детстве она была обручена с юным Вильгельмом, австрийским герцогом. Этого жениха выбрал для дочери ее отец, и при встрече красивый воспитанный мальчик произвел на маленькую королевну очень приятное впечатление. Незадолго до того, как Ядвига должна была покинуть Венгрию, чтобы стать польской королевой, она вновь встретилась со своим нареченным. И, превратившийся в обаятельного юношу, Вильгельм понравился ей еще больше. Молодые люди поклялись быть верными друг другу, что бы не случилось. Но поляков вовсе не устраивало то, что их королем станет австриец. Они боялись политического подчинения своей державы могущественной Австрии, потери своих вольностей, растворения своего народа в ином и более сильном. За спиною своей королевы магнаты Польши стали искать ей другого мужа.

Мазовецкий князь Земовит был молод и решителен. К тому же он принадлежал к роду Пястов, королевскому роду, и не будь необходимости короновать Ядвигу, являлся бы главным претендентом на опустевший польский престол.

Князь Владимир Опольский тоже был Пястом. И в отличие от Земовита очень богатым и влиятельным в среде польской шляхты. К сожалению, этот претендент имел жену, с которой, однако, не ладил,

утверждая, что у него имеется какой-то веский повод для того, чтобы католическая церковь развела их.

На польскую корону мог рассчитывать и Витовт. Поляки имели возможность убедиться в том, что сыну Кейстута присущи державный ум и политическая гибкость. Витовт был также очень хорош как военачальник — способность для монарха незаменимая. Обиженный Ягайло, он, как полагали, с радостью ухватился бы за предложение Польши развестись с Анной Святославной и стать мужем Ядвиги и польским королем. А там, глядишь, отвоевал бы у двоюродного брата свое наследство и объединил с Королевством Польским Великое княжество Литовское.

Как только обсуждающие судьбу своей державы и королевы магнаты назвали имя Витовта, их оппоненты — ведь таковые есть у всех политиков — грянули именем Ягайло. Зачем брать королем лишившегося власти, побежденного, когда можно заполучить победителя? Зачем воевать с Витовтом за Великое княжество Литовское, когда Ягайло положит его к ногам маленькой Ядвиги в качестве вено? Зачем хлопотать о разводе женатого мужчины, принимая на себя такой великий грех, когда можно сотворить достойный королевы Ядвиги брак со свободным от каких бы там ни было обязательств перед иными женщинами человеком?

Это было действительно так. Несмотря на свой уже довольно солидный возраст — сорок с лишним лет — великий князь литовский Ягайло никогда не был женат. Непонятная аморфность сына в вопросах обзаведения семьей очень беспокоила его мать Ульяну Тверскую. Одно время она деятельно искала возможности женить его на дочери Дмитрия Донского Софье. Но великий князь московский, памятуя, как однажды он оконфузился перед Ольгердом, который прислонил-таки свое копье к стенам Москвы, требовал теперь от его сына слишком многого: окрестить в православие всех язычников Великого княжества Литовского, признать вассальную зависимость своей державы от Москвы и назвать себя «младшим братом» Дмитрия.

В общем, Ягайло отказался от руки Софьи Дмитриевны. Быть может, судьба специально оставляла его руку свободной для того, чтобы на нее могла опереться нежная ручка юной Ядвиги, за спиной которой стояла вся Польша?

Когда в Вильно прибыли представители от тех польских магнатов, которые хотели бы видеть своим королем Ягайло, и предложили великому князю сватать Ядвигу, он сразу же откликнулся деятельной активностью. Тогда польские послы тактично намекнули ему, что для обладания дочерью короля Людовика и польской короной ему дове-

дется вступить в жестокую борьбу с серьезными высокородными претендентами. Быть может, поляки полагали, что Ягайло предложит им для снискания расположения наиболее влиятельных лиц в королевстве денег из своей казны — так обычно поступали в подобных ситуациях во многих европейских странах. Ягайло же повел себя непредсказуемо, чем привел в ужас поляков, сразу же назвавших великого князя литовского ни больше ни меньше, как варваром.

Внезапно вспомнив про обиды, нанесенные ему Мазовией, Ягайло напал на земли одного из самых главных своих соперников, князя Земовита. Предав несколько его городов, местечек и сел огню и разорению и зацепив, будто бы невзначай, земли самого Королевства Польского — знай, мол, Польша, с кем имеешь дело! — он, отягощенный богатой добычей и многочисленными пленными, вернулся в Вильно. Подобная демонстрация силы и своих преимуществ перед иными претендентами на руку Ядвиги окончательно избавила поляков от колебаний. Они остановили свой выбор на Ягайло. Оставалась совсем незначительная формальность. Великий князь литовский должен был сделать королеве Польской официальное предложение и получить официальное согласие.

В 1385 году, в январе, сваты Ягайло прибыли в Краков. Брат великого князя литовского Скиргайло обратился к Ядвиге с заранее подготовленной, красиво звучащей, но абсолютно запутанной по смыслу речью:

— Уже многие цесари, короли и князья христианские,— сказал он, — жаждали и стремились заключить брак посмертного родства с великим князем литовским Ягайло Ольгердовичем. Но исполнение этого намерения Всемогущий Бог сохранил ради особы великого королевского величества. Подчиняясь такой спасительной неожиданной судьбе Божьей, согласитесь, Ваша королевская милость, принять помянутого великого князя литовского себе в мужья. Если это исполните, содеется от этого великая слава Божья, выгоды душевные, честь человеческая и могущество королевства.

Скиргайло был очень горд тем, что правильно и без запинки произнес все витиеватости, которыми изобиловала сочиненная лично Ягайло грамота. С его точки зрения, после такого умопомрачительного предложения восхищенная избранница должна была бы только прошептать сакральное: «Да».

Но тринадцатилетняя королева, гордо восседающая на своем троне, просто и немногословно отказала сватам. Она ответила литвинам, что, поклявшись перед Богом в верности Вильгельму Австрийскому, не может нарушить своего слова.

Весь польский двор кинулся уговаривать королеву прислушаться к предложению Ягайло. Говорили, что в нем одном спасение Польши, что брачный договор с Вильгельмом можно легко расторгнуть. Ядвига была непреклонна. Она поставила своих подданных в известность, что любит своего нареченного и не променяет его ни на кого другого.

Послали в Венгрию за словом Ядвигииой матери. И та предала дочь, фактически дав разрешение на принудительный брак. «Пускай юная королева Ядвига и польские вельможи поступают в этом отношении так, как того требует выгода Речи Посполитой христианской и польской»,— ответила она.

Узнав о предательстве матери, Ядвига пришла в ужас. Но мужественная девочка решила бороться за свою любовь до конца. Юная королева послала Вильгельму тайное письмо, в котором умоляла поскорее приехать в Краков.

Обрученные встретились во францисканском монастыре. Звучало много нежных слов. Ядвига плакала, Вильгельм утешал ее. Доброжелатели королевы придумали способ соединить влюбленных. Ночью верные слуги проведут Вильгельма в королевский замок, в спальню Ядвиги. А утром поставят всех перед фактом. Министрам королевы придется смириться с необходимостью венчания Ядвиги и Вильгельма. И Ягайло останется ни с чем.

План, задуманный, казалось бы, так хорошо, не сработал. Вильгельм проник в спальню Ядвиги, но почти сразу же после того, как влюбленные заключили друг друга в объятия, раздался лязг железа и в комнату начали ломиться вооруженные до зубов охранники. Несостоявшемуся любовнику пришлось спускаться из окна башни в бельевой корзине на веревках.

После этого случая Ядвигу уже стерегли как пленницу, а из Вильно срочно вызвали Ягайло.

В последний раз попробовала юная Ядвига сопротивляться своей судьбе. Она решилась на побег и тайный брак. Однажды в окружении наиболее верных своих подданных королева направилась к замковым воротам. Стража загородила ей дорогу.

— Проход запрещен, — услышала Ядвига.

— Кто же запретил? — спросила она.

— Вельможи.

— И мне запрещено? Королеве? Подайте топор!

И в ярости Ядвига стала сбивать с ворот огромный

замок. Возможно, от отчаяния с юной королевой сделалась бы истерика, если бы в дело не вмешались священники. Они увели Ядвигу в замок и там несколько дней подряд уговаривали, увещевали,

молили покориться. Используя необыкновенную набожность королевы, они стали убеждать ее, что брак с Ягайло предложен ей небесами, что на нее возложена величайшая миссия — стать крестительницей дикой, варварской Литвы и спасительницей тысяч человеческих душ.

Сладкий яд их слов постепенно проник в сердце девочки, силы которой давно уже были на исходе. Она почти согласилась. Впрочем, в последний момент свадьба чуть не расстроилась. Кто-то сказал несчастной Ядвиге, что человек, за которого ее собираются отдать замуж — злобный старик, жестокий варвар, физический урод, дикий язычник и даже тайный людоед. Побледневшая от страха девочка заявила, что скорее согласится умереть, чем стать женою такого чудовища. Тут уже одних убеждений и увещеваний было недостаточно. Вельможи предложили своей королеве выбрать из числа польских магнатов человека, свидетельству которого она бы безоговорочно поверила, и выслать его навстречу Ягайло, чтобы он, увидев великого князя литовского и вступив с ним в общение, разузнал все о его явных и тайных пороках и внимательно разглядел его внешность. Если то, что сказали Ядвиге о Ягайло, окажется правдой, королеву не будут неволить с замужеством. Испуганная девочка попросила молодого и преданного ей рыцаря Завишу Олесницкого стать на время ее глазами.

Завиша встретил жениха своей королевы в городе Сандомире. Ревностно исполняя деликатное поручение своей госпожи, Олесницкий после первого же часа общения с великим князем литовским послал в Краков гонца, который должен был передать его первые впечатления: «У Ягайло фигура стройная и пристойная, взгляд веселый и лицо совсем не противное, как это иные говорят».

Поговорив с Ягайло на духовные темы, верный королеве рыцарь сделал для себя выводы, что слухи о язычестве великого князя литовского тоже ложны. Он, конечно же, христианин, хотя и православный. Но это не беда, ведь Ягайло уже дал слово перед венчанием с Ядвигой принять католичество.

Обеспокоенный упорными слухами о некоем телесном изъяне Ягайло, Олесницкий предложил великому князю литовскому попариться в бане, где намеревался внимательно осмотреть претендента в короли Польши. Кажется, Ягайло понял, что нужно от него доверенному лицу королевы. Впрочем, ему нечего было стыдиться своего тела. Прочитав второе письмо рыцаря Завиши, юная Ядвига в смущении порвала его, но, видимо, оно успокоило ее гораздо больше первого.

Оставалось выяснить деликатный вопрос с людоедством. Но, проведя вместе с Ягайло несколько дней и проникнувшись к нему симпатией, Завиша Олесницкий решил для себя, что если он подвергнет будущего польского короля еще и унизительной проверке на наличие такого ужасного порока, то это ударит по его собственной рыцарской чести. Поэтому, явившись пред очи королевы, просто сказал ей, что если вдруг окажется, что Ягайло действительно людоед, то он, Олесницкий, проглядевший ужасное пристрастие жениха, не раздумывая, возложит свою голову на плаху, а тело свое отдаст ему на съедение. И Ядвига поверила слову честного рыцаря.

Возможно, если бы молодой Вильгельм хотя бы попытался еще раз добиться любящей его девушки, согласия на брак от Ядвиги вельможи так бы и не получили. Но он отказался от борьбы за Ядвигу, отступил.

12 февраля 1386 года Ягайло въехал в Краков. И очень скоро после этого стал польским королем и мужем Ядвиги.

Счастливым этот брак не был, хотя поляков вполне удовлетворяло правление короля Ягайло. Ядвига поспешила выполнить «свою священную миссию» — окрестить Великое княжество Литовское в католичество. Собственно, во время этого обряда юная королева и поняла, что ее на самом деле жестоко обманули. Так }К6, как Ягайло, вопреки слухам о его язычестве, оказался православным христианином, так и большинство жителей Великого княжества Литовского уже прошли через святую купель. Крестить довелось лишь самую дикую часть державы, Жмудь.

Крещение происходило довольно комично. Жмудинов выстраивали в длинные ряды, мужчин отдельно от женщин. Потом ксендз, выходя вперед, небрежно брызгал на людей из первого ряда святой водой и произносил какое-нибудь христианское имя, скажем, «Петр». И все мужчины этого ряда становились Петрами. Подходя к другому ряду, ксендз провозглашал: «Ян». И к Петрам добавился целый ряд Янов. Подобным образом крестили и женщин. Нелепость и комизм ситуации заключался еще и в том, что после такого крещения в больших жмудских семьях оказывалось всего два имени на всех — одно мужское и одно женское. Язычники, получившие крест и белую рубаху, всерьез к крещению не относились и с трудом откликались в дальнейшем на свои новые имена, предпочитая все-таки прежние, привычные.

Узнав об этом, бедная Ядвига заскучала. Не доставлял ей никакого повода для радости и Ягайло. Хотя навязанный ей подданными муж и не был людоедом, в нем обнаружился не менее пагубный с точки зрения юной женщины порок. Ягайло оказался ревнивцем.

С первого же года совместной жизни с красивой молоденькой женой он стал устраивать ей бурные сцены, ревнуя к каждому молодому человеку. Ему все время казалось, что где-то в Кракове тайно пребывает Вильгельм и королева с ним встречается. Однажды Ядвиге пришлось даже приносить присягу на Библии, что Вильгельма она не видела со дня свадьбы.

Она старалась личную неудовлетворенность растворить в делах государственных. Иногда это ей удавалось. Среди подданных Ядвига прославилась как святая. Считалось, что печальная королева имеет дар предсказания. Но кажется, это было только своеобразным развлечением Ядвиги, и никакого особого дара у нее не было.

В конце концов королева стала чахнуть. Ее здоровье тревожило всех. Тем более, что подданные надеялись, что Ядвига все-таки родит стране наследника.

В 1399 году, уже совсем больная, Ядвига родила дочь, которую назвали Альжбетой Бонифацией. Девочка умерла через несколько месяцев. Мать пережила ее на четыре дня.

Ягайло потерял жену, но стал первой особой в стране, что во многом его утешало, так как для поляков, в глубине души всегда сочувствовавших несчастной любви своей королевы, Ядвига всегда стояла чуть-чуть выше, чем ее коронованный супруг.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

*О том, чем грозит чарка вина, принятая из рук красавицы*

Одним из самых серьезных претендентов на руку красавицы-королевы Ядвиги и вместе с тем на польскую корону, как мы уже говорили об этом раньше, был мазовецкий князь Земовит Плоцкий. В его жилах текла кровь Пястов. А Пясты были королями в Польше спокон веку. Он был смел, отважен, благороден, а это в конце XIV столетия были не самые плохие для короля качества.

Но Мазовия всегда была мятежной, оппозиционной провинцией. Если король враждовал с немцами, мазуры спешили заключить с ними мир, если же заявлял о дружбе с рыцарями-крестоносцами, мазовецкий князь тут же выступал против них с войной. Поляков не могла не испугать перспектива иметь королем Земовита. И они выбрали иного — великого князя литовского Ягайло.

Зимой 1386 года, когда Ягайло повел под венец юную Ядвигу, Мазовия вывесила траур. Сам Земовит затаил обиду, выжидая удобного для мести момента.

Но у короля Ягайло оказались неплохие советники. Они обратили его внимание на этот факт и посоветовали: «Найди способ помириться». Действительно, позиции новоиспеченного короля в Польше были пока еще не очень крепкими. Война с мазурами, которые могли взять в союзники кого угодно, была делом опасным.

Последовав доброму совету, Ягайло позвал Земовита Плоцкого в Краков, на «дружескую чарку». Суровое сердце мазовецкого князя смягчилось только тогда, когда он увидел, из чьих рук ему предстоит принять эту чарку. Веселая девушка, которая сразу завладела его вниманием, была даже красивее, чем королева Ядвига. Смуглая, румянец на всю щеку, здоровая. Не то, что бледная тихая Ядвига. Земовит Плоцкий почти сразу же решил, что станет ее рыцарем.

Оказалось, что девушка эта — родная сестра короля Ягайло. Младшая и самая любимая. Вызванная ради дел большой политики из Великого княжества Литовского Александра (таким было ее имя) сразу поняла, чего от нее ждут. И с оптимизмом отнеслась к тому, что должно произойти. А произошло то, что Ягайло в знак дружбы и, вероятно, в качестве нормальной компенсации за потерю Ядвиги и польской короны, предложил Земовиту жениться на его сестре.

Мазовецкий князь принял предложение. Венчание состоялось в Кракове в 1388 году. Это была одна из самых удачных политических интриг Ягайло.

Веселой, жизнерадостной Александре очень скоро удалось так сильно привязать к себе мужа, что он стал лучшим другом короля. Мазовия превратилась из противника в верного союзника. Сама же Александра вошла в доверие к королеве Ядвиге и была теперь самой желанной гостьей при дворе и самой задушевной ее подругой.

Последние обиды на Ягайло из-за Ядвиги исчезли у Земовита, когда жена одного за другим стала рожать ему детей. Несколько наследников и дочек таких же красивых, веселых и здоровых, как она сама. У королевской же пары детей не было.

В 1399 году Ядвига умерла, так и не родив Польше наследника. В голове у Земовита, который теперь был уже не только примерным мужем, но и любящим многодетным отцом, созрел некий замысел, который мог бы привести к короне его потомков.

Мазовецкий князь стал одним из тех, кто предложил Ягайло брак с княжной из рода Пястов, Анной Цилейской, зная, как она некрасива. А Александра поспешила стать подругой и этой королевы. Ягайло женился. Но нелюбовь — плохой помощник в деле продолжения рода. И Анна тоже не стала матерью наследника престола.

После ее смерти энергичная Александра сосватала брату сорокалетнюю вдовушку Альжбету Пилецкую. Она оказалась уже стара для того, чтобы иметь детей.

Планы Земовита и Александры сорвал только четвертый брак короля с белорусской княжной Софьей Гольшанской. Но, впрочем, благодаря веселому, оптимистичному характеру Александры, Земовит не слишком болезненно воспринимал рождение этой, последней женой Ягайло, сыновей.

Вместе с женой он научился радоваться жизни и по-настоящему веселиться. А сумрачный, суровый Плоцк, столицу княжества Мазовецкого, супруги вместе обустроили, превратили город в крупный политический и культурный центр, где можно не только заниматься делами политики, но и развлечься. Здесь в присутствии Александры Ягайло вел переговоры с крестоносцами, сюда выезжал развеяться и отдохнуть от государственных дел.

До самого преклонного возраста Александра вела активный образ жизни. Она, как настоящая амазонка, держалась в седле. Даже в одиночку могла выехать на охоту на крупного зверя и редко возвращалась без добычи. При всем при том была мазовецкая княгиня очень доброй и жалостливой. Построила в Плоцке больницу для бедных, занималась не через посредников, а самостоятельно делами благотворительности. Много денег давала на нужды открытого стараниями королевы Ядвиги Краковского университета.

Интересный факт: на памятной доске, что прибита к одной из университетских стен, среди имен почетных студентов — имя Александры, дочери великого князя литовского Ольгерда и сестры короля Польского Ягайло.

В 1426 году умер Земовит. И его вдова покинула Плоцк, где столько лет жила в счастье и покое. Последние годы жизни Александра Ольгердовна провела в маленьком городке Раве Мазовецкой. Умерла она в 1434 году.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

*О том, как княжич московский и княжна литовская по очереди попадали в заложники*

В каких только безумствах и грехах не упрекали молодость во все времена убеленные сединами суровые мужи. Тем более удивительно звучат слова средневекового немецкого хрониста, оставленные им в назидание потомкам. «Молодость мудра», — глубокомысленно изрек он, пересказывая историю любви сына Дмитрия Донского Василия и дочери Витовта Софьи.

В 1386 году, став королем Польши, Ягайло переехал из .столицы Великого княжества Литовского в Краков. Своим наместником в Вильно он оставил брата Скиргайло, верного ему до безобразия, но абсолютно никчемного в делах державных человека. Хронист оставил о нем далеко не лестный отзыв, отметив, что младший брат Ягайло был «по натуре своей смелый и лютый, скорый во всем — на язык, на руку, на дело». А еще Скиргайло был пьяницей и буяном. Устраивая шумные пиры в Виленском великокняжеском замке, он напивался до такого состояния, что не мог уже отличить, где друг, а где враг, и, выхватив саблю, яростно рубил всех и все, что попадалось под руку. Немало искалеченных мертвых тел выносили наутро после таких попоек из замка слуги. Но Ягайло это вполне устраивало — он мог не опасаться, что в его отсутствие рыцарство Великого княжества Литовского, объединившись вокруг его наместника, заявит о своем неповиновении Ягайло. Именно из таких соображений король польский выбрал Скиргайло, а не Витовта, имевшего, конечно, гораздо больше прав на виленское наместничество. Чтобы подсластить горькую пилюлю, Ягайло подарил Витовту города Луцк и Владимир-Волынский, самые крупные на Волыни, земли которой, став королем, он поспешил присоединить к Польше.

И Витовт тут же перевез жену и детей из Гродно в Луцк, подальше от Скиргайло, которого очень боялась Анна Святославна, поскольку во хмелю наместник грозился перебить всю ее семью.

Кроме двух маленьких сыновей, Ивана и Юрия, которых родила ему княгиня Анна, у Витовта была еще старшая дочь Софья, прижитая в браке с первой супругой, Марией Лукомской. Княгиня Мария умерла от послеродовой горячки, и девочка с самого раннего детства воспитывалась мачехой. Сейчас ей было у лее семнадцать лет. Отнюдь не красавица, с неправильными чертами лица и, возможно, с более чем необходимо длинными руками, Софья, тем не менее, была мила и

обаятельна. И заглядываясь на нее, Витовт думал о том, что любит эту девочку гораздо больше сыновей и, наверное, не сможет заставить себя выдать свою любимицу замуж против ее воли.

Однажды в Луцк прискакал на взмыленной лошади гонец. Удивительные вести привез он. Из татарского плена, из самой Золотой Орды бежал юный сын великого князя московского Дмитрия Донского, Василий. Юноша провел среди неверных долгих три года, захваченный ханом в заложники, когда вместе с московскими боярами он прибыл в Орду, возглавляя посольство своего отца. Только случай помог княжичу обрести свободу. Но путь его домой не был прямым. Татары перекрыли все дороги на Русь. Василий нашел временное пристанище в Молдавии, откуда через земли Великого княжества Литовского намеревался вернуться на родину. Дмитрий Донской отправил из Москвы бояр в Краков, чтобы, встретившись с Ягайло, они добились от него гарантии безопасности для Василия. А пока те привезут ответ, великий князь московский просил Витовта, которому верил больше, чем пьянице Скиргайло, принять княжича в своем замке. Витовт не отказал обеспокоенному отцу.

Так юный Василий Дмитриевич оказался в Луцке. Сын Донского гостил у Витовта всего несколько недель. Но и этого времени хватило ему, чтобы заметить дочь своего хозяина и влюбиться в нее без памяти. Софья ответила ему взаимностью. И перед самым отъездом княжича молодые люди кинулись в ноги Витовту, прося его благословения.

Витовт был изумлен столь быстрому развитию событий. Он не был уверен в целесообразности такого брака и сомневался, что великий князь московский даст на него свое согласие. Но Софья умоляла его, и отец благословил ее выбор. Впрочем, заметил он нежданному претенденту в зятья, сердце девушки — не игрушка. Уж если Василий сумел вызвать к себе серьезные чувства, то должен и беречь их. Пусть даст слово, что теперь уж непременно женится на Софье.

Сын великого князя московского пообещал, что, вернувшись в Москву, немедленно добьется благословения и от своего отца, а добившись, пришлет в Луцк сватов. На том и порешили.

Радуясь за дочь, которая в ожидании вестей от жениха расцвела на глазах и еще больше похорошела, Витовт не скрывал ни от кого предстоящей свадьбы. И, конечно же, весть о помолвке Софьи с Василием Дмитриевичем дошла и до Ягайло. И король польский всполошился. Он решил, что обиженный им Витовт хочет через брак дочери с сыном Донского получить поддержку Москвы для борьбы с ним, Ягайло. Немедленно из Кракова в Луцк последовало повеление: яви-

ться пред королевские очи для разъяснения ситуации. Витовт не счел нужным самому ехать в Польшу, но послал к Ягайло своего боярина Кучку, который должен был рассказать о внезапно вспыхнувшей любви двух детей и пригласить Ягайло на ожидаемое торжество. Но в Кракове Кучку схватили и кинули в застенок, где пытками старались вырвать признание в измене Витовта. Престарелый боярин не выдержал мучений и умер.

Узнав об этом, Витовт пришел в ярость. Он немедленно выехал в Гродно, где собрал недовольных Ягайло князей, бояр и дворян и стал разрабатывать с ними план выступления против своего обидчика. Заговорщики решили захватить Вильно; воспользовавшись моментом, когда Скиргайло с какой-нибудь целью покинет столицу. Такой момент настал очень скоро. Наместник Ягайло в конце 1389 года выехал в Полоцк, где начались серьезные волнения среди жителей. В Вильно остался еще один брат Ягайло, Корибут. Витовт велел подготовить десяток телег с дровами, в которых спрятались самые верные, самые испытанные его воины, и обоз тронулся в Вильно. Проникнув в город, ночью его люди должны были перебить охрану Корибута, арестовать его самого и открыть ворота для заговорщиков.

Но среди тех, кто присутствовал при обсуждении этого плана, оказался предатель. Корибут узнал о хитроумном замысле, и когда «троянские телеги» Витовта подъехали к городским воротам, их плотно окружила вооруженная до зубов стража.

Людям Витовта ничего не оставалось, как без боя сдаться. За ними, заручившись честным словом Корибута, что им не причинят вреда, сдались и высокородные заговорщики. Кроме Витовта, который понимал, что пощады ему не будет.

Собрав всю свою семью, он, не теряя даром времени, покинул Великое княжество Литовское.

Человеку, однажды уже шагнувшему на путь измены ради личной выгоды и благополучия, очень легко и во второй раз переступить роковую черту. И вот испуганный и растерянный Витовт, забыв о том, сколько душевных терзаний доставляло ему когда-то союзничество с крестоносцами, униженно просит магистра Ордена о помощи.

Крестоносцы злорадствовали, слушая как оправдывается некогда гордый Витовт, объясняя, почему он сначала предал свой народ, бежав к ним после гибели Кейстута, потом изменил памяти отца, отказавшись мстить за него Ягайло, затем, отрекшись от дружбы с крестоносцами, бежал от них к вероломному двоюродному брату, и, наконец, вновь просит у Ордена войск для похода против своей родины, Великого княжества Литовского.

Убедительным в рассказе Витовта, пожалуй, было лишь одно — беспокойство за судьбу дочери.

— Далее дитя мое, мою дочь не дозволено мне было выдать замуж за кого я желал, боясь, чтобы я таким образом не приобрел друзей и единомышленников, хотя многие соседние князья просили ее руки, — горько жаловался беглец. — Одним словом, я был словно невольник во власти Ягайло.

Во второй раз Витовту крестоносцы уже не поверили. Но и не прогнали. Им нужен был повод для набегов на Великое княжество Литовское, которые их обогащали. Витовту предложили условие: рыцари помогают ему, члены его семьи живут в Ордене как заложники. Князю-изгою пришлось согласиться на это. Для того чтобы еще больше связать по рукам и ногам Витовта, его родных магистр расселил в разных крепостях. В случае, если князь сумеет организовать побег для кого-то из них, его близкие, содержащиеся в других местах, будут немедленно умерщвлены.

Три дорогие Витовту женщины: его жена, дочь и младшая сестра Рынгале попали в Кремитенский замок, маленькие сыновья были оторваны от матери и помещены в Кенигсберге, родной брат Жигимонт и брат супруги Глеб Святославич поселены в крепости Мальборг.

Грустно сидя у окна в своей комнате и наблюдая за житейской суетой во дворе замка, ставшего местом ее заточения, видимо, не раз вспоминала Софья рассказы своего жениха о трех долгих годах его плена в Орде. Теперь пленницей стала и она, и вряд ли сумеет Василий найти способ освободить ее. Бежать ей из Кремитена нельзя.

А Василий Дмитриевич в Москве в это время, действительно, уже ломал голову над тем, как вызволить из беды свою нареченную. Вскоре после его возвращения из плена умер Дмитрий Донской, последнее время страдавший от грудной жабы, которая развилась вследствие контузии, полученной им на Куликовом поле. Василий Дмитриевич был увенчан шапкой Мономаха и стал величать себя великим князем московским Василием I. Умирая, отец благословил его на брак с Софьей, и молодой государь тотчас же после похорон и окончания срока траура стал собирать богатые дары для магистра Тевтонского ордена. Чтобы дозволил тот его Софье выехать к нему в Москву. Три самых надежных и верных боярина, Александр Поле, Болевут и Селиван, повезли дары и просьбу великого князя московского в столицу крестоносцев Мариенбург.

Магистр встретил московских бояр сурово. Он с трудом дослушал до конца их просьбу и даже не взглянул на предложенные ему

подарки. Присутствующий на приеме Витовт удрученно опустил голову, не сомневаясь, что сейчас услышит безоговорочный отказ.

Но случилось нечто неожиданное. Боярин Александр Поле вдруг отвязал от пояса своего маленький бархатный мешочек и зачерпнул рукой его содержимое. В горсти у боярина оказался неправдоподобно крупный, очень ровный, сверкающий перламутровой белизной жемчуг.

— Мой господин велел сказать тебе, магистр,— проговорил боярин, — что он готов заплатить за каждую слезинку своей невесты, пролитую в твоей неволе, жемчужиной.

И не устоял магистр...

Молодость мудра...

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

*О том, как ради прекрасных девичьих глаз архиепископ сложил с себя сан*

Дочь великого князя литовского Кейстута Гедиминовича, сестра Витовта Рынгале заслуженно считается одной из самых загадочных, личностей белорусской истории XIV столетия. Хотя хроники сообщают о ней немало, разгадки тайны красавицы Рынгале они не дают. А тайна эта связана с любовью и смертью. И в центре ее стоит мужчина, князь Генрик Мазовецкий.

Молодой князь Генрик славился как очень набожный и благочестивый человек. Сердце его с самого раннего возраста тянулось к свету божественной истины, поэтому никого не удивило, когда Генрик принял сан священника. Вскоре он так продвинулся на духовном поприще, что стал епископом Плоцким.

Это был самый необычный епископ из всех, которых знает история Польши. Прекрасный фехтовальщик и наездник, Генрик Мазовецкий чаще надевал рыцарские доспехи, чем сутану. Он не отказывался от боевых выступлений и охотно принимал участие в турнирах. Князь-епископ нравился многим своим современницам, ибо был красив и мужествен. Никаких недостойных похождений за Генриком не числилось. И потому многие молодые католики считали его своим идеалом.

В 1392 году польский король Ягайло вызвал Генрика и попросил взять на себя важную политическую миссию — отвезти в Орден к крестоносцам грамоту, в которой магистру предлагалось заключить с Ягайло взаимовыгодный договор о дружбе. Но самой главной в миссии, доверенной князю-епископу королем, была ее секретная часть. Генрик Мазовецкий должен был встретиться в Ордене с союзником крестоносцев князем Витовтом и уговорить его покончить с недоразумениями в отношении Ягайло, забыть все свои обиды и помириться.

Генрик Мазовецкий поехал в Орден. Там он был принят очень радушно, так как являлся католическим священником довольно высокого ранга. Крестоносцы считали его своим братом по вере.

С магистром Генрик увиделся в Кремитенском замке. Во время торжественного банкета, устроенного в честь гостя, князь-епископ обратил внимание на двух женщин за столом, к которым тут относились с подчеркнутым уважением. Ему сказали, что это жена и сестра Витовта, которые находятся в Кремитене в качестве заложниц.

Удерживая при себе членов семьи Витовта, магистр был уверен, что союзник его не предаст.

Генрик Мазовецкий был настолько восхищен красотой княжны Рынгале, Витовтовой сестры, что не сводил с нее глаз весь вечер. Время от времени и златокосая литвинка, заметив внимание к своей особе, бросала на него красноречивые взгляды. И молодой плоцкий епископ, сам не зная как, нарушил свой обет, данный Богу.

«Если я нравлюсь ей так же, как и она мне, я женюсь на ней, и ничто не помешает мне», — решил Генрик Мазовецкий.

В конце вечера ему все-таки удалось переговорить с самой девушкой. И после нескольких сказанных ею многообещающих и нежных слов у князя-епископа исчезли последние сомнения.

На следующий день вместе с магистром Генрик Мазовецкий был вынужден покинуть Кремитен.

Очень скоро ему предоставилась возможность увидеться и переговорить без свидетелей с Витовтом, который жил в другом замке и по воле магистра не допускался к своим близким.

Витовт дал согласие на союз с Ягайло при условии, что ему уступят венец великого князя литовского и помогут вызволить членов его семьи. Генрик Мазовецкий обещал позаботиться об этом. А за свои труды просил в качестве награды руки Рынгале.

— Но ты же священник, ты не можешь жениться, — удивился Витовт.

— Как епископ я имею право сложить сан с любого священника. Я сложу его сам с себя. И буду просить у папы римского подтвердить этот акт и узаконить мой брак.

— А если папа римский откажется признать твои действия законными?

— Тогда мою просьбу охотно выполнит его злейший враг, папа в Авиньоне. А ведь еще не ясно, кто из этих двоих действительно является наместником святого Петра на земле, — усмехнулся Генрик. — Они оба яростно оспаривают друг у друга этот титул.

Венчание Генрика Мазовецкого и Рынгале Кейстутовны произошло в часовне Кремитенского замка. После этого князь на правах мужа потребовал у крестоносцев освобождения красавицы. Чуть позже Генрик договорился с магистром и об освобождении жены Витовта, Анны Святославны. Он заявил магистру, что это против воли Божьей — разлучать мужа и жену. Генрику удалось добиться также и освобождения Глеба Святославича, брата Анны. И только сыновья Витовта вместе с Жигимонтом Кейстутовичем так и остались в неволе.

В ожидании одобрения своего брака с Рынгале Кейстутовной в Риме или Авиньоне Генрик Мазовецкий выехал с нею в Слуцк. Но вдруг при таинственных обстоятельствах умер. Сомнений не было, смерть наступила от яда. Но кто же подсыпал в пищу молодого князя смертельную отраву? Крестоносцы, которые узнали о заговоре Генрика с Витовтом? Кто-либо из верующих фанатиков, шокированных женитьбой уважаемого епископа?

Хроники говорят об ином. Будто бы сама Рынгале отравила мужа. Но почему? Страшно и непонятно. Считала ли она, что не получив официального согласия на брак от папы, она не имела права становиться женой Генрика? Может, грех быть обвенчанной с не избавленным, по ее разумению, от обета священником казался ей значительно большим, неискупимым, неотмольным в сравнении с убийством? Может, считала она себя обманутой и мстила? А может, даже не любовь соединила ее у алтаря с Генриком, а сильнейшее желание любой ценой вырваться на волю? Что, если отравление Генрика было для сестры Витовта только устранением того, что уже не нужно? Кто знает?

Тайну красавицы Рынгале не удалось разгадать ее современникам, которые, кстати, не смогли перед судом и доказать ее причастность к смерти мужа. Нам же, сегодняшним, тем более трудно найти ответ на все «почему и как» в этой истории.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

*О том, как крестоносцы хвалили жену своего врага*

Анна Святославна, жена Витовта... Неоднократно нам уже приходилось называть ее имя. Второстепенным персонажем мелькала фигура этой женщины в рассказах, посвященных любви иных людей. Настало время поговорить теперь и о ней самой, ибо поистине была княгиня Анна личностью неординарной, замечательной, обладающей редчайшим даром беззаветно и бескорыстно любить, прощая своему избраннику все его несовершенства.

Дочь смоленского князя Святослава Ивановича, в тринадцать лет она стала супругой овдовевшего двадцатисемилетнего Витовта. Витовт был горяч и страстен. Всегда неравнодушный к женской красоте, он быстро увлекался, вспыхивал, влюблялся и готов был ради очередной пассии даже кинуть на несколько дней свое войско во время похода. Он не хранил верность своей первой жене и, конечно же, изменял и Анне. Но с тех пор, как юная голубоглазая и белокурая смоленская княжна была названа им у святого алтаря женой, его молодецкая бесшабашность и безответственность по отношению к семейной жизни сменилась на стойкую привязанность к супруге. Он попрежнему увлекался и желал новых женщин, но отныне любил только одну.

Судьбе угодно было даровать Витовту и Анне только пять лет спокойной жизни. Потом началась жестокая борьба, начало которой положили три трагических события: предательство Ягайло, смерть Кейстута, пленение Витовта.

Мы искренне восхищались подвигом Анниной служанки Елены, ценою своей жизни спасшей Витовта. Подвиг Анны Смоленской, оставшейся в живых и бежавшей с мужем на чужбину, оказался не менее славным.. А длился он значительно больше — почти тридцать лет. Действительно, подвигом было уже то, что Анна находилась рядом с Витовтом, жила его беспокойной жизнью, на равных участвовала с ним в его политической борьбе, жертвовала своим личным «я» ради него. И, разделяя с ним славу, безоговорочно принимала на себя и его позор. Она любила Витовта так, как, наверное, нельзя любить мужчин. И любовь эта облагораживала человека не самых высоких жизненных принципов, делала для окружающих более заметными, более яркими положительные черты ее героя, затушевывая отрицательные. Превращала трусость в осторожность, жестокость в мужественность, предательство в трагизм. Все лучшее, что было у Витовта,

обнаружила в нем и развила княгиня Анна. Это понимал и сам Витовт, и его союзники, и даже враги.

«Какая женщина! — восклицали крестоносцы в искреннем восхищении. — Редкость и великая редкость среди Евиных дочерей... Он нашел в ней ангела-хранителя» ...

Но насколько велика может быть женская любовь? Некий античный философ предлагал испытывать ее следующим жестоким способом: поставить перед женщиной ее мужа и ее ребенка и предложить сделать выбор между ними, заявив, что другой будет немедленно принесен в жертву богам.

Варварское испытание, недостойное того, чтобы было оно даже описано пером просвещенного эллина. Но именно такое судьба уготовила Анне Святославне...

В 1392 году томившаяся в качестве заложницы в Кремитенском замке крестоносцев Анна получила благодаря епископу Плоцкому Генрику от магистра милостивое разрешение воссоединиться с мужем, которого ей не дозволялось раньше даже видеть. Но встреча после первых минут радости принесла княгине лишь печаль. Витовт сообщил супруге, что принял решение прекратить борьбу с Ягайло и вернуться в Великое княжество Литовское. Ягайло через Генрика Плоцкого обещал двоюродному брату отдать ему во владение княжество. Придется еще раз обмануть доверие магистра, чтобы бежать из его почетного плена.

Анна не могла не понять, что это значит. Крестоносцы, дав ей возможность отныне жить подле мужа, тем не менее не отдали ей детей, двух дорогих мальчуганов, Юрия и Ивана. Бежать придется без них, надеясь на то, что рука магистра не поднимется для того, чтобы отомстить Витовту, убив его маленьких сыновей. Быть может, сам Витовт и не представлял всей серьезности ситуации, наивно рассчитывая на «рыцарскую честь» своего временного союзника и потенциального врага, но Анна должна была материнским сердцем почувствовать всю неминуемость расправы над безвинными ее детьми.

Судьба предоставила ей нелегкий выбор. Зная очень хорошо своего мужа, Анна понимала, что главное для него — это возвращение любой ценой отцовского престола. Без этого он не мог себя чувствовать самодостаточно. Отказавшись от предложенного Ягайло мира, Витовт лишил бы себя уже навсегда такой возможности, потому что король польский был слишком сильным противником, чтобы крестоносцы смогли отвоевать у него для князя-изгоя великокняжеский престол. Дело ограничилось бы серией регулярных, ощутимых для Ягайло, но не сокрушительных набегов орденских братьев на земли

Великого княжества Литовского. А это значит — вечное изгнание для ее мужа. Витовт тоже понимает это и не откажется от последней возможности заполучить вожделенный престол. И для этого он пожертвует всем.

Значит, единственное, что остановит расправу крестоносцев над ее детьми, которых рыцари продолжали держать у себя в заложниках, — ее обращение к магистру с требованием вернуть сыновей взамен выдачи планов мужа. Тогда неминуемая смерть грозит Витовту.

Хронисты не оставили нам даже самого скупого рассказа о страданиях и душевных муках женщины, противящейся всем существом своим подобному выбору. Мы знаем лишь то, как, в конце концов, решила свою судьбу Анна Святославна. Она выбрала мужа...

В языческий праздник Купалье верные Витовту воины захватили арсенал крестоносцев из Ритерсвердера, подожгли сам замок и отправились в Гродно, где в это время тоже находились крестоносцы. После короткой стычки с выступившим из ворот родного города Витовта небольшим гарнизоном тевтонцев, Гродно было взято. Витовт пополнил свой отряд восторженно встретившими его горожанами. С ними пошел мятежный князь к твердыням крестоносцев Метембургу и Нейгартену и овладел ими. Это должно было послужить своеобразной реабилитацией Витовта перед своим народом. И литвины, действительно, простили князя, забыв о его предательстве.

В августе этого же года в Островце Витовт встретился со специально ради этого выехавшим из Кракова Ягайло и, подвергнутый своим двоюродным братом унизительной процедуре вымаливания прощения на коленях, принял из его рук великокняжеский венец вместе с обещанием не присоединять Великое княжество Литовское к Польше. Впрочем, Витовт признавал Ягайло своим сюзереном и не оспаривал зависимость княжества от Королевства Польского. Как супруга государя Анна Святославна стала великой княгиней...

А всего через несколько недель после этого гонцы привезли ей скорбную весть — крестоносцы отравили ее сыновей. Более детей Бог ей не послал...

В 1398 году Анна вместе с Витовтом участвовала в заключении мирного договора с ливонскими рыцарями. В этом же году в Гродно едва не стала жертвой покушения врагов Витовта на жизнь великокняжеской четы.

В 1410 году вынуждена была некоторое время вместе с мужем скрываться в лесах около Здитова от крестоносцев , которые предприняли новую попытку убить их и ради этого захватили и спалили Волковыск. А через три месяца после этого разделила с Витовтом его

величайший триумф — победу в Грюнвальдской битве, когда объединенное войско Королевства Польского и Великого княжества Литовского, к которому присоединились три полка с родины Анны Смоленского княжества, и отряд чешских воинов, положило конец могуществу крестоносцев.

Благодаря своему воинскому таланту и решительности действий, Витовт стал самым прославленным из героев этой битвы. Витовтом Великим назвали благодарные потомки полководца, который вел своих воинов к победе при Грюнвальде.

Анна Смоленская, верная спутница Витовта Великого, умерла в пятидесятитрехлетнем возрасте. Эта смерть была горькой неожиданностью для князя, привыкшего к ее нежной опеке, к тому, что есть рядом человек, способный понять и разделить все его трудности и несчастья. Он горько плакал на похоронах. И хотя и женился потом на другой, никогда не равнял новую супругу с Анной. Витовт завещал после смерти похоронить его рядом с женщиной, которая посвятила ему всю свою жизнь.

Они действительно лежат рядом в каменных саркофагах в Вильнюсском соборе святого Станислава.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

*О том, что за право носить корону нередко приходится платить слишком большую цену*

После того как в 1399 году умерла польская королева красавица Ядвига, ее муж, король Ягайло, оказался в очень сложной ситуации. Корону ведь он получил только благодаря своей женитьбе на Ядвиге, законной наследнице польского престола. Если бы в этом браке родился ребенок, Ягайло не боялся бы лишиться короны. Но единственная дочь Ядвиги и Ягайло королевна Альжбета Бонифация умерла через несколько месяцев после своего рождения.

Ягайло решил сделать все возможное, чтобы остаться королем. Он созвал на совет вернейших из своих подданных, среди которых был и муж его сестры Александры, мазовецкий князь Земовит Плоцкий. Именно Земовит и подсказал королю лучший выход из ситуации. Король должен жениться на женщине, в жилах которой, как и у Ядвиги, течет кровь польских королей Пястов. Кроме Ядвиги Пясты имели еще несколько королевен из младшей линии рода. Все они на то время уже были замужними. Но в графстве Циль, маленьком и бедном, жила двадцатилетняя Анна, чья мать была родной дочерью польского короля Казимира Пяста, а отец — граф Вильгельм. Земовит предложил Ягайло назвать Анну своей новой женой и королевой. Король, обдумав все «за» и «против», согласился.

И вот, в начале 1401 года королевские сваты торжественно въехали в город Циль. В ответ на брачное предложение они услышали поспешное и радостное «да», и уже через несколько месяцев Анна Цилейская прибыла в Краков венчаться с королем.

Еще издали заметив карету с невестой, Ягайло на коне поспешил ей навстречу. Карета остановилась. Жених открыл дверцу и... Какой ужас! Улыбаясь, в его объятия упала некрасивая, безвкусно одетая Анна Цилейская. Ягайло не смог сдержать горестного возгласа.

Но решение уже было принято, и королевское слово дано. Чувствуя себя жертвой обстоятельств, Ягайло вынужден был повести графиню под венец. Четырнадцать лет супружества с нею король Ягайло сравнивал позднее с годами, проведенными в неволе. Обязанный дать державе наследника, он не мог оттолкнуть от себя соединенную с ним династическим браком женщину. Но и полюбить не мог. Некрасивая же Анна, чувства которой к нему были совсем иными, решила, что король заинтересуется ею как женщиной, если приревнует. И разыграла при дворе целый спектакль.

В качестве его действующих лиц королева выбрала двух самых красивых рыцарей, Якуба Кобылянского и Миколая Храстовского, ничего не подозревавших об отведенной им роли. Несколько кокетливых взглядов и слов, брошенных им при всех, два-три поддельных любовных письма от имени каждого из красавцев, слезная жалоба на непристойные ухаживания кавалеров, и Ягайло, подозрительный от природы, уже почти верит в существование соперников. По королевскому приказу Кобылянского арестовывают, заковывают в цепи и бросают в темницу, в которой несчастному доведется провести три года. А Храстовский, спасаясь от такой же участи, бежит из польского королевства.

Но подозрительность и ревность — совсем разные вещи. И Анна скоро понимает это. Преследуя предполагаемых воздыхателей жены, Ягайло оберегает свою честь, а не любовь. После инцидента с поклонниками Анна стала еще более неприятна королю.

Хроники свидетельствуют, что в это время он часто бывал не в настроении, злился, раздражался. Или, наоборот, впадал в апатию и меланхолию. Возможно, нерешительность и заторможенность Ягайло во время прославленной Грюнвальдской битвы в 1410 году, которые, собственно, и стали основной причиной того, что хищнический Орден не был окончательно разгромлен, а только утратил свое могущество, связаны с печальными обстоятельствами его личной жизни?

Только в 1416 году судьба избавила короля от нелюбимой жены, унеся ее в могилу.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

*О том, как Железный Габсбург женился на валькирии*

Австрия, 1410 год. На рыцарском турнире уже который раз подряд все награды взял молодой герцог Эрнест, известный своим противникам более под прозвищем Железный Габсбург. Потому что в бою с ним еще никому не удавалось выстоять. Высокий, сильный, стройный, он словно игрушку перекидывал из руки в руку массивный боевой топор и удерживал в одной руке тяжелый двуручный меч. Дамы искренне восхищались герцогом Эрнестом, и все невесты Австрии и Германии мечтали заполучить его в мужья. Но сердце у Железного Габсбурга, как и тело, было заковано в доспехи и надежно защищено от любовных атак прекрасного пола.

Однако годы идут. И ближайшие родственники герцога Эрнеста начинают беспокоиться о его судьбе. Любой же, даже самый отважный рыцарь, когда-нибудь должен жениться. Хотя бы с целью продолжить свой род.

После очередной победы герцога трое из Габсбургов окружили своего упрямого родственника. Сначала — поздравления, потом — робкий вопрос о том, когда же Эрнест выберет даму сердца? Ибо рыцарь, который выступает на турнире, по традиции должен посвятить свою победу прекрасной даме.

Железный Габсбург знает это. Ну что ж, если уж так хочется окружающим, то пусть ею будет одна из его сестер, шутит герцог.

— Но ведь так вы никогда не заимеете себе жены! — не выдерживает самый молодой из родичей Эрнеста.

— Земные женщины не для меня, — смеется Железный Габсбург. — Они выглядят в седле, как мешки с сеном, их раздражает запах железа и пота. А если некоторые из них и сопровождают своих мужчин на охоте, то с ними обязательно случаются разные неприятности. Зверь нападает только на них, только их лошади пугаются и несут. При виде крови они готовы упасть в обморок. Нет, я не хочу всю жизнь возиться с женщиной, как с капризным цветком. Я женюсь только в том случае, если одна из валькирий, богинь войны, спустится на землю в человеческом теле.

Случайно последние слова Железного Габсбурга слышит мазовецкий рыцарь, гость турнира. Он подходит к герцогу Эрнесту и после почтительного поклона говорит:

— Мой господин, если вы ищете в Германии женщину, слух которой ласкал бы звон оружия, — вы ищете не там. Поезжайте в Мазо-

вию. У князя Земовита Плоцкого есть дочь, по возрасту — невеста. Но среди наших рыцарей нет желающих свататься к ней. Мы любим женщин нежных и тихих. А эта — голыми руками ломает гвозди и гнет подковы. С одной дубиной ходит в лес охотиться и всегда приносит добычу. Надевает мужскую одежду и каждый день старательно практикуется в боевом мастерстве. Мать этой девушки, Александра Ольгерд овна, — родная и самая любимая сестра короля Ягайло. Породниться с ними, женившись на племяннице Ягайло, будет для вас большой честью.

И засмеялся довольный герцог Эрнест:

— Как зовут девушку, которая так напугала рыцарей Мазовни? Если она такая, как ты говоришь,— слово чести, я женюсь на ней.

— Ее окрестили Цецилией. Но сама себя она называет Цимбаркой.

— Цимбарка, жена Железного Габсбурга, — звучит великолепно! — воскликнул молодой герцог.

Хроники свидетельствуют, что уже через несколько месяцев после этого разговора Цимбарка и Железный Габсбург встретились в Плоцке, куда Эрнест приехал специально для знакомства с заинтересовавшей его девушкой. Они сразу же понравились друг другу. Чтобы испытать свои силы, вдвоем, без всякой охраны, отправились охотиться на медведя. И добыли двух огромных зверей.

В 1412 году во дворце короля Ягайло на Вавеле произошло бракосочетание этой необычной пары. Счастливый из-за того, что для его племянницы-чудачки, в конце концов, нашелся достойный муж, Ягайло назначил Цимбарке настоящее королевское приданое.

В Австрии княжна-богатырка очень скоро приобрела уважение среди подданных герцога Эрнеста. Она была доброй и жизнерадостной, и потому в семье Габсбургов ее все любили.

У Цимбарки и Железного Габсбурга родилось девять детей. Мать и отец с самого раннего детства обучали их боевому мастерству. И дети росли здоровыми, . сильными, смелыми.

В 1424 году герцог Эрнест умер. И Цимбарка сама довела до конца начатое ими обоими дело — воспитала из своих детей настоящих рыцарей. А один сын Цимбарки и Железного Габсбурга, Фридрих, стал императором Фридрихом III.

Сама Цимбарка умерла в 1429 году.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

*О том, что жизнь красивой женщины состоит из злоключений*

Дважды вдовец король Ягайло задумал жениться в третий раз. В конце концов, рассуждал он, следует вознаградить себя за четырнадцать лет мучений с некрасивой и глупой Анной Цилейской, взяв в супруги женщину приятную и желанную. Такая скоро нашлась. Это была известная красавица Альжбета Пилецкая, дочь бывшей кормилицы Ягайло.

В прошлом юную Альжбету, как Елену Троянскую, шумно оспаривали друг у друга благородные женихи. Пока мать ее взвешивала все достоинства и недостатки претендентов, выбирая для дочери самого лучшего, случилось нечто необычайное. Небогатый моравский шляхтич Виссель Шамбор, понимая, что у него меньше, чему других, шансов жениться на Альжбете, пробрался ночью в ее спальню и силою добился того, чего не смог добиться галантностью. После этого красавица вынуждена была предстать с ним перед алтарем.

Шамбор увез Альжбету в Моравию. Но недолгим был его триумф. Пилецкую приметил сосед Шамбора Янчик Хичинский, ее красота восхитила его. Услышав из уст женщины печальный рассказ о том, как ей пришлось выходить замуж, Хичинский понял, что сможет рассчитывать на ее взаимность, если отважится на дерзкий поступок. И он выкрал Альжбету (вероятно, не без ее согласия) из имения мужа. В одном из бедных сельских костелов их обвенчали. Так Пилецкая стала одновременно женой двух мужчин. Зная, что это серьезное преступление и с точки зрения церкви, и по законам общества, Хичинский подослал к своему сопернику наемных убийц. Виссель Шамбор погиб.

Весть об этом дошла до короля Ягайло. Он вызвал Хичинского и Альжбету в Краков на суд и был готов сурово наказать обоих. Но Альжбета была так прекрасна, а рассказ ее о собственных злоключениях так трогателен и искренен, что очарованный Ягайло отпустил любовников.

Впрочем, очень скоро Пилецкая овдовела вторично, и при дворе шептались, что король ради восстановления справедливости и соблюдения законности отдал тайный приказ отравить Хичинского.

Третий муж Альжбеты, Винцент Грановский, которому она родила четырех детей, умер в 1410 году.

Похоронив королеву Анну Цилейскую, Ягайло не случайно вспомнил об Альжбете Пилецкой, которая когда-то так сильно взволновала

его. Он пригласил ее в гости в свой замок и нашел, что сорокалетняя вдова еще довольно неплохо выглядит. К тому же она была умна.

Король стал встречаться с Альжбетой все чаще. Но на окончательное решение его вдохновила любимая сестра Александра, предложив жениться на той, которая ему так нравится.

— Первые две твои жены были больными и слабыми, и потому ты остался без наследника, — сказала она. — А Альжбета — здоровая женщина, у нее четверо детей. Она обязательно подарит тебе сына.

В 1417 году, несмотря на протесты и несогласие многих своих подданных, король Ягайло женился на Альжбете Пилецкой. Два года королевская пара с нетерпением ждала появления наследника. Но королева, такая плодовитая в прошлом, была уже немолодой. Поняв это, она впала в отчаяние, затосковала и с горя тяжело заболела. Болезнь оказалась неизлечимой, в 1419 году третья жена Ягайло умерла. Перед смертью, по преданию, Альжбета сказала мужу, в то время уже семидесятилетнему старцу:

— Я рада, что ухожу из этого мира, потому что ты сможешь теперь соединить свою судьбу с той, которая лучше меня выполнит свой долг перед тобою и королевством. Я верю, что у тебя будут еще сыновья.

Быть может, умирающей Альжбете открылась на мгновение заветная тайна будущего. Потому что ее предсказание в конце концов сбылось. Четвертая его жена, белоруска Софья Гальшанская, подарила старому монарху двух сыновей.

## РАССКАЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

*О том, что из всех мужских украшений женщинам больше всего нравятся короны*

Любовь юноши обычно возвышенна и романтична, любовь зрелого мужа — пылка и самоотверженна. Любовь же седого старца очень часто граничит с безумством. В 1418 году только что потерявший жену, Анну Смоленскую, великий князь литовский Витовт обратил внимание на княжну Ульяну Ивановну Гальшанскую. Она была племянницей покойной жены, дочерью ее родной сестры Агриппины Смоленской. Впервые Витовт увидел Ульяну на похоронах жены и поразился ее внешнему сходству с Анной, как ой та была в молодости. Не это ли толкнуло великого князя на безумство? Он решил непременно жениться на племяннице. Но Ульяна уже имела мужа, князя Ивана Карачевского. Поэтому она не могла ответить взаимностью Витовту, каким бы заманчивым ни казалось ей его предложение.

Витовт недолго раздумывал. Он послал своих людей, чтобы они отобрали у Карачевского жену. Защищая свою честь и семью, князь погиб. А Ульяну торжественно доставили во дворец великого князя литовского.

Всего через месяц после убийства мужа эта честолюбивая сорокалетняя женщина вышла замуж вторично. Витовта и Ульяну Гальшанскую венчали 1 ноября 1418 года в кафедральном соборе в Городке.

Новая жена Витовта, внешне столь похожая на Анну Смоленскую, отличалась от нее характером. Ни кротостью, ни мудростью своей предшественницы Ульяна не обладала. Хроники тех времен рассказывали о честолюбии, жадности и склочности этой женщины.

Чувствуя сильную страсть к себе стареющего правителя, Ульяна полностью подчинила его своим капризам, ссорила с подданными, постоянно подчеркивала разницу в возрасте.

В 1428 году она добилась от мужа, чтобы один из самых красивых и мощных городов Великого княжества Литовского, Новогрудок, вместе с окрестностями он отписал в ее личное владение. Но этого ей было мало. После торжественного акта передачи ей Новогрудка, где 175 лет тому назад Миндовг украсил голову своей жены Марты королевской короной, Ульяна захотела стать следующей королевой Литвы и Беларуси.

Ей удалось разогреть честолюбивые помыслы старца Витовта настолько, что тот стал всерьез вести переговоры с магистром Русдор-

фом и императором Священной Римской империи Зигмунтом I о коронации и принятии титула — Король Литовский.

В начале 1429 года на съезде монархов в Луцке обсуждалась возможность превращения Великого княжества Литовского в Королевство Литовское. Главным противником этого выступил Ягайло, считавший Литву и Беларусь своими территориями и не желавший давать родственнику-вассалу самостоятельность.

Но к прихоти женщины и честолюбию мужчины добавилось настойчивое желание их подданных-литвинов отдалиться от Королевства Польского. И вот в 1430 году, после длительных переговоров, хитрых политических ходов, взаимных угроз и страстных уверений в дружбе, Витовт добился-таки от императора права на корону.

Торжество должно было состояться 8 сентября в Вильно. Собрались именитые гости: великий князь московский со своим митрополитом, князья тверской, рязанский, мазовецкий, молдавский господарь, перекопский хан, ливонский магистр, послы византийского императора. Явился и Ягайло, но в глазах его блестели хитрые искорки. Все было готово и продумано до мелочей. Не хватало только короны, которую вот-вот должны были привезти из Германии. И когда наступил назначенный день, корона так и не прибыла в Вильно. Церемонию перенесли на двадцать дней. Но и тогда Витовт не получил свою корону.

Один польский король Ягайло знал почему. Ведь это именно по его приказу все польские дороги, по которым могли провезти из Германии в Вильно священный головной убор, превратились в ловушки. Послов Зигмунда I поджидали, чтобы убить и захватить корону. Вовремя предупрежденные, они не стали рисковать жизнью, а повернули назад.

Коронация сорвалась. Тяжело травмированный душевно, Витовт захандрил и спустя три месяца скончался на руках у несостоявшейся литовской королевы, рыдающей Ульяны. Она пережила его на 18 лет, получив от судьбы достаточно времени, чтобы наедине с собой осмыслить все содеянное, покаяться и разобраться в тех ошибках, которые, увы, уже нельзя исправить.

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЫЙ

*О пагубности ревности и величии добродетели*

Необычная весть мгновенно разнеслась по всему Друцкому замку от подвалов, где среди мехов с вином и свиных туш суетились слуги, до горницы паненок, племянниц князя Семена. Едет высокий гость, король Ягайло! Встречать монарха в самом своем пышном уборе вышел на крыльцо сам хозяин Семен Друцкий с женой и вдовой сестрой, княгиней Гольшанской. За их спинами, скромно опустив головки, стояли три дочери последней, княжны Василиса, Софья и Мария.

Ягайло выглядел утомленным. Но глаза его дивно заблестели, когда он невзначай взглянул на девушек...

Вскоре после королевского визита в Друцкий замок прибыл другой сановный гость, великий князь литовский Витовт. От имени Ягайло он просил для короля руки средней из племянниц Семена Друцкого, Софьи Гольшанской.

Королю было в то время семьдесят четыре года. Трижды вдовец, он так и не заимел наследника. Четвертая женитьба могла б дать Королевству Польскому того, кто в скором времени сменил бы старого Ягайло на престоле. Но отчего же король избрал именно Софью. Шестнадцатилетняя княжна не обладала такой яркой красотой, какой славились королевы Ядвига и Альжбета, первая и третья жены Ягайло, в ее жилах не текла королевская кровь. Король был очарован, скорее, нежной свежестью молодости княжны Гольшанской. Рядом с нею хотел забыть Ягайло о своих годах и болезнях, отдохнуть душой.

Но внезапно появилось препятствие. Семен Друцкий заявил, что не может выдать Софью замуж, потому что есть сестра старше ее, Василиса. Она должна выйти замуж первой, обязательно раньше Софьи, иначе потом ее никто не возьмет. Будут думать, что у девушки есть какой-либо недостаток, потому что младшую взяли, а старшую не захотели.

Обсудив все обстоятельства, Витовт решился предложить Ягайло сватать старшую сестру Софьи. Тем более, что Василиса Гольшанская была более красива. Внезапно придя в смущение, Ягайло отвечал:

— Я и сам знаю, что старшая сестра прекраснейшая, но она Имеет усы (видимо, темный Пушок над верхней губой. — И. М.), а это значит, что девка она сильная, я же человек старый — не смею поддаться искушению взять ее.

Возможно, Ягайло действительно боялся оказаться не на высоте в постели темпераментной смуглой Василисы, но скорее всего дело было

не только и не столько в этом. Король, который уже видел в своих снах нежную Софью, просто не мог представить рядом с собой другую.

Брачные переговоры чуть не зашли в тупик. И тут было найдено компромиссное решение. Василисе срочно подыскали жениха, князя Ивана Вельского. Сразу же после их венчания в новогрудском костеле произошло бракосочетание Ягайло и Софьи Гольшанской.

Очень скоро Ягайло понял, что не ошибся в своем выборе. Юная королева родила ему одного за другим двух сыновей, королевичей Владислава и Казимира. Боясь поверить в такое счастье, старый монарх всячески оберегал и лелеял Софью. И все радовались, глядя на них. Кроме Витовта. Великий князь литовский, сватая для Ягайло четвертую жену, был уверен, что детей в этом разновозрастном браке уже не будет. А там недолго дождаться и смерти короля. Тогда Витовт, который, как ему казалось, гораздо более молодо, чем его двоюродный брат-король себя чувствует, мог бы рассчитывать на польский престол. Королева Софья перечеркнула все мечты и надежды великого князя литовского. Страстное желание власти подсказало Витовту, как надо действовать. Его план был хорошо продуманным и коварным.

В 1427 году на Городельском сейме великий князь литовский попросил слова и неожиданно для всех заявил, что Ягайло не является отцом Софьиных детей. Король уже очень стар. Да и предыдущие же три жены не могли дать ему наследника. Значит, королевичи Владислав и Казимир — незаконнорожденные, а Софья Гольшанская — неверная жена.

Заявление Витовта прозвучало в притихшем зале как взрыв. После минуты замешательства сейм загудел, словно растревоженный улей. Все осуждали королеву и притворно жалели короля. И не было никого, кто бы вступился за честь юной Софьи, — настолько правдоподобно выглядела ложь.

Разъяренный Ягайло кинулся к ни в чем не виноватой жене с требованием назвать имя любовника. Но что могла она сказать ему? Королева плакала, упрашивая и умоляя ревнивца поверить в ее честность.

Не добившись ничего от Софьи, старый король приказал схватить ее фрейлин. Женщин передали палачу. Через несколько дней две из них, сестры Катажина и Альжбета Шчуковские, не выдержали пыток и оговорили королеву, назвав имя молодого рыцаря Генрика из Рогова. И он тоже попал в руки палача. Но благородный рыцарь дер-

жался с достоинством. Даже на дыбе, даже под угрозой раскаленного железа он повторял как молитву: «Королева не изменяла королю».

Его мужество спасло ее. Верховный суд, вспомнив, как ревновал Ягайло своих прежних жен, Ядвигу и Анну, удовлетворился тем, что Софья принесла «очистительную присягу» и поклялась на Библии, что была верной женой.

Король успокоился, мир в семье восстановился. Во время споров и отстаивания королевой своей чести умер ее второй сын Казимир, и родился третий. Ему дали имя умершего мальчика.

В 1434 году Софья овдовела. Она тихо жила при сыновьях, получивших в наследство от отца корону. Более никто и никогда не сомневался в их происхождении, ибо, повзрослев, и Владислав, и Казимир стали внешне очень напоминать молодого Ягайло. Их называли Ягеллонами. И это была уже новая династия польских королей.

В последние годы своей жизни вдовая королева приблизила к себе мужественного Генрика из Рогова, единственного, кто с риском для жизни отстаивал ее женскую честь, когда вся Польша обвиняла ее в измене. Софья заметила, что рыцарь, симпатию к которому она стала испытывать после того, как он спас ее, по-настоящему любит ее, преклоняется перед нею. Они не могли обвенчаться и, кажется, не стали даже любовниками. Но никто не мог запретить этим двоим продолжать молча любить друг друга. Генрик стал советником юного Казимира Ягеллона.

В 1461 году Софья умерла, как все безгрешные души, тихо и без мучений. Она успела переписать свое завещание так, чтобы рыцарь Генрик стал очень богатым человеком. Так щедро добродетельная королева отплатила за благородство и преданность.

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

*О том, что люди, необремененные властью, имеют гораздо больше шансов быть счастливыми*

После смерти великого князя литовского Витовта в его государстве началась отчаянная борьба за власть. Как некогда за великокняжеский венец боролись открыто и тайно Витовт и Ягайло, так же теперь рвали его один у другого из рук их младшие братья, Свидригайло Ольгердович и Жигимонт Кейстутович. Заявляли о себе и другие претенденты, но эти двое были главными. Жигимонт доказывал, что он как брат и ближайший родич Витовта должен стать преемником великокняжеского престола. Свидригайло же уверял всех, что именно ему умирающий великий князь литовский завещал свою державу. И находились свидетели этому.

В конце концов все решилось благодаря сильной поддержке православным населением Свидригайло, который длительное время также был православным, но по настоянию Ягайло принял католичество. Большинство белорусских, украинских, русских магнатов и бояр, которые жили в то время на территории Великого княжества Литовского, были православными. И они не хотели, чтобы ими правил ярый католик Жигимонт. Надеялись, что Свидригайло как бывший единоверец станет защищать их права.

Получив в 1430 году великокняжеский венец, Свидригайло тут же связал себя брачным союзом с сиротою-княжною Анной Ивановной Тверской. Это был мудрый политический поступок. Во-первых, Свидригайло очень угодил своим главным сторонникам, православным Великого княжества Литовского, породнившись с представительницей династии князей одного из наиболее мощных русских княжеств. Во-вторых, браком с Анной новоиспеченный великий князь литовский хотел немного смягчить недовольство тех, кто считал, что Жигимонт как родной брат Витовта имел больше прав занять престол. Ибо мать тверской княжны Мария была родной сестрой Витовта и Жигимонта.

Молодая, обаятельная, разумная, Анна Тверская очень скоро вызвала к себе уважение и восхищение со стороны мужа. Она наотрез отказалась переходить в католическую веру и даже повлияла на Свидригайло таким образом, что среди ближайших советников его не оказалось ни одного католика.

Анна же помогла мужу заполучить такого хорошего союзника, как ее дядя, великий князь тверской Борис Александрович. Союзник этот

был необходим, ибо в Королевстве Польском король Ягайло уже забеспокоился из-за дружбы Свидригайло с православными. Это угрожало обособлением Великого княжества Литовского от Польши. О таком политическом положении мечтал Витовт. Но ему не удалось это осуществить. Может, это сделает сейчас Свидригайло?

Самые серьезные опасения Ягайло стали сбываться, когда великий князь литовский по совету своих бояр заключил союз с Орденом против Польши.

Ягайло и наиболее влиятельные польские магнаты в ответ на эту акцию поддержали заговор католиков Великого княжества Литовского против Свидригайло. В результате в ночь на 1 сентября 1432 года заговорщики окружили замок Свидригайло в Ошмянах. Но захватить великого князя не удалось. Своевременно предупрежденный трокайским воеводой Манивидом, он вместе с женой успел покинуть опасное жилище. Семья направилась в Полоцк, но по дороге на Свидригайло еще раз напали его враги и захватили в плен Анну. Ее доставили в Вильно к только что объявленному заговорщиками новым великим князем литовским Жигимонту Кейстутовичу.

Большинство католиков княжества в создавшейся политической ситуации винило именно жену Свидригайло. И даже недавние союзники его, крестоносцы, не сочувствовали Свидригайло, говорили, что он «...каким-то образом сам этого заслужил, потому что из-за любви своей к жене и к русинам принижал веру римско-католическую и начал выказывать больше склонности к вере русской: обдирал литовцев, обогащал русинов», и что он «не уважал христианства (т. е. Католичества. — И. М.) и ослаблял его, ибо даже жене своей позволил жить по собственной ее воле».

Но, несмотря на это, Жигимонт Кейстутович скоро освободил Анну Тверскую из плена. Возможно, потому, что помнил: она его племянница. Тем более, Анна заявила, что ждет дитя. А может, считал, что его власть будет сильнее держаться, если непопулярная среди католиков Анна будет по-прежнему рядом с его противником, Свидригайло. Как бы там ни было, но Анну отпустили к мужу в Полоцк.

Грустной была их встреча. Лишенный великокняжеского престола, Свидригайло был мрачен, много пил. Православные сторонники объявили его правителем нового государства со столицей в Полоцке — Великого княжества Русского. В него вошли восточнобелорусские города, земли Смоленского княжества, а также Волынь. Но Свидригайло не чувствовал себя счастливым.

В конце 1432 года во время неудачной попытки Свидригайло отвоевать утраченный престол, Анна Тверская родила сына. Но нервное

напряжение, переживания и плен повлияли на беременность, и новорожденный мальчик пожил недолго. Семья тяжело перенесла это горе. Между супругами начались разногласия, конфликты. Под градом обвинений мужа Анна решила «выправить зло», которое она принесла ему, и вернуть утраченный престол любой ценой. Она перешла в католичество, приняв новое имя Зофья. Это дало ей возможность обратиться к папе римскому Эугению IV с просьбой о помощи.

Католики Великого княжества Литовского живо заинтересовались новым оборотом дел. Тем более, что Жигимонт Кейстутович, благодарный Ягайло за помощь, открыто пообещал, что сделает так, чтобы после его смерти Великое княжество Литовское перешло к Польской короне. А это их не устраивало так же, как и крайняя жестокость и подозрительность Жигимонта Кейстутовича, которые вдруг выявились с новой силой и неприятно всех поразили.

Использовав удобный момент, Свидригайло снова повел свои войска на Вильно. Пламя гражданской войны разгоралось все больше. Чувствуя, что он теряет перевес из-за решительных действий Анны (на сторону Свидригайло стало переходить все большее количество католиков), Жигимонт Кейстутович послал своих людей захватить жену Свидригайло в плен. Так Анна Тверская снова оказалась в темнице. Но на этот раз ей трудно было рассчитывать на милость. Удерживая Анну в плену и помня, что Свидригайло ее любит, Жигимонт попытался шантажировать своего врага, требуя от него уступок под угрозой смерти его жены. Но Свидригайло повел себя неожиданно. Он заявил, что безразличен к судьбе Анны, и если Жигимонт убьет ее, то он женится на дочери молдавского господаря, который в союзе с ним разобьет Жигимонтово войско.

Было бы неверно обвинять Свидригайло в коварстве и измене по отношению к жене. Интуиция подсказывала ему, что лучший способ спасти Анну — это отказаться от нее.

Расчет оказался верным. Жигимонт не убил Анну, хотя продолжал держать ее в темнице. Жестокость, с которой он относился к своей пленнице, вызвала возмущение у многих его сторонников и союзников. А папа римский даже прислал ему буллу с требованием освободить невольницу. Он писал: «Самые дикие завоеватели, беря города, жалели жен и отпускали их с честью в свои дома: тем более обязаны это делать властители Христианские».

Но и это не помогло. Анна Тверская находилась в заточении аж до 1440 года, когда уставшие от жестокостей непрекращающейся гражданской войны белорусские магнаты пробрались в Трокайский замок Жигимонта Кейстутовича и убили его. Свидригайло тоже не дали

возможности снова занять великокняжеский престол. Под давлением воли магнатов Великого княжества Литовского он отрекся от своих прав в пользу сына умершего к тому времени Ягайло, Казимира.

Благодарный дяде, Казимир подарил ему Гомель, Давид-Городок и земли в Мозырском и Туровском уездах. А Анне Тверской — Здитов в Слонимском уезде и Дворец на Полесье.

Судьба снова соединила супругов. Семь лет плена сделали Анну кроткой, спокойной и ценящей свободу и жизнь. А разлука с женой заставила Свидригайло беречь каждый миг, чтобы провести его вместе.

Казалось, они светились от счастья...

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

*О том, что преданность и верность познаются не в славе, а в несчастьи*

В хроникальных рассказах о событиях гражданской войны 30-х годов XV столетия на территории Великого княжества Литовского часто рядом с именами великих князей Свидригайло Ольгердовича и Жигимонта Кейстутовича встречается имя князя Олельки (Александра) Владимировича, одного из многочисленных Ольгердовых внуков, племянника и ближайшего соратника Свидригайло. История политической борьбы Олельки тесно связана с историей его необычайной любви к московской княжне Анастасии.

Она была одной из трех дочерей великого князя московского Василия I от Софьи Витовтовны, внучкой Дмитрия Донского по отцовской линии и Витовта Великого — по материнской.

Софья Витовтовна, оставаясь все время патриоткой Великого княжества Литовского, делала все возможное, чтобы союз с ним был у Москвы самым тесным. Сына своего, Василия, она женила на правнучке Ольгерда, серпуховской княжне Марии Ярославне. А Анастасию сосватала в 1417 году за Ольгердова внука Олельку, князя Слуцкого, одного из героев Грюнваль- дской битвы. Крепким обещал быть этот союз, ибо полюбили жених и невеста друг друга так же, как некогда Василий Дмитриевич и Софья Витовтовна.

Поселились молодые в Слуцке, где княжил Олелько. Там Анастасия так же, как когда-то и ее мать, подарила мужу двух сыновей и трех дочерей.

Но в 1430 году умирает Витовт, и в стране начинается борьба за великокняжеский престол. Князь Олелько просто не мог быть не втянут в нее. Как внук Ольгерда, он тоже выдвинул свою кандидатуру на великокняжеский венец. Но вовремя понял, что не имеет достаточно сторонников, чтобы добиться победы. Тогда он, как и все православные белорусские магнаты, поддержал в борьбе за власть Свидригайло Ольгердовича, брата своего отца. Поступок мужа одобрила и Анастасия. Дочь деятельной Софьи Витовтовны, она просто не могла оказаться вдали от политики. Обрадованный Свидригайло сделал племянника и его жену своими ближайшими поверенными, а когда стал великим князем литовским, советовался с ними по многим важным политическим вопросам.

После того как заговорщики-католики в 1432 году лишили Свидригайло власти и объявили великим князем литовским Жигимонта

Кейстутовича, Олелько и Анастасия Васильевна поддержали родственника в борьбе за возвращение престола. Все радости побед и всю горечь поражений разделили они с тем, кому присягнули как сюзерену. Даже понимая, что Свидригайло .— не та личность, которая должна руководить объединенной державой белорусов, литовцев и украинцев, князь Олелько ни разу не помыслил об измене. А его же много раз искушали сторонники Жигимонта Кейстутовича, и даже распустили слухи о том, что Олелько был в ту сентябрьскую ночь 1432 года вместе с заговорщиками, которые шли в Ошмяны, чтобы захватить и убить великого князя литовского Свидригайло. Сильно переживал князь Олелько и его верная Анастасия из-за этой клеветы, которая позднее просочилась даже в некоторые из хроник.

Только в 1434 году, когда Свидригайло ради возвращения желанного престола начал отходить от своих верных православных подданных, когда жена его Анна для потреб великой политики приняла католичество, а сам Свидригайло пообещал всему католическому миру объединение православной и католической церквей в унию, Олелько и Анастасия стали колебаться. Конечно, эта акция могла принести победу Свидригайло, тем более, что в случае удачного ее проведения, император Священной Римской империи Зигмунт I обещал ему то же, что когда-то Витовту — королевскую корону и провозглашение Великого княжества Литовского Королевством Литовским.

Но вера для князя Олельки была священна. И он не понял своего сюзерена. Еще большее непонимание и даже ужас вызвала расправа в 1435 году Свидригайло с митрополитом Литовской Руси Герасимом, который наотрез отказался давать согласие на унию и за это был сожжен на костре в Витебске.

И хотя Олелько выступил вместе с другими православными белорусскими магнатами в решающей битве Жигимонта и Свидригайло на реке Святой на стороне последнего, боевое настроение его, как и многих других воинов, было не таким, с каким побеждают. Битву выиграл Жигимонт Кейстутович. Свидригайло бежал на Волынь. А его недавние сторонники оказались отданными на волю судьбы. Некоторые из них убежали за границу, другим повезло, и Жигимонт их простил, а кое-кто был схвачен и казнен.

Олелько же вместе с женой и детьми попал в темницу в городе Кернове. За решеткой, терпя постоянные издевательства и унижения, они провели почти пять лет. Многие узники в этой тюрьме сходили с ума. Но свет любви хранил жену и мужа, рассеивал мрак в их душах, давал надежду. Из случайно подслушанных слов своих тюремщиков они узнавали о том, что происходило на воле.

А на воле не затихала гражданская война. Свидригайло на Волыни искал новых союзников для продолжения борьбы. Жигимонт то жестоко расправлялся со своими политическими противниками, православными феодалами, то, наоборот, старался задобрить, обещал равные с католиками права в государстве. И зрел новый заговор, уже против Жигимонта.

Благодаря этому семья Олельки обрела свободу. И многострадальный князь оказался наиболее реальным претендентом на великокняжеский престол. Ему предложили возглавить православных Великого княжества Литовского и оружием добиться великокняжеского венца. Но, увидев своими глазами все ужасы братоубийственной войны, он отказался от предложения. И вместе с женой присягнул на верность наиболее спокойному из претендентов, младшему сыну польского короля Ягайло от Софьи Гольшанской Казимиру.

В 1441 году Олелько получил киевское княжение, и вся его семья перебралась в Киев. Там Анастасия вместе с мужем занималась делами просветительства и милосердия. И Слуцку, который остался в их владении, перепадала немалая доля их хлопот. Олелько и Анастасия поддерживали материально православные церкви и монастыри, поощряли в Слуцке деятельность книгописцев, скрипториев и летописцев.

А похоронили их после смерти в Киево-Печерском монастыре, среди прославленных святых и подвижников. В то время такой чести добивались только самые достойные из мирян.

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

*О том, как жених и невеста оспаривали друг у друга право на корону*

После смерти короля польского Ягайло в 1434 году престол занял его десятилетний сын Владислав. Группа польских магнатов опекала его до совершеннолетия и фактически правила от его имени страной. Самым могущественным из опекунов был епископ Збигнев Олесницкий. Юный Владислав очень уважал его за трезвый ум, доброту и справедливость.

В 1439 году в соседней Венгрии умер король Альбрехт Габсбург. Наследника он не оставил. И озабоченные венгры списались с Олесницким, предлагая Владиславу принять венгерскую корону. Они опасались турецкого нашествия и видели выход из сложившейся политической ситуации в объединении Королевства Польского с Венгрией. Эта идея показалась довольно заманчивой и для польских магнатов. Но для того чтобы объединение выглядело законным, надо было женить польского короля на венгерской королеве Элизабет Люксембургской, которая была вдовой. Польские да венгерские политики начали уговаривать, просить, требовать от своих монарха и монархини, чтобы они поженились. Это приводило обе коронованные особы в ужас. Владислав был добрым, благородным и смелым, Элизабет — привлекательной и разумной. Но дело в том, что невеста была на пятнадцать лет старше жениха. Две ее дочери по возрасту более подходили Владиславу в жены, чем она сама. К тому же венгерская королева ждала еще одно дитя от своего недавно похороненного мужа.

— У меня может родиться сын, — взволнованно объясняла она своим подданным, — и тогда он должен будет как наследник получить корону отца.

— Но, может, снова на свет появится дочка, — отвечали министры Элизабет.

— Она почти одного возраста с моей матерью, я никогда не смогу полюбить ее, — жаловался Олесниц- кому Владислав.

— Короли вообще довольно редко женятся по любви,— утешал своего воспитанника епископ, — Вам следует забыть о собственных чувствах, если этого требуют интересы державы.

В конце концов министры вырвали у своих монархов согласие на брак. 1 марта 1440 года в Краков прибыло огромное, в тысячу всадников, венгерское посольство, которое официально передавало престол и предлагало руку королевы шестнадцатилетнему Владиславу. 8

марта в кафедральном соборе Кракова юный польский король торжественно провозгласил себя государем Венгрии и дал слово, что вступит в брак с Элизабет Люксембургской.

Но не успело все это произойти, как из Венгрии на взмыленных конях примчалось новое посольство. Оно доставило известие о том, что вдовая королева родила сына и объявила младенца венгерским королем. А сама стала регентшей при нем. Как издевательство было воспринято поляками то, что Элизабет назвала своего сына тоже Владиславом.

Владислав Ягеллон решил неотложно ехать в Венгрию. Он не хотел выглядеть в глазах своих подданных мальчишкой, которого можно водить за нос. Тем более, что обряд принятия престола был уже проведен и королевское слово насчет женитьбы было дано.

С тяжелым сердцем простилась с сыном польская королева Софья Гольшанская. Ей не хотелось отпускать его, но иначе было нельзя.

Венгрия встретила Владислава негостеприимно. Чтобы он не смог короноваться, приверженцы Элизабет выкрали из королевской сокровищницы корону святого Штефана — знаменитый венец венгерских монархов. Сама Элизабет отказывалась от встречи с юным польским королем. Но тем не менее предлагала ему в качестве компенсации за несостоявшийся брак руку своей старшей дочери, королевны Анны. Владислав с возмущением отказался.

Политическая борьба двух королевских партий в Венгрии тянулась с переменным успехом около двух лет. Закончилась она внезапной смертью Элизабет Люксембургской в 1442 году. Враги Владислава, который после этого уверенно уселся на венгерский трон, обвиняли его в отравлении королевы. Но сам Владислав с гневом опровергал сплетни. Да, он никогда не любил высокомерную Элизабет, но не мог даже помыслить о том, чтобы пойти на убийство.

Чтобы избавить Венгрию от постоянной турецкой угрозы, Владислав в 1443 году начал против турок военные действия. Ряд блистательных побед прославил сына Ягайло и Софьи Гольшанской. Вся Европа с восхищением говорила о молодом короле. Он стал образцом католического рыцаря. Мать в Кракове и младший брат Казимир в Вильно, недавно получивший великокняжеский венец, радовались за Владислава и гордились им. Но счастье бывает так обманчиво...

10 ноября 1444 года в битве под Варной король-рыцарь в критический момент опрометчиво сам возглавил атаку против турок. Янычары расступились, пропустив короля вместе с его гвардией, и вдруг сомкнули свои ряды, окружая их. Из этого котла почти никто не вышел живым. Сам же король исчез...

Софья Гольшанская долго не могла поверить в гибель сына и до самого конца надеялась на чудо. Семнадцатилетний великий князь литовский Казимир плакал, принимая польскую корону, которая перешла к нему по наследству от брата. А венгры официально признали своим королем сына почившей Элизабет Люксембургской.

По иронии судьбы через десять лет после этих событий в Краковском кафедральном соборе, где когда-то юный Владислав давал слово вступить в брак с Элизабет Люксембургской, Казимир назвал своей женой и королевой младшую дочь невесты своего брата — тоже Элизабет. Но эти двое в отличие от первой чары любили друг друга. Казимир и Элизабет-младшая прожили вместе в мире и согласии тридцать восемь лет и вырастили тринадцать детей.

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

*О том, что женщина и в старости остается женщиной*

Во времена Ольгерда Великое княжество Литовское заимело сильного политического конкурента на востоке — Великое княжество Московское. С течением времени недоразумения и взаимные претензии этих двух соседей друг к другу не только не кончились, но и еще больше обострились. Великие князья литовские и московские отчаянно интриговали между собой, оспаривали пограничные территории, ходили один на одного боевыми походами, боролись за экономическое влияние на соседние земли.

Великому князю литовскому Казимиру Ягеллону судьбой было предназначено противостоять правителю Московии Ивану III.

Долгое время объектом их политической борьбы являлся вольный город Новгород Великий. Среди наиболее влиятельных новгородцев были и сторонники Ивана III, и сторонники Казимира. Пролитовскую группировку возглавляла мужественная и решительная вдова новгородского посадника Исаака Борецкого — Марфа.

«Марфа-посадница» называли ее меж собой горожане и очень уважали, что было совсем не случайно. По величине собственности, оставленной ей мужем, Марфа Борецкая была третьей после новгородского владыки и местных монастырей, вместе взятых. Поэтому чувствовала себя настоящей хозяйкой в Новгороде. Имея же вдобавок к огромным богатствам острый ум, упрямый характер, властолюбивые амбиции и прекрасные ораторские способности, Марфа-посадница приобрела значительный политический авторитет среди соотечественников. Взоры Борецкой обратились в сторону Великого княжества Литовского в 60-х годах XV века.

Иван III активно проводил в это время политику объединения русских земель вокруг Москвы. Он открыто объявил о намерении лишить вольный Новгород республиканских традиций и присоединить его к своей державе. Марфа поняла, что в этом случае ее почти неограниченная власть закончится. Она, едва ли не первая особа в Новгороде, после его присоединения к великому княжеству московскому станет просто одной из многих богатых русских землевладельцев. А этого Борецкой, которая привыкла к власти, очень не хотелось. Помешать намерениям Ивана III в отношении Новгорода мог только его могучий сосед, великий князь литовский. И Марфа начала агитировать новгородцев за союз с Казимиром. Хотя она действовала ради личных амбиций, к ней присоединились многие патриоты вольного

города. Они считали позором для себя добровольный отказ от новгородских вольностей и права решать собственные дела на городском вече.

Очень скоро усилиями Марфы-посадницы большинство новгородских бояр стало приверженцами Казимира. Было решено просить великого князя литовского принять Новгород под свою власть, но при условии сохранения всех вольностей и православной веры в этом регионе. Зная, что в случае получения согласия в Новгород должен будет приехать наместник Казимира, Марфа Борецкая посчитала за лучшее загодя оговорить с великим князем литовским и этот вопрос. Она настроила бояр просить, чтобы наместником стал князь Слуцкий и Копыльский Михаил Олелькович.

Здесь Борецкая даже не скрывала своей личной заинтересованности. Князь Михаил Олелькович был неженатым, она — вдовой. Марфа-посадница, несмотря на свой довольно преклонный возраст, мечтала о новом браке. Тем более, думалось ей, замужество это с одной стороны укрепит союз Новгорода и Великого княжества Литовского, а с другой — поспособствует еще большему возвышению ее над соотечественниками и сделает законной новгородской правительницей.

Казимира заинтересовало предложение новгородцев, и в 1470 году из Слуцка в Новгород прибыл князь Михаил Олелькович. Ловкий, мужественный и энергичный, он очень понравился посаднице. Стареющая женщина начала оказывать знаки внимания наместнику, вызывая этим недовольство многих горожан и, кстати, собственных детей (у нее уже были правнуки). Михаил Олелькович также не приходил в восторг от перспективы жениться на вдовушке, которая почти на 20 лет старше его. Но соображения политики вынуждали князя дать согласие на предложение Марфы-посадницы.

Приняв наместника, новгородцы сообщили Ивану III, что больше не считают себя его подданными. Они не сомневались, что в случае, если великий князь московский начнет против них вооруженное выступление, Казимир пошлет им на помощь свои войска.

Приближался день, назначенный для венчания Михаила Олельковича и Марфы Борецкой. И вдруг произошло неожиданное. Из Киева князю Михаилу пришла весть о том, что его старший брат Семен, киевский князь, умер. Осталась вдова с двумя детьми. Перед смертью Семен попросил Казимира позаботиться о них и подтвердить права его малолетнего сына Василия на киевское княжение. Однако Казимир, поощряемый своими католическими подданными, отослал вдову в Пинск, а киевским князем назначил католика Мартина Гаштольда.

Киевляне, в большинстве своем православные, отказались признавать Гаштольда и вызвали из Новгорода Михаила Олельковича. Но он не успел возглавить верных его семье горожан. Гаштольд захватил Киев с помощью военной силы. И назад в Новгород князь Михаил уже не смог вернуться...

Иван III, поняв, что уже почти потерял Новгород, в мае 1471 года двинулся с войском на бунтарский город. Марфа-посадница послала гонца в Великое княжество Литовское. Но неожиданно для всех Казимир изменил новгородцам. Вместо того чтобы послать людям, которые доверились ему, на помощь армию, он направил ее против ... венгров. Внешне все выглядело довольно благопристойно, поскольку венгры, действительно, неожиданно объявили Польше, чью корону носил одновременно с венцом великого князя литовского Казимир, войну. Однако, безусловно, можно было бы направить на венгров не все вооруженные силы. Войска Королевства Польского, например, Казимир мог бы бросить на запад, а Великого княжества Литовского — на восток. Но он не захотел этого делать. Польские советники, к суждениям которых в последнее время он все больше и больше прислушивался, сделали все возможное, чтобы отговорить его от новгородского похода. Они рассчитывали, что расправа Ивана III над непокорным Новгородом значительно ослабит Великое княжество Литовское и тем самым возвысит Королевство Польское.

Иван III подошел со своим войском к Новгороду. Марфа Борецкая, поняв, что помощи от Казимира не будет и что Михаилу Олельковичу уже никак не удастся попасть в осажденный город, доверила войско своему сыну Дмитрию.

Молодой человек вывел новгородцев навстречу войскам Ивана III и принял бой на реке Шелонн. Отсутствие полководческого таланта Борецкого обернулось трагедией — новгородцы были разбиты. Сын Марфы-посадницы попал в плен, а после сдачи Новгорода казнен на главной площади города вместе с другими влиятельными новгородцами.

Марфу Борецкую по приказу Ивана III в кандалах повезли в Москву. По пути она погибла при невыясненных обстоятельствах.

Михаилу Олельковичу ничего не оставалось, кроме как вернуться в Слуцк, где он вскоре женился и заимел наследника, сына Семена.

Жестокая расправа Ивана III с новгородцами поразила современников. Многие подданные Казимира Ягеллона, особенно православные, стали открыто высказывать недовольство его причастностью к этому делу. Послышались голоса в поддержку Михаила Олельковича. Казимир, опасаясь, что граждане Великого княжества Литовского

могут отобрать у него власть в этой державе и посадить на его место Олельковича, попытался лишить князя Михаила его слуц- ких владений, как лишил его племянника киевского княжения. Возмущенный несправедливостью и произволом князь слуцкий вместе со своим двоюродным братом Федором Вельским и князем Иваном Гольшан- ским, недовольными прокатолической политикой Казимира, организовали заговор против своего сюзерена. Заговор был раскрыт, и Михаил Олелькович положил свою голову на плаху.

## РАССКАЗ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

*О любви длиной в одну ночь и ожидании длиной в полжизни*

Это было в XV веке. Два православных магнатских рода из числа старейших и самых уважаемых на Белой Руси решили породниться. Потому что мужественный и отважный князь Федор Вельский и юная княжна Анна Кобрин- ская полюбили друг друга. Редко бывало так, чтобы любви не мешали династические требования. Но этот брачный союз должен был стать исключением из правил.

Венчание было назначено на один из летних дней 1481 года. Пригласили вельможных гостей и даже самого короля Польского, Великого князя Литовского Казимира Ягеллона. Никто не ожидал, что веселый свадебный пир обернется кровавой трагедией. И меньше всего готова была к этому невеста.

Когда дело касается большой политики, мужчины часто забывают о чувствах своих избранниц. Среди православной белорусской шляхты давно уже зрело недовольство политикой Казимира Ягеллона, который отдавал предпочтение своим католическим подданным и несколько ущемлял права иных. В головах самых видных православных вассалов короля Польского, великого князя литовского зрела мысль об отделении от державы той ее части, которую населяли православные белорусы, и присоединении ее к соседнему московскому княжеству. Заговорщики решили создать подходящую для осуществления замысла ситуацию, убив Казимира Ягеллона.

Одним из организаторов заговора был Федор Вельский. Чтобы убить короля, надо было выманить его из Польши. И Вельский не нашел ничего лучшего, как использовать для этого свою свадьбу.

Все шло по плану. Казимир приехал в Кобрин на венчание. Молодых благословил священник. Федор под руку со счастливой и ничего не подозревающей Анной удалился в опочивальню. Наутро должна была состояться охота, во время которой заговорщики, инсценируя несчастный случай, убили бы своего сюзерена. Но слуга, случайно подслушавший чужой разговор, передал его королю. Разъяренный Казимир приказал схватить заговорщиков...

После брачной ночи молодому супругу пришлось бежать. Спасаясь от погони, он не стал подвергать опасности жизнь Анны и оставил ее в кобринском замке.

Судьба благоволила к князю Федору. Ему удалось скрыться. А его сотоварищи, князья Иван Гольшанский и Михаил Олелькович, положили свои головы на плаху. Беглец вынужден был просить убежища в

Москве. Там его хорошо приняли, подарили два города и пообещали помочь вернуть жену. Но Анну задержал в качестве заложницы сам Казимир. Он жаждал мести и рассчитывал, что его личный враг Вельский обязательно вернется за любимой женщиной.

Месяц за месяцем, год за годом разлученные жили, надеясь на встречу. Великий князь московский Иван III посылал своему соседу письмо за письмом и просил простить отважного Вельского и позволить ему соединиться с женой. В ответ же Москва получала лишь одну фразу: «Пусть приезжает и забирает». Но зловещая фраза означала, что плаха, приготовленная для князя Федора, его ждет.

Однажды, обезумев от тоски, Вельский решил, что для него смерть — лучший выход, и пытался бежать в Литву. К счастью, люди великого князя московского перехватили Федора на границе и вернули назад. Когда Казимир умер, престол занял его сын Александр. Но и он отказался дать свободу Анне.

И последние надежды покинули Федора Вельского. По настоянию своего нового сюзерена князь с великой душевной болью развелся с Анной и женился вторично. Это было сделано для того, чтобы остались наследники. Они появились. Но Вельский, заглушая тоску по княжне Кобринской, участвовал во всех военных походах великого князя московского. А затем тихо угас в своем замке в Демене.

А как же в это время вела себя Анна? Она жадно ловила каждую весть о своем несостоявшемся муже, любила его по-прежнему, не имея возможности даже написать несколько слов человеку, союз с которым был скреплен перед Богом и людьми. За каждым ее шагом внимательно следили. Время от времени король Польский, Великий князь Литовский, напоминал ей о возможности выйти замуж вторично. Но Анна Кобринская с негодованием отклоняла эти предложения.

Только в 1502 году, через четыре года после того, как Вельский связал свою судьбу с другой, Анна в отчаянии согласилась на брак с маршалком Вацлавом Костевичем. Этот брак не принес ей счастья. Весть о смерти Федора Вельского сделала Анну безразличной к жизни. Она умерла в 1519 году.

Федор Вельский сражался за Анну семнадцать лет — почти треть своей жизни. Полжизни, двадцать один год хранила верность любимому Анна.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Легко ли написать книгу? Просто удивительно легко, когда автор увлечен сюжетом до такой степени, что и отойдя на время от письменного стола, продолжает находиться рядом со своими героями.

Но у автора этой книги были трудности иного рода. Дело в том, что отечественные хроники и летописи, которые, конечно же, являются основными источниками информации о «рыцарском» периоде в белорусской истории, полны неточностей, несогласований и разночтений. Особенно много всплывает.таких несоответствий при сопоставлении их с работами западноевропейских хронистов и русских летописцев, которые иногда уделяли нашим героям очень много внимания. Белорусским исследователям, серьезно занимающимся уже несколько десятилетий реставрацией подлинной истории периода Великого княжества Литовского, удалось в основном восстановить истинную картину и хронологию важнейших политических событий нашего прошлого. Но личная жизнь даже самых известных героев-рыцарей средневековой державы белорусов и литовцев по-прежнему полна тайн, загадок, недоговоренностей. Иногда по имеющимся данным сложно даже установить степень родства наших героев. Что уж говорить о их любовных историях, многие из которых , приведенные в средневековых письменных свидетельствах, выглядят больше похожими на красивые легенды, чем на факты действительной человеческой жизни.

Что же, вполне вероятно, что в белорусских «рыцарских хрониках» серьезно приукрашены биографии правителей Великого княжества Литовского, а заодно и наиболее знаменитых героев из их окружения. Это могло произойти по вполне объективным причинам. Многие белорусские хроники начали вестись довольно поздно, в эпоху Возрождения, тогда, когда «рыцарские времена» Миндовга, Гедимина и Витовта стали уже прошлым. И описывая это прошлое, хронисты нередко опирались на легенды и предания, ходившие в народе, чтущим память своих прославленных героев. Древние белорусские летописи, которые начали вестись еще во времена святой Ефросиньи Полоцкой и которые могли бы добавить объективности в наш рассказ, к сожалению, утеряны. А из летописей русских и украинских далеко не всегда можно узнать о делах семейных наших великих князей — у этих народов свои герои, своя история, не менее интересная и великая.

В таких условиях автор, увы, не может гарантировать своим читателям, что абсолютно все описанное им стопроцентно достоверно,

потому что у самой возникали сомнения в реальности некоторых невероятных историй из личной жизни белорусских рыцарей, которые были обнаружены ею в хрониках. Но дать слово, что в книге использовано лишь то, что имеется в средневековых документах и ничего не присочинено «для красоты», автор обязана. И она дает это слово, складывая в рыцарском клятвенном жесте пальцы поднятой вверх правой руки.

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Боричевский И. Православие и русская народность в Литве. С-Пб., 1851

Брянцевъ П. Д. Исторія Литовскаго государства съ дрѣвнейшихъ временъ. Вильна. 1889

Васильева Л. Жены русской короны. М. 1999

Вольф Ю. Князі на абшарах Вялікага княства Літоўскага ад канца XIV ст.//Спадчына, 1992, № 4, 5, 1993, № 3, 4, 6

Гісторыя Беларусі (пад рэд. Я. К. Новіка і Г. С. Марцуля) ч. 1. Мн. 1998

Грицкевич А. П, Древний город на Случи. Мн. 1985 Ермаловіч М. Старажытная Беларусь, Віленскі перыяд. Мн. 1994 Ермаловіч М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяды. Мн. 1990

Живописная Россия. Литовское и белорусское Полесье (под ред. П. П. Семенова). Мн. 1993

Заичкип И. А., Почкаев И. Н. Русская история. Популярный очерк IX-середины XVIII ст. М. I992

Ишимова А. История России в рассказах для детей. М. 1999

Карамзин Н. М. История государства Российского. М. 1992, т. 4

Карамзин Н. М. История государства Российского. М. 1993, т. 5

Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. С-Пб. 1855

Крип'якевич І. П. Історія Укра'їнй. Львів. 1992

Ластоўскі В. Ю. Гісторыя Беларускай (Крэўскай) кнігі. Спроба паясніцельнай кнігапісі ад канца X да начатку XIX ст. Коўна. 1926

Летапіс Вялікіх князёў Літоўскіх. У кн.: Беларускія летапісы і хронікі. Мн. 1997

Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М. 1952

Марціновіч А. Ля Каменкі бруістай. Мн. 1992

Масляніцына І. А., Багадзяж М. К. Слава і няслаўе. Мн. 1995

Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мн. 1993

Негволодовъ А. Сказанія о русской землѣ. С-Пб. 1913. т. 2 — 3

Плиско Н. М., Козлов Л. Р. Кобрин. Историко-экономический очерк. Мн. 1987

Полное собрание русских летописей. М. 1975, т. 32

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М. 1989

Силовский В. Д. Родная старина. Нижний Новгород. 1994

Тарасаў К. Памяць пра легенды. Постаці беларускай мінуўшчыны. Мн. 1990

Ткачев М. Щит и меч Понемонья. В сб.: Из тьмы веков светлеющие лики. Мн. 1994

Хроніка Быхаўца. У кн.: Беларускія летапісы і хронікі. Мн. 1997
Чаропка. В. Імя ў летапісе. Мн. 1994
Kosman M. Władysław Jagiełło. Warszawa, 1968
Król S. 101 Kobiet polskich: Siad w historii. Warszawa, 1988
Morawska U. Wybitne Płoccranki. В кн.: Dziesięc wieków Płocka. Płock. 1967
Narbutt T. Dzieje starożytnogo narodu Litewskiego. Wilna. 1835
Ochmański./. Historia Litwy. Wrocław. 1990
Rudzki E. Polskie królowe. Żony Piastów i Jagiellonow. Warszawa, 1990, t. 1
Satała Z Poczet Polskich królowych, ksieżnych i metres. Szszecin,
Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, t. 2
Wawrzykowska-Wierciochowa D. Rycerki i samarytanki. Warszawa, 1988
1990

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание Серия «Двое в истории»

Масленицына Ирина Александровна

ПО РЫЦАРСКИМ ЗАКОНАМ

Редактор Т. Л. Шумейко Художник Г. С. Грак Художественный редактор Р. В. Кондрад Технический редактор Т. А. Тарасенко Корректоры Л. А. Адамович, А. В. Алешко
Набор и верстка выполнены на компьютерной технике Республиканского унитарного предприятия «Издательство «Полымя».
Подписано в печать с орипшал-макета 26.02.2001. Формат 84 х 108 /32. Бумага газетная. Гарнитура кудряшёвская. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 9,78. Тираж 3000 экз. Изд. № 327. Зак. 5047
Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1:22.11.20.300
Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Полымя» Государственного комитета Республики Беларусь по печати. Лицензия ЛВ № 6 от 08.09.2000. 220004, Минск, пр. Машерова, 11
Типография «Победа» Государственного комитета Республики Беларусь по печати. 222310, Молодечно, В. Тавлая, 11